

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2018 Том 18

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Подъячев К. В.** Изучение особенностей социального развития России и гносеологические парадигмы: к вопросу о методологической базе современных социологических исследований 366
- Елина Е. Г., Аникин В. М.** Целевое обучение: социальные риски и их преодоление 373
- Третьяков А. В.** Военно-профессиональная ориентация кандидатов на военную службу по контракту и ее социологическое обеспечение 378
- Зорина А. Е.** «Условия проживания» как фактор актуализации экологической ответственности 383
- Калиникова М. В., Головина А. А.** Социологические основы рефлексии благоприятной городской среды в общественном мнении молодежи 391
- Назарова Р. З., Золотарев М. В.** Речевые тактики убеждения в современном российском предвыборном дискурсе (на примере президентской кампании 2017–2018 годов) 394
- Никифоров Я. А., Романовская О. А.** Концепт «национализм» в социологическом дискурсе 400
- Немерюк Е. Е., Антонова О. Г.** Реализация социальной политики на региональном уровне (на примере Саратовской области) 403
- Ситникова С. В., Шахматова Н. В., Елютина М. Э.** Модельный подход в социологическом анализе социально-ценностного потенциала повседневных практик 409
- Бегинина И. А., Калугина Т. А.** Особенности репродуктивных установок сельских женщин 413
- Покатов Д. В., Антонова О. Г., Дыльнова З. М.** Рекрутирование региональной политической элиты: эволюция этапов, форм и карьерных стратегий 419

Слово молодым социологам

- Сердюков К. Н.** Основные парадигмы социологического подхода к исследованию миграционных процессов (часть 2) 426

Политология

- Шестов Н. И.** Простой и сложный институциональный метод политического исследования 430
- Труханов В. А.** Теоретико-методологические трактовки понятия национальной безопасности в политической науке и практике 436
- Вилков А. А., Попонов Д. В., Козлова М. С., Курганова С. В., Казаков А. А.** Потенциал общественной дипломатии в Саратовской области: анализ результатов социологических опросов 439
- Доленко Д. В., Мальченков С. А., Макшаева Е. Н.** Геополитический фактор в политике России 445
- Артамонов Д. С., Тихонова С. В.** Меминг в политике памяти России 450
- Головченко А. В.** Имиджевые инверсии либерального лидерства в современной России 457
- Чуйков О. Е.** Политическое лидерство в современной системе государственного управления России 463
- Александров А. Р., Машкова С. Г.** Феномен политической стабильности в условиях снижения уровня жизни населения на примере российской провинции 466
- Афонасова А. В.** Проблематика политической функциональности государства в научном дискурсе постсоветской России 470

Слово молодым политологам

- Толкунов Н. С.** Роль этнополитики в формировании российской гражданской нации 474
- Рождова З. И.** Проблемы функциональности демократии: методологические подходы к изучению 479

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 22.00.00 – социологические науки; 23.00.00 – политология)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 30.11.18.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,8 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 158-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipoplit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Sociology**

- Podyachev K. V.** Studying Russian Social Development Peculiarities and Gnoseological Paradigms: On the Problem of Methodology Basis of Contemporary Sociological Investigations 366
- Elina E. G., Anikin V. M.** Purpose Education: Social Risks and Their Overcoming 373
- Tretiakov A. V.** Military-Vocational Orientation of Candidates by Contract Military Service as the Object of Sociological Analysis 378
- Zorina A. E.** "Living Conditions" as a Factor of Ecological Responsibility Actualization 383
- Kalinnikova M. V., Golovina A. A.** Sociological Foundations for the Reflexivity on Favorable Urban Environment in Youth Public Opinion 391
- Nazarova R. Z., Zolotarev M. V.** Verbal Tactics of Persuasion in Contemporary Russian Electoral Discourse (The Study of the Presidential Campaign 2017–2018) 394
- Nikiforov Ya. A., Romanovskaia O. A.** The Concept "Nationalism" in the Sociological Discourse 400
- Nemeryuk E. E., Antonova O. G.** Social Policy Implementation at the Regional Level (The Study of Saratov Region) 403
- Sitnikova S. V., Shahmatova N. V., Elutina M. E.** Model-Based Approach in the Sociological Analysis of Social and Value Everyday Practices Potential 409
- Beginina I. A., Kalugina T. A.** The Peculiarities of Rural Women's Reproductive Goals 413
- Pokatov D. V., Antonova O. G., Dyl'nova Z. M.** Recruiting the Regional Political Elite: Evolution of the Stages, Forms and Career Strategies 419

A Word to Young Sociological Scientists

- Serdyukov K. N.** The Basic Paradigms of the Sociological Approach to the Study of Migration Processes (Part 2) 426

Politology

- Shestov N. I.** The Simple and Complicated Institutional Method of Political Research 430
- Trukhanov V. A.** Theoretical and Methodological Interpretation of the Concept of National Security in the Political Science and Practice 436
- Vilkov A. A., Poponov D. V., Kozlova M. S., Kurganova S. V., Kazakov A. A.** Public Diplomacy Potential in Saratov Region: Opinion Poll Results' Analysis 439
- Dolenko D. V., Malchenkov S. A., Makshaeva E. N.** The Geopolitical Factor in Russian Policy 445
- Artamonov D. S., Tikhonova S. V.** Memory in the Russian Memory Politics 450
- Golovchenko A. V.** Image Inversions of Liberal Leadership in Modern Russia 457
- Chuikov O. E.** Political Leadership in the Modern System of State Administration of Russia 463
- Alexandrov A. R., Mashkova S. G.** The Phenomenon of Political Stability in the Face of Declining Living Standards of the Population on the Example of Russian Province 466
- Afonasova A. V.** Problematics of Political Functionality of the State in the Scientific Discourse of Post-Soviet Russia 470

A Word to Young Politological Scientists

- Tolkunov N. S.** The Role of Ethno-Politics in the Formation of the Russian Civil Nation 474
- Rozhkova Z. I.** Problems of Democracy Functionality: Methodological Approaches to the Study 479

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готтлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

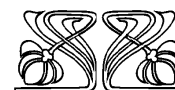
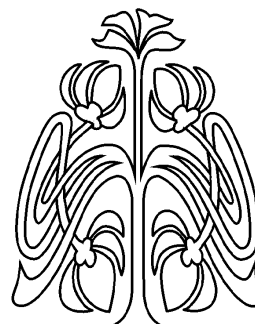
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

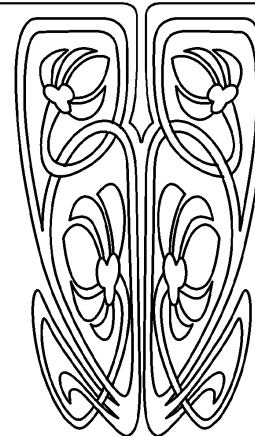
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Jim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakh K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.1

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ БАЗИСЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К. В. Подъячев

Подъячев Кирилл Викторович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, kirvik@bk.ru

В данной статье рассматривается проблема разработки методологии и исследовательского инструментария в социологии и других социальных науках. Опираясь на классификацию методологических парадигм, предложенную Жаном Тошченко, автор показывает, что для изучения социальных реалий современной России большим эвристическим потенциалом обладает конструктивистская парадигма, в которой преодолеваются недостатки, присущие традиционной аналитической модели. Автором сделан вывод о том, что национальная социологическая школа должна избегать крайностей автаркии, но и не брать на вооружение методологические концепты, сформированные на основе анализа других типов обществ, не оценив предварительно их эвристического потенциала.

Ключевые слова: социология, Россия, гуманитарные науки, социальное развитие, социальная теория, гносеология, методологические парадигмы, актор.

**Studying Russian Social Development Peculiarities and Gnoseological Paradigms:
On the Problem of Methodology Basis of Contemporary Sociological Investigations**

K. V. Podyachev

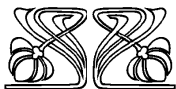
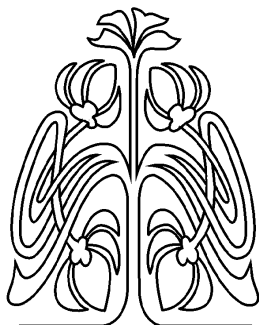
Kirill V. Podyachev, ResearcherID: G-8881-2017, <https://orcid.org/0000-0002-1342-7076>, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 24/35, Korpus 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia, kirvik@bk.ru

This article examines the problem of developing methodology and research tools in sociology and other humanities. On the basis of methodological paradigms classification, proposed by Zhan Toschenko, the constructive paradigm possessing a great heuristic potential for studying the social realities of contemporary Russia is presented. Therefore the shortcomings inherent in the traditional analytical model are overcome. In conclusion it is stated that the national sociological school should avoid the extremes of autarky, but at the same time appealing to methodological concepts, based on the analysis of other types of societies without first assessing its heuristic potential should be avoided, as well.

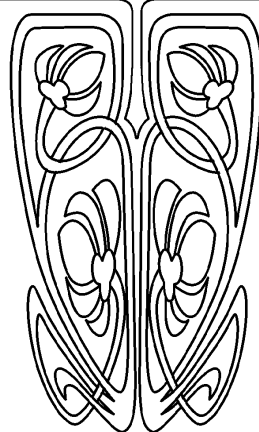
Key words: sociology, Russia, humanities, social development, social theory, gnoseology, methodological paradigms, actor.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372>

Череда быстрых, для многих неожиданных изменений, происходящих в мире, политическая, экономическая и социальная турбулентность требуют от социальных наук (а к ним относится не только социология) решения некоторого нового класса задач. В условиях постоянно возникающих кризисных явлений в экономике и политике всё человечество остро нуждается в образах и смыслах, задающих перспективу преодоления кризиса. Но, как можно видеть хотя бы на примерах с победой на выборах в США Д. Трампа или успехом «Брэк-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

зита», сегодня прикладная социология с трудом улавливает тренды, меняющие облик мира. А ведь последнее крайне опасно, поскольку грозит крупными ошибками уже при принятии политических решений. Однако, на наш взгляд, ошибки прикладной социологии вызваны вовсе не недостаточным профессионализмом социологов. Проблема гораздо глубже: современная ситуация указывает нам на слабость господствующих в социальных науках методологических концептов и вынуждает задуматься над их переоценкой.

Идея «демократического рая», о которой писали Ф. Фукуяма, Э. Гидденс, Р. Даль и многие другие, себя не оправдала. После 2008 г. стало понятно, что таковой рай невозможен, а если и возможен, то лишь для незначительной части населения планеты. Но задать иную перспективу не получится без осмысления всего пройденного пути, без глубокого анализа протекавших ранее и протекающих сегодня в мире и отдельных странах процессов. Таким образом, сегодня транзитологический вопрос, «как из пункта А прийти в пункт Б» (причём пункты А и Б известны и описаны), перестал быть актуальным, а остросовременными стали вопросы «Где мы?» и «Куда мы идём?». Это относится как к человечеству в целом, так и к отдельным цивилизациям, странам, народам. Громадность этой задачи пугает, парализует волю, но всё же, как представляется, у нас нет иного пути, кроме как взяться за её решение.

Одной из важных составляющих работы по решению указанной задачи является осмысление особенностей социокультурных процессов, протекающих в незападных обществах, к которым далеко не всегда могут быть применены концепты, разработанные в США, Германии и т. п. Не вдаваясь в дискуссию о том, в какой мере Россия является обществом «западным», а в какой нет, отметим всё же, что, по мнению многих представителей не только «почвеннической», но и «западнической» школы, российское общество обладает определённой спецификой.

Так, обстоятельные социологические исследования последних лет отмечают, что даже у представителей российского среднего класса, считавшихся носителями более космополитичного, «постмодерного» сознания, появилось «сознание... неприменимости ряда норм и ценностей западной культуры в российских условиях, неприемлемости стандарта, который... используется странами Запада в оценке России»¹. В значительной степени этому способствовали события на Украине, «русская весна», воссоединение Крыма с РФ и т. п. Но необходимо отметить, что, хотя все эти события и оказали влияние на публичный дискурс, заставив многих задуматься, проблема специфики российской социальной реальности была порождена не ими. Задолго до всех этих событий академик М. К. Горшков отмечал: «...совершенно очевидно, что, по сравнению с большинством других, и прежде всего за-

падных стран, Россия обладает особенностями, существенно затрудняющими анализ, оценку и прогноз направлений происходивших и происходящих в ней... перемен»².

При этом мы наблюдаем поразительное несоответствие вроде бы научно обоснованной модели российского социума и эмпирически выявляемых его проявлений. Если изучать Россию с позиций господствующих концептов, применяя к ней, например, такие конструкты, как «демократия», «модернизация», «правовое государство», то довольно легко получить выводы о том, что страна «отсталая»³, государство в ней «авторитарное», институты «архаичны», население находится «в плену патернализма» и т. п. Например, сравнивая партийные системы РФ и стран Западной Европы, причём принимая последние за эталон, нетрудно получить вывод об «архаичности» отечественной политической системы или даже о том, что российские политические партии вовсе партиями не являются⁴. Таким же образом, применив метод ценностного анализа Ш. Шварца или Р. Инглхарта⁵, можно получить вывод и об «отсталости» массового сознания россиян. Действительно, по шкалам «традиционализм – секулярность» или «выживание – самореализация» россияне показывают результаты, достаточно отличающиеся от данных по США или Скандинавии⁶. А если углубиться в российскую историю и применять тот же исследовательский инструментарий, только уже к историческим данным, можно обосновать и то, что Россия всегда была «исторически неадекватна» (В. П. Булдаков)⁷.

Но оставаясь в рамках применённой исследовательской методологии, абсолютно невозможно объяснить, каким же образом Россия (отсталая, архаичная, «неадекватная») не только смогла появиться, но и сохранить себя на протяжении стольких веков? Об этом не принято задумываться, но ведь историческая Россия – это географический пятючок, территория современных Московской, Владимирской, Ивановской, Ярославской и Костромской областей. На этой территории неблагоприятный климат, нет природных ресурсов, критически неудобна логистика и отсутствуют надёжные естественные границы. Почти 300 лет страна, как принято думать, находилась под «татаро-монгольским игом». И вдруг, как по волшебству, она не только избавилась от «ига», но и довольно быстро овладела территорией своего бывшего «господина». Затем в течение каких-то 150 лет Россия выросла до естественной границы Северной Евразии. При этом, в отличие от западной колонизации, русская не имела прямого экономического смысла, ибо климат Сибири ещё более суров, чем Русского Нечерноземья. На этот парадокс обратил внимание русский мыслитель И. Л. Солоневич⁸. Но этого мало. Страна пережила Смутное время, когда, казалось, она

прекратила существовать как целостность, и на удивление быстро возродилась. Смута завершилась, как принято считать, в 1618 г., уже в 1654 г. был возвращён Смоленск, а в 1709-м произошла Полтавская битва. В 1759 г. русская армия нанесла сокрушительное поражение лучшей армии Европы – прусской, которой командовал Фридрих Великий. Про победу над Наполеоном и Крымскую войну (где Россия потерпела поражение, но такое, что стоило победы), думается, нет необходимости напоминать.

В XX в. Россия, которую после 1917 г. главные геополитические игроки списали со счетов, к середине 1930-х вновь стала мировой державой, хоть и под иным названием, и одержала победу над мощнейшей в истории человечества военной системой, на которую работала экономика всей континентальной Европы.

После Великой Отечественной войны многие в мире думали, что восстановление СССР – дело десятилетий, но промышленность была отстроена на удивление быстро, и уже через 4 года (!) после окончания войны было получено собственное ядерное оружие. Через 12 лет после Победы запущен первый в истории искусственный спутник Земли, а ещё через 4 года гражданин «отсталой и разрушенной» страны первым из людей отправился в космос. А ведь при этом в России ещё была создана великая культура и т. д. и т. п.

И даже новейшая история, где она уже смыкается с сегодняшним днём, подтверждает данное наблюдение. В начале 1990-х весь западный мир был убеждён, что не только с коммунистическим проектом, но и с Россией как геополитическим фактором покончено навсегда. Эта точка зрения была абсолютно преобладающей и в медийном, и в академическом дискурсах. Тем большим было потрясение от демонстративного «возвращения» России в большую геополитическую игру в 2014 г. Как бы это ни показалось странным тем, кто верит в абсолютное интеллектуальное превосходство западной науки, но «Крымская весна» и успешное вмешательство России в сирийскую войну были полностью неожиданными для всего западного мира: и для политиков, и для журналистов, и для исследователей⁹.

И всё это заставляет задаться вопросом: каким же образом это стало возможным и 400 лет назад, и сегодня? Ответ «государство решало все проблемы за счёт народа» никак нельзя признать удовлетворительным, поскольку остаётся непонятным, как же тогда этот народ не вымер, подобно некоторым видам животных, а не только сохранился, но и достиг выдающихся, подчас беспрецедентных успехов (см. выше). Увы, большинство рассмотренных нами работ, при всём высоком профессионализме их авторов, не могут дать этому удовлетворительного объяснения, вполне отвечающего принципу методологической строгости.

А пока такое объяснение – *убедительное, теоретически и эмпирически обоснованное, не получено, говорить о хоть сколько-нибудь успешном развитии социально-гуманитарного знания в стране, на наш взгляд, не приходится.*

Но если уважаемые исследователи, сохраняя методологическую строгость в работе, тем не менее, пришли к выводам, очевидно вступающим в противоречие с реальностью, то говорит это лишь об одном. Это означает слабость и несовершенство методологии, которой мы на сегодня располагаем.

С большим сожалением приходится констатировать, что современная российская социология (равно как и другие социальные науки) недостаточно знает собственную страну. Время, прошедшее со времени отмены идеологического контроля одной партией, было потрачено на то, чтобы вписаться в «актуальный мировой дискурс».

Таким образом, сегодня российское научное сообщество нуждается в создании «инструментария, с помощью которого можно уловить особенные свойства российской традиции и российского модерна»¹⁰. Заинтересована в нём и вся мировая социология, поскольку такой инструментарий обогатит и её методологический арсенал. При этом мы далеки от того, чтобы утверждать, будто он должен быть каким-то «этнически чистым». Напротив, в основу его можно положить вполне европейские по происхождению теоретические конструкты: например, интуитивную философию А. Бергсона, феноменологию Э. Гуссерля и т. д. Достоинство их видится не в «оппозиционности» научному мейнстриму, а в том, что, как представляется, их эвристический потенциал в исследовании *именно российской* социальной реальности более высок.

При этом вряд ли верно то, что «мейнстрим» возник под влиянием неких злонамеренных сил. Все теоретические концепты в социальной мысли возникали по мере развития общества, фиксируя те явления, которые нуждались в осмыслении, отвечая на актуальные запросы людей. Но сегодня в осмыслении нуждаются факты, которые ранее не были заметны или не казались особенно значимыми. В частности, социокультурные особенности незападных обществ. Или, применительно к России, те специфические черты, которые выявляются в российских локальных сообществах в ходе региональных исследований, но с трудом могут быть объяснены в рамках господствующих концептов¹¹.

Всё сказанное выше привело нас к тому, что необходимо вновь обратиться к методологическим проблемам, более того, к базовым основаниям методологии, к «знанию о знании». А здесь весьма популярный сегодня метод построения исследовательской работы с опорой строго на литературу последних трех-пяти лет неприменим. Оценить эвристический потенциал суще-

ствующих теоретических концептов можно лишь с позиций концептов более высокого порядка, сформировавшихся в более ранние исторические периоды. Таким образом, мы считаем необходимым обратиться к самым основам гносеологии и истокам научного осмысления социального мира.

Итак, все концепции познания, все способы постижения мира, известные человечеству, можно свести к двум парадигмам (точнее даже – мета-парадигмам): *аналитической* и *холистической*.

Аналитическая парадигма зародилась в Античности¹². Она основана на предположении, что всё сущее, недоступное для человеческого познания целиком, может быть мысленно расчленено на более простые сущности, которые возможно охватить, осмыслить силами интеллекта.

В противовес ей *холистическая парадигма*, восходящая, скорее всего, к Древнему Востоку¹³, предполагает целостное познание предмета, пусть и не детализированное.

Противостояние их прослеживается во всей известной истории познания и мышления. Если говорить о традиции христианских народов, то здесь столкновение этих парадигм ярко выражено в богословском споре святого Григория Паламы¹⁴ с Варлаамом Калабрийским и его приверженцами 1335–1351 гг.¹⁵

Именно победа аналитической парадигмы в западноевропейской мысли (вероятно, со времени Декарта и Бэкона) и сформировала известную нам классическую науку. По словам И. Р. Пригожина, она «была порождена культурой, пронизанной идеей союза между человеком, находящимся на полпути между божественным и естественным порядком, и Богом, рациональным и понятным Законодателем, суверенным Архитектором, Которого мы постигаем в нашем собственном образе»¹⁶. Конечно, успехи этой науки были грандиозны: все технические достижения, начиная с конца XV в., стали возможны благодаря ей. И современное научное знание есть именно плод *развития аналитической парадигмы познания*.

Но по мере дальнейшего хода истории стало понятно, что даже в естественных науках, под которые она была изначально заточена, эта парадигма имеет свои ограничения. Они обнаружили себя уже в конце XIX в., на что обращали внимание, например, А. Бергсон¹⁷ и П. Тейяр де Шарден¹⁸. А с 1960-х гг. многие исследователи (и именно естественники) стали говорить о пределах научного познания, по крайней мере, в рамках классической (т. е. аналитической) парадигмы¹⁹.

Даже в сфере здравоохранения, несмотря на все успехи классической медицины, также основанной на аналитической парадигме познания, возник интерес к наследию старой, холистической медицины (которую неизвестно почему называют нетрадиционной), смысл которой выражается девизом «лечить не болезнь, а человека». А поскольку народная медицина и в Европе, и в

России была почти полностью вытравлена, то пришлось обращаться к сохранившимся медицинским традициям: аюрведической, китайской и тибетской.

В социально-гуманитарных науках, несмотря ни на какие контовско-веберианские ухищрения, наподобие «ценностного нейтралитета», невозможно окончательно отделить познающий субъект от познаваемого объекта. По этой причине возможности аналитической парадигмы здесь ещё более ограничены. Так, выдающийся историк и методолог социально-гуманитарного знания М. Блок, анализируя двухсотлетний опыт французской исторической науки и историко-социальной мысли, писал: «Два великих историка (Ж. Мишле и Н.-Д. Фюстель де Куланж. – К. П.) были достаточно великими, чтобы знать: цивилизация, как и индивидуум, ничем не напоминает пасьянса с механически подобранными картами; знание фрагментов, изученных по отдельности один за другим, никогда не приведёт к познанию целого – оно даже не позволит познать самые эти фрагменты»²⁰.

И дальнейшее развитие социальных наук исключительно на основе *аналитической гносеологии* привело к столь большому разнообразию предметных областей и исследовательских методов, что даже в рамках одной отрасли знания разные научные «подразделы» с трудом находят общий язык. Так называемая «кафедральная замкнутость», от которой предостерегал социологов Р. Дарендорф²¹, и «дробление на небольшие теоретические школы, очерняющие друг друга в борьбе за лидерство»²² до сего дня остаются, с нашей точки зрения, главными препятствиями на пути дальнейшего развития и социологии, и других социально-гуманитарных дисциплин. Но ведь они – прямое порождение догматического аналитизма, господствовавшего в социальных науках.

Несомненно, фундаментальная наука как таковая невозможна без анализа, логики, рассуждения – т. е. *аналитической гносеологии*. Но представляется уже совершенно очевидным, что без внедрения некоторых элементов гносеологии *холистической* дальнейшее развитие науки становится весьма проблематичным. Надо заметить, что в этом отношении отечественная социологическая мысль имеет некоторое временное преимущество: об описанной выше проблематике ещё в 1970-х гг., опередив время, писал В. Н. Шубкин²³. На Западе дискуссии на эту тему начались несколько позже, например, цитированные выше работы Р. Дарендорфа и Р. Коллинза написаны в 1988–1990 гг. Но даже в недавнее время, уже после экономического кризиса 2008 г., выступивший с критикой аналитической парадигмы (на сей раз применительно к экономике и геополитике) американский мыслитель Н. Талеб²⁴ был подвергнут многочисленным нападкам. Но, несмотря на бурные дискуссии в мировом научном сообществе, в том числе

и социологическом, до настоящего момента современные исследователи имеют все основания говорить о «серьёзном методологическом кризисе современного социального знания, не способного дезавуировать наиболее яркие и устрашающие эффекты господства режима социальной онтологии Нового времени»²⁵ (каковая и была вызвана к жизни тотальным торжеством аналитической гносеологии).

Переходя с уровня социальной метафизики и гносеологии уже собственно на социологический, задаёмся вопросом: какие же именно теоретические конструкты, какие методологические концепции наиболее адекватны современным остроактуальным проблемам?

Так, один из наиболее авторитетных российских социологов Ж. Тощенко выделяет следующие исследовательские парадигмы в социологии:

- 1) реалистскую, ориентированную на общество как систему;
- 2) номиналистскую, ориентированную на личность в социуме;
- 3) конструктивистскую, ориентированную на познание социальной жизни во всём её многообразии²⁶.

К реалистской парадигме, по его мнению, относятся структурный функционализм Т. Парсонса, теория социальных изменений Р. Мёртона, структурализм М. Фуко и К. Леви-Стросса, стратификационная школа П. А. Сорокина, концепция мир-системы И. Валлерстайна, теория сетей Э. Гидденса и М. Кастельса, космополитическая социология У. Бека и др. К номиналистской парадигме Ж. Тощенко относит бихевиоризм, теорию социального обмена Д. Хоманса и П. Блау, феноменологическую социологию А. Шюца, социологию знания К. Маннгейма, социологию религии П. Бергера, этнометодологию Г. Гарфинкеля и ряд других.

Обе названные парадигмы (соответственно, и все развивавшиеся в их рамках теоретические концепты) имеют и сильные, и слабые стороны. Главной проблемой социологического реализма является, согласно Ж. Тощенко, то, что его «центральное понятие – общество и его производные – социальные структуры, системы, институты – являются важной, но серьёзно ограниченной областью получения социологического знания»²⁷. В свою очередь, социологический номинализм, преодолевая отчуждённость социологии от субъекта, всё же оказался неспособен «дать полную и всестороннюю характеристику социальной реальности в силу ограниченности собственного подхода и понимания предмета социологии»²⁸.

В сущности, названные парадигмы можно охарактеризовать как проявления в социологии философских метапарадигм объективизма и субъективизма. Но обе они остаются по большей части в рамках аналитической гносеологии, о недостаточности которой говорилось выше.

По этой причине приходится обратиться к концептам, принадлежащим третьему парадигмальному (метатеоретическому) направлению в социологии – конструктивистскому. Именно в нём в известной степени удаётся преодолеть дуализм субъекта и объекта, «органически учитывать всё многообразие социальной реальности, социальной жизни людей»²⁹. Надо полагать, что само появление такого направления социологического мышления было связано не только с эвристической недостаточностью двух других парадигм, но, более того, – с недостаточностью *аналитической гносеологии* как таковой. Конструктивистская социология, как указывает Ж. Тощенко, «анализирует и интерпретирует социальную реальность, социальную жизнь и соответственно жизненный мир во всём их многообразии»³⁰, т. е. преследует вполне *холистическую* цель. При таком подходе преодолевается главный недостаток аналитической гносеологии – её статизм, неспособность уловить динамику развития, когда ход мысли направлен «от одного сочетания вещей к другому, от одновременности к одновременности»³¹. Именно в рамках конструктивистской парадигмы становится социологически операциональным термин «жизненный мир» (*der Lebenswelt*), заимствованный Ю. Хабермасом у Э. Гуссерля³². А мысль последнего всегда стремилась к внесению *холистического* элемента в методологию познания.

Наиболее значимым для российских исследований направлением, по нашему мнению, является *социологический активизм* А. Турэна, который Ж. Тощенко также относит к конструктивистской парадигме³³, и другие близкие концепции, ставящие в центр внимания не просто субъекта (индивида), но субъекта действующего, «под воздействием которого осуществляются преобразования как в макро-, так и в мезо- и микросоциальном плане»³⁴. В применении этого подхода к анализу российских реалий немало достигла О. В. Аксёнова³⁵, и работа в этом направлении продолжается³⁶.

Субъект, актор, находящийся в центре внимания данного подхода, хотя действует в рамках социальных институтов, но при этом руководствуется определёнными личными мотивациями. А эти мотивации далеко не всегда имеют чисто экономический и вообще рационально просчитываемый характер. Они часто связаны с личностными качествами действующего субъекта, его религиозными, политическими, иными убеждениями, которые неизбежно придётся принимать во внимание.

А когда речь заходит о *ценностях* и таких явлениях, как социальное действие – акторство, участие, вообще о любых проявлениях в социальной среде *действующего субъекта*, то решающее значение приобретают аксиологический, психологический, исторический, этнокультурный аспекты. Акторское действие имеет на-

правленность не только рациональную (защита интересов), но, главным образом, ценностно-телеологическую. Оно теснейшим образом связано с ценностными установками, этнокультурными стереотипами и духовно-религиозными убеждениями. А они с трудом вписываются в рамки позитивистской методологии и математических моделей. Там, где присутствует влияние традиций, религии, вообще везде, где «оставила след история», действуют методы, отличные от метода естественных наук и близкого к нему «модельного» метода в науках социальных, что было блестяще показано ещё в работах мыслителей Баденской школы³⁷.

Вне всякого сомнения, место для математических методов всегда остаётся, но, по нашему мнению, они могут носить только прикладной характер, будучи применены для обработки массивов данных.

Но при анализе и обобщении, при выборе самого направления поиска приходится принимать решение в пользу других теоретических концептов. Ибо совмещение позитивистской методологии с ценностно-телеологическим подходом представляется более чем сомнительным. Как указывал один из крупнейших теоретиков науки Г. фон Вригт, «противоположность этих позиций (позитивизма и телеологизма. – К. П.) обнаруживается на столь глубоком уровне, на котором уже невозможно говорить об их примирении или опровержении... Противоположен выбор изначальных, основополагающих понятий концепции. Можно охарактеризовать этот выбор как “экзистенциальный” – это выбор точки зрения, которая не имеет дальнейшего обоснования»³⁸.

И в заключение ещё раз подчеркнём: мы убеждены, что «национальная социология», споры о которой идут уже давно³⁹, необходима не для удовлетворения чувства национальной гордости, а для лучшего познания специфических российских феноменов, не понимая сути которых, мы, как исследователи, будем ошибаться снова и снова, а вслед за нами ошибаться будут и те, кто принимают управленческие решения. Кроме того, и мировая социология станет гораздо богаче, если пополнится новыми теориями, основанными на анализе других, незападных, обществ. Выдающийся современный учёный Пётр Штомпка, выступая против деструктивной, по его мнению, тенденции к обособлению научных социологических школ в различных странах, писал: «Для меня выражения “польская социология”, “французская социология”, “бразильская социология” и т. д. имеют лишь административные коннотации, но не более глубокий сущностный смысл. Я за “одну социологию для многих социальных миров”»⁴⁰. Мы абсолютно согласны с уважаемым нами исследователем, но твёрдо убеждены, что такая «социология для многих миров» возможна лишь в перспективе, когда мировая социальная наука вберёт в

себя многочисленные национальные школы, как оформившиеся, так и только зарождающиеся. Мы полагаем, что универсальная социология, основанная исключительно на анализе социального опыта Франции, Германии и США, пользующаяся методологическими инструментами, созданными для изучения именно этих обществ, невозможна. Такая социология будет упускать из поля зрения многие важные элементы реальности и, как следствие, приходиться к ошибочным выводам. Профессиональному сообществу российских социологов, политологов (вообще всех исследователей-гуманитариев), видимо, следовало бы обратить на это внимание.

Хочется надеяться, что данная статья способна послужить некоторым основанием для дискуссии по обозначенной проблематике.

Примечания

- 1 Средний класс в современной России : опыт многолетних исследований / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2016. С. 344.
- 2 Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М. : Новый хронограф, 2011. С. 12.
- 3 Такого рода подходы можно встретить даже в новейших работах. Их авторы словно бы игнорируют все изменения, имевшие место в мире с 2008 г. См. например : *Иноземцев В. Л.* Несовременная страна : Россия в мире XXI века. М. : Альпина Паблишер, 2018.
- 4 См.: *Кынев А. В., Любарев А. Е.* Партии и выборы в современной России : эволюция и деволюция. М. : Фонд «Либеральная миссия» ; Новое литературное обозрение, 2011.
- 5 См.: *Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Ценности культуры и развитие общества. М. : ИДГУ-ВШЭ, 2007. С. 66–86.
- 6 См.: *Мастикова Н. С.* Ценности россиян : что следует из сопоставления статистик международных исследований? // Социс. 2013. № 1. С. 36–46.
- 7 См.: *Пивоваров Ю. С.* Русская политика в её историческом и культурном отношении. М. : РОССПЭН, 2006.
- 8 См.: *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М. : Алгоритм, 2011.
- 9 См.: *Кондратьева Е.* Весна в этом году опять русская // Взгляд : деловая газета. 2017. 27 марта. URL: <http://www.vz.ru/opinions/2017/3/27/863649.html> (дата обращения 21.04.2018).
- 10 *Аксёнова О. В.* Парадигма социального действия : профессионалы в российской модернизации. М. : ИС РАН, 2016. С. 22.
- 11 См.: *Актуализированные ценности современного российского общества / отв. ред. И. А. Халий.* М. : ИС РАН, 2015.
- 12 См.: *Аристотель.* Политика. Афинская полития / пер. с др.-греч. М. : Мысль, 1997.
- 13 Более точных данных о её возникновении нет. Восходит она к наследию древневосточной мысли, а когда и кем она была концептуализирована, сказать сложно ввиду исчезновения большого количества аутентичных текстов.

- ¹⁴ Святитель Григорий Палама (1296–1357) – византийский теолог и церковный деятель, систематизатор исихазма. Развил идеи о различии сущности Бога (запредельной и недоступной) и его энергий (самовыявлений), пронизывающих мир и сообщаемых человеку. Учение Григория Паламы в 1351 г. признано официальной доктриной византийской Церкви (См.: Большой энциклопедический словарь. М.: БРЭ; СПб.: Норинт, 2004. С. 312).
- ¹⁵ См.: Православная энциклопедия / ред. Алексей II (Ридигер А. М., патриарх). Т. 13. М.: Церк.-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2006. С. 10–16.
- ¹⁶ Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой; пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. С. 97.
- ¹⁷ См.: Бергсон А. Философская интуиция // Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М.: РОССПЭН, 2010. С. 164–180.
- ¹⁸ См.: Тейяр де Шарден П. Феномен человека: пер. с фр. М.: АСТ; Астрель, 2012.
- ¹⁹ См.: Пригожин И. Р., Стенгерс И. Указ. соч. С. 96–102.
- ²⁰ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: пер. с фр. М.: Наука, 1986. С. 88.
- ²¹ См.: Дарендорф Р. Куда держат путь социальные науки // Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе: пер. с англ. М.: Ad Marginem, 1998. С. 115–118.
- ²² Collins R. Sociology: prescience or antisience? // American Sociological Review. 1989. Feb. Vol. 54. P. 127.
- ²³ См.: Шубкин В. Н. Пределы // Новый мир. 1978. № 2. С. 187–217.
- ²⁴ См.: Талей Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колibri; Азбука-Аттикус, 2016.
- ²⁵ Вызовы современности: социальное знание и ценностные императивы / под ред. Э. Ю. Майковой. Тверь: ТвГТУ, 2016. С. 7–8.
- ²⁶ См.: Тоценко Ж. Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 15.
- ²⁷ Там же. С. 23–24.
- ²⁸ Там же. С. 30.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 32.
- ³¹ Бергсон А. Указ. соч. С. 178.
- ³² См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический Проект, 2009.
- ³³ См.: Тоценко Ж. Т. Указ. соч. С. 35.
- ³⁴ Там же. С. 34.
- ³⁵ См.: Аксёнова О. В. Указ. соч.
- ³⁶ В частности, исследования о роли акторов в развитии российских локальных сообществ проводились в последние годы в ЦСОНК ФНИСЦ РАН (См. официальный сайт ФНИСЦ РАН – <http://www.isras.ru/Cessc.html>).
- ³⁷ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 44–129.
- ³⁸ Вригт Г. Х. фон. Объяснение и понимание // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды: пер. с англ. / общ. ред. Г. И. Рузавина, В. А. Смирнов; сост. и автор предисл. В. А. Смирнов. М.: Прогресс, 1986. С. 68.
- ³⁹ См.: Ядов В. А. Каким мне видится будущее социологии // Социс. 2012. № 4. С. 5–7; Радаев В. В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии? // Вехи российской социологии: 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж. Т. Тоценко, Н. В. Романовский. СПб.: Алетея, 2010. С. 507–521.
- ⁴⁰ Штомпка П. «Позитивистский» манифест // Социс. 2015. № 2. С. 39.

Образец для цитирования:

Подъячев К. В. Изучение особенностей социального развития России и гносеологические парадигмы: к вопросу о методологическом базисе современных социологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 366–372. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372>

Cite this article as:

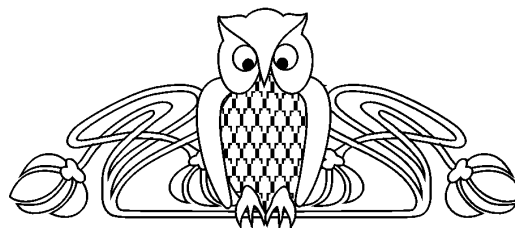
Podyachev K. V. Studying Russian Social Development Peculiarities and Gnoseological Paradigms: On the Problem of Methodology Basis of Contemporary Sociological Investigations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 366–372 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372>

УДК 378.4+316.485.6

ЦЕЛЕВОЕ ОБУЧЕНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ

Е. Г. Елина, В. М. Аникин

Елина Елена Генриховна, доктор филологических наук, профессор, руководитель приоритетных проектов и программ, профессор кафедры общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elinaeg@info.sgu.ru

Аникин Валерий Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, декан физического факультета, заведующий кафедрой компьютерной физики и метаматериалов на базе Саратовского филиала Института радиотехники и электроники имени В. А. Котельникова РАН, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, anikinvm@info.sgu.ru

В статье рассматриваются составляющие института целевой подготовки специалистов для приоритетных производственных и социальных сфер России с позиции государственного регулирования и анализа возможных рисков, которые могут возникнуть при «движении» студента, принятого в вуз по целевому набору, к конечной стадии процесса целевого обучения и гарантированному трудоустройству. Обсуждаются необходимые организационные, правовые, материальные, кадровые и иные условия, позволяющие минимизировать «угрозы», препятствующие осуществлению главной задачи целевого обучения – подготовка и обязательное трудоустройство квалифицированного специалиста. Обозначены основные исторические периоды в развитии целевого образования в России. Рассмотрены актуальные законодательные инициативы в области целевого обучения, вводящие контроль и регулирование процесса целевой подготовки специалистов на всех стадиях – при определении приоритетных направлений подготовки и контрольных цифр приема, при выборе вуза, при обеспечении взаимной ответственности (в том числе материальной) сторон, заключающих договор о целевом обучении с гарантированным трудоустройством. Отмечается необходимость гарантии условий труда и быта, уровня заработной платы, способствующих закреплению молодых специалистов на местах работы.

Ключевые слова: целевое обучение, риски целевого обучения, управление рисками.

Purpose Education: Social Risks and Their Overcoming

E. G. Elina, V. M. Anikin

Elena G. Elina, <https://orcid.org/0000-0002-2797-3145>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, elinaeg@info.sgu.ru.

Valery M. Anikin, <https://orcid.org/0000-0002-6506-6997>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, anikinvm@info.sgu.ru

The article examines the specialists' purpose education components for priority industrial and social spheres in Russia from the point of

view of state regulation and analysis of possible risks arising in the course of students' moving from purpose entry to the final stage of purpose education and guaranteed employment. The necessary organizational, legal, material, personnel and other conditions are formulated to minimize the "threats" that impede the main goal of purpose education – training and compulsory employment of a qualified specialist. The main historical periods of purpose education development in Russia are indicated. The actual legislative initiatives in the field of purpose education are discussed, introducing control and regulation into specialists' purpose education process – determining priority areas for purpose education and enrollment admission, choosing a university by ensuring mutual responsibility (including material one) with guaranteed employment. It is noted that there is a need to guarantee working and living conditions and the level of wages that facilitate the consolidation of young professionals at the workplace.

Key words: purpose education, risks of purpose education, risks management.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-373-377>

Актуальность проблемы. В 2016 г. Министерство образования и науки России провело мониторинг состояния целевой подготовки в вузах, регулируемой ст. 56 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ и Правилами заключения и расторжения договора о целевом приеме и договора о целевом обучении, утвержденными Постановлением Правительства РФ «О порядке заключения и расторжения договора о целевом приеме и договора о целевом обучении» от 27.11.2013 № 1076. Как отмечается в материале Минобрнауки РФ, «мониторинг целевых договоров показал, что обязательства заказчика целевого приема и студента часто не только не выполняются, но и не устанавливаются договором. Так, более 51% договоров не содержат мер социальной поддержки студентов, более 62% договоров не устанавливают срок трудоустройства выпускников. В результате регионы и отрасли, направившие на обучение целевиков, зачастую не получают специалиста, на которого рассчитывают»¹.

Данные мониторинга и решения правительства совещания о повышении эффективности целевого обучения и целевого приема (резолюция от 19 октября 2016 г. № ДМ-П8-6269)² послужили основанием для пересмотра законодательства в области целевого образования и разработки Министерством образования и науки РФ в 2017 г. законопроекта «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образова-

нии в Российской Федерации” в части совершенствования целевого обучения». Данный законопроект был одобрен Правительством Российской Федерации 21 декабря 2017 г.³, внесен на рассмотрение в Государственную Думу 27 декабря 2017 г., где был поддержан комитетами Государственной Думы по образованию и науке и по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления. Законопроект принят в первом чтении 6 февраля 2018 г.⁴

Важно отметить, что роль эффективного целевого обучения не сводится исключительно к решению собственно кадровых вопросов. Одновременно оно имеет исключительно важное социальное значение в контексте молодежной политики государства (обеспечение «социальных лифтов» для молодежи) и смягчения демографических проблем (предотвращение оттока молодых людей на работу за границей). Так, согласно телефонному опросу ВЦИОМ (1800 респондентов), проведенному в начале июня 2018 г., 31% россиян в возрасте от 18 до 24 лет заявили о желании уехать в другую страну на постоянное место жительства, при этом у большинства из них нет никаких конкретных планов⁵. Некоторые социологи трактуют эти цифры весьма оптимистично – как «свидетельство роста открытости нашей молодежи по отношению к другим странам, а может, даже и вызов внешнему миру». На самом деле ситуация, по-видимому, выглядит гораздо серьезнее. Об этом еще в январе 2017 г. говорила заместитель Председателя Правительства РФ О. Ю. Голодец: «Отток кадров – опасная тенденция. По разным оценкам, за пределами Российской Федерации трудятся более 1,5 млн россиян, имеющих российские паспорта, имеющих хорошую подготовку, совершенно конкурентные кадры. Сегодня трудно найти в мире университет, компанию, где не присутствуют россияне, где не работают россияне. Задача состоит в том, чтобы готовить кадры для своей экономики. Потому необходимо обеспечить конкурентные условия труда, зарплату и возможности для роста»⁶.

Исторический аспект. История «целевой подготовки» выпускников в стране насчитывает многие десятилетия. В дореволюционной России студенты, обучавшиеся на «казенный кошт» (на средства государства), обязаны были отработать положенное число лет в назначенных для них местах. Советскую систему образования, заканчивающегося распределением выпускников, в известном смысле также можно рассматривать в контексте целевой подготовки. Словосочетание «целевая подготовка» стало появляться в СССР с 1960-х гг. в ведомственных актах, где оговаривались специальные механизмы приема в аспирантуру (ординатуру), а также в вузы и техникумы с учетом интересов народного хозяйства в условиях плановой экономики⁷. Сегодня под собственно целевой подготовкой понимают подготовку выпускника согласно установленным

министерством контрольным цифрам целевого приема в выбранном вузе по договору о целевом обучении между гражданином (абитуриентом или его представителем) и заказчиком целевого обучения (федеральным государственным органом, органом государственной власти субъекта Федерации, органом местного самоуправления, юридическим лицом).

«Узкие места» целевого приема и обучения. При обсуждении состояния дел с целевым обучением в печати неоднократно обращалось внимание на недостаточную правовую защищенность института целевой подготовки от недобросовестного поведения участников договора на целевой прием в вузы. На практике получается, что вводимые для вузов квоты целевого приема, включающие «зеленый свет» внеконкурсным поступающим, в определенной степени «деформируют» конкурсный прием (особенно привлекательными для целевиков являются столичные вузы). И при этом нередко квоты превращаются в «лазейку», ведущую слабо подготовленных (но «расторопных») выпускников школ к бесплатному образованию. Дело в том, что конкурс среди «целевиков» проходит в рамках выделенных на целевое обучение мест. Как правило, средняя сумма баллов по ЕГЭ, набранных «целевиками», заметно ниже суммы баллов абитуриентов, идущих по основному конкурсу. В этой ситуации более способные и подготовленные абитуриенты могут остаться за бортом вузов. Следом возникают и вопросы к качеству освоения слабыми по учебному потенциалу «целевиками» образовательных программ. (Пример решения проблемы целевого приема в этой части в 2016 г. продемонстрировал МИСИС, установивший единый минимальный проходной балл для всех абитуриентов⁸.)

Далее, с одной стороны, предприятия, заключившие договор на целевую подготовку, не оказывают необходимой материальной поддержки студентам во время их обучения, а с другой стороны, окончившие вуз не являются работать на предприятия, *de jure* отправившие их учиться. Таким образом, в рамках существующей системы организации целевого приема не достигается в полной мере цель, ради которой, собственно, и вводилось целевое образование, – подготовка кадров для конкретных отраслей и предприятий, программ. В связи с названными обстоятельствами, собственно, и возникла необходимость модернизации системы управления целевым обучением.

Целевая подготовка как элемент государственного управления. Положения законопроекта о целевой подготовке направлены на создание гарантированной системы доведения специалиста до нужного предприятия, формирование эффективного механизма удовлетворения потребностей экономики в квалифицированных кадрах со средним профессиональным и выс-

шим образованием, приоритетное обеспечение кадрами субъектов РФ, где имеющийся дефицит кадров не может быть восполнен непосредственно региональным рынком труда.

Итак, для баланса человеческих и государственных интересов главной целью деятельности системы подготовки квалифицированных кадров по специальному заказу (т. е. системы целевого обучения) должны ставиться эффективное (удовлетворяющие интересам общества) и высококачественное обучение, а также одновременно гарантированное трудоустройство грамотного специалиста, открывающее перед ним карьерную перспективу.

Организация и проведение целевой подготовки специалистов – это один из многих компонентов государственного управления. Причем социальный механизм формирования и реализации государственного управления должна определять цепочка взаимосвязанных и последовательно детерминированных общественных явлений: потребности → интересы → цели → решения → действия → результаты, причем управляющая система наиболее конкретно выражает себя в «решениях» и «действиях», в которых, собственно, и заключается смысл управления⁹.

Какие же «решения» и «действия» следует предпринять для повышения эффективности целевого обучения? Все управляющие решения и действия при преодолении любой проблемы должны, прежде всего, основываться на предварительном анализе текущего положения в рассматриваемой сфере и возможностей (ресурсов), необходимых для «исправления» начального состояния для достижения намеченных целей. В нашем случае мы должны учитывать ресурсы, обеспечивающие синергию государства, образовательной среды, «работодательской» среды и обучаемых.

Риски целевой подготовки и механизмы их преодоления. В таблице 1 дана характеристика возможностей (ресурсов), предоставляемых всеми участниками процесса целевой подготовки (в их число входит и студент-«целевик»). Таблица 2 отражает некоторые нежелательные ситуации (риски), которые могут возникнуть в процессе целевого обучения и обусловить невоз-

можность завершения целевого обучения. Соответствующие механизмы исправления (недопущения) нежелательных ситуаций также отражает эта таблица.

Действия, кардинально улучшающие ситуацию в области целевого обучения, целесообразно производить в направлении к определенному компромиссу всех заинтересованных сторон – государства, конкретного предприятия, образовательного учреждения, студента. Эти действия следует предусматривать с учетом творчески осмысленной информации, полученной при изучении всех обстоятельств обеспечения целевой подготовки, существующего опыта решения подобного рода задач, изучения и сравнения характерологических, экономических и ценностных ориентиров всех участников процесса. Эта информация используется для построения таких правил взаимодействия вузов, работодателей и студентов в рамках существующих правового и экономического поля, которые решают главную задачу и сопровождаются минимумом негативных результатов для обоих коллективов – образовательного и производственного, а в общем контексте – и государственного.

Синергия деятельности всех участников процесса целевой подготовки зиждется на положениях законодательства о целевом обучении и конкретных положениях многосторонних договоров как «каркаса» взаимоотношений между всеми заинтересованными субъектами процесса. Цель скоординированной деятельности по совершенствованию целевого обучения – решение задачи стабильной подготовки профессиональных кадров, отвечающих современным запросам и нуждам не только конкретного предприятия, региона, а в целом – страны, но также и молодежи, получающей «социальную лестницу». К числу положительных результатов совершенствования института целевого обучения можно отнести возможное образование новых структур – базовых кафедр на предприятиях и организациях, что может привести, например, к более близкому взаимодействию вуза и предприятия (организации), существенному усилению прикладной составляющей образования¹⁰.

Таблица 1

Ресурсы целевого обучения

Источник ресурса	Функции и обязательства участников целевой подготовки
Государственные органы	Разработка законодательной базы (информационный ресурс), определение главных параметров целевого обучения (направления подготовки, количество целевиков, выбор вузов для целевого образования), финансирование
Заказчик целевого обучения	Инфраструктура предприятия; организационное и материальное обеспечение процесса целевого обучения, создание базы для производственных практик, гарантированное трудоустройство
Вуз	Инфраструктура вуза; кадровое, материальное и информационное обеспечение; релевантные интересам заказчика образовательные программы, кураторство и постдипломное сопровождение студентов
Обучаемый	Психофизиологические и когнитивные свойства личности; должная мотивация к целевому обучению по данному направлению для конкретного заказчика

Таблица 2

Возможные проблемные компоненты целевого обучения и применяемые механизмы управления

Участник процесса целевой подготовки	Проблемная компонента	Механизмы и мероприятия корректировки проблемных ситуаций
Государственные органы	Недостатки планирования, недофинансирование, пробелы в законодательной базе	Совершенствование законодательной базы, регулярный мониторинг процесса целевого обучения, уточнение направлений и профилей, выбираемых для целевой подготовки
Заказчик целевого обучения	Отсутствие шефства над «целевиками», некачественное проведение производственных практик, неоказание материальной поддержки «целевикам» (в форме дополнительной стипендии, предоставления общежития), недостаточный для начинающего работника социальный пакет, невыполнение обязательств по трудоустройству	Законодательное введение материальной ответственности за невыполнение обязательств по договору между заказчиком и обучаемым; организация контроля взаимоотношений заказчика и «целевика» со стороны государственных органов и образовательной организации. Организация базовых кафедр на ведущих научно-производственных предприятиях отрасли (региона)
Вуз	Недостатки инфраструктуры; неоптимальный учебный распорядок, неидеальное состояние учебно-лабораторного оборудования, невысокая степень обеспеченности методическими и информационными ресурсами; огрехи в воспитательной работе	Позитивное изменение кадрового, материального и информационного обеспечения процесса целевого обучения
Обучаемый	Недостаточные подготовка и стремление к самосовершенствованию, неспособность закончить обучение, немотивированный отказ от намеченного трудоустройства	Совершенствование профориентационной и разъяснительной работы заказчика и вуза с абитуриентами. Выявление степени интереса и мотивированности абитуриента к обучению по целевой программе подготовки посредством предварительного выявления его участия в профориентационных мероприятиях (в олимпиадах, конкурсах и т. п.). Непрерывный контроль со стороны предприятия и вуза за учебной успеваемостью «целевика». Материальная ответственность студента-«целевика» за невыполнение условий договора о целевой подготовке (за исключением форс-мажорных обстоятельств)

Позитивным результатом может оказаться *повышение сложности* интегрирующего подразделения благодаря росту разнообразия в стилях исследовательской и педагогической деятельности. Тем самым возможно ожидание роста качества научной и методической составляющих объединенного коллектива (базовой кафедры).

Серьезным обеспечением полноценной целевой подготовки и последующего трудоустройства выпускников *педагогических* направлений в ближайшие годы может стать реализация планируемого Правительством РФ проекта «Образование». В образовательную сферу предполагается в течение 6 лет направить 674 млрд рублей¹¹. Для закрепления молодых педагогов на местах работы требуется наличие современных условий труда и быта (жилье, заработная плата, возможность использовать современные информационные технологии и связь, качественные учебно-методические материалы, в том числе учебники и т. д.).

Примечания

- ¹ Пресс-служба Министерства образования и науки Российской Федерации. URL : <https://минобрнауки.рф/новости/12300> (дата обращения: 02.08.2018).
- ² См.: О решениях по итогам совещания о повышении эффективности целевого обучения и целевого приёма. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/24962/> (дата обращения: 02.08.2018).
- ³ См.: О внесении в Госдуму законопроекта о совершенствовании механизмов целевого обучения. URL: <http://government.ru/activities/selection/301/30821/> (дата обращения: 02.08.2018).
- ⁴ См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в части совершенствования целевого обучения : законопроект 352780-7. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/352780-7> (дата обращения: 02.08.2018).
- ⁵ См.: Данные ВЦИОМ. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/07/02/bolshinstvo-grazhdan-rossii-ne-hotyat-perezhat-v-druguyu-stranu-vciom> (дата обращения: 02.08.2018).

- ⁶ Голодец О. 1,5 млн россиян-спецов уехали за рубеж. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/79808> (дата обращения: 02.08.2018).
- ⁷ См.: Путило Н. В. Целевой прием в вузы : история, вопросы и новые перспективы // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2016. Т. 11. С. 30–50.
- ⁸ См.: Правила целевого приёма в вузы ужесточат. URL: <http://4ege.ru/novosti-vuzov/54438-pravila-celevogo-priema-v-vuzy-uzhestochat.html> (дата обращения: 05.07.2018).
- ⁹ См.: Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : учебник. М. : Омега Л, 2010. С. 103–104.
- ¹⁰ См. : Аникин В. М. Базовые кафедры : «связь университетов с жизнью» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Физика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 281–290. DOI: 10.18500/1817-3020-2017-17-4-281-290
- ¹¹ См.: Заместитель Председателя Правительства России Т. А. Голикова выступила на заседании совета Российского союза ректоров. 18 июля 2018 г. URL: <http://government.ru/news/33300/> (дата обращения: 02.08.2018).

Образец для цитирования:

Елина Е. Г., Аникин В. М. Целевое обучение: социальные риски и их преодоление // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 373–377. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-373-377>

Cite this article as:

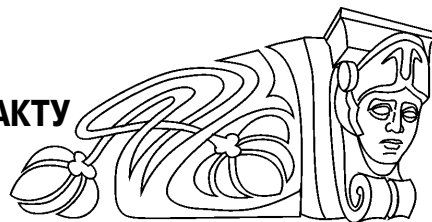
Elina E. G., Anikin V. M. Purpose Education: Social Risks and their Overcoming. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 373–377 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-373-377>

УДК 316.354:351/354

ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАНДИДАТОВ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ И ЕЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

А. В. Третьяков

Третьяков Александр Владимирович, научный сотрудник, адъюнкт кафедры социологии, Военный университет Министерства обороны ВС РФ, Москва, alex_socium89@mail.ru

В данной публикации военно-профессиональная ориентация будет рассматриваться как целенаправленный процесс по привлечению и отбору кандидатов на военную службу по контракту в Вооруженные силы Российской Федерации и его оптимизация посредством социологического обеспечения. В статье раскрываются актуальность темы и основные теоретико-методологические подходы в социологии к изучению военно-профессиональной ориентации. Основная часть работы посвящена раскрытию содержания социологического обеспечения военно-профессиональной ориентации. Описываются основные виды социологических исследований, социальные категории анализа и оценочные показатели военно-профессиональной ориентации. В публикации обозначены перспективные направления развития социологического обеспечения военно-профессиональной ориентации кандидатов на военную службу по контракту. Предлагается разработка единой социологической методики для осуществления оценки военно-профессиональной ориентации кандидатов на военную службу по контракту в Вооруженные силы Российской Федерации, которая позволит оперативно диагностировать уровень военно-профессиональной ориентации в каждом военном округе или субъекте, где функционируют пункты отбора, и своевременно принимать управленческие решения для оптимизации процесса военно-профессиональной ориентации кандидатов.

Ключевые слова: военно-профессиональная ориентация, кандидаты на военную службу по контракту, социологическое обеспечение, показатели военно-профессиональной ориентации.

Military-Vocational Orientation of Candidates by Contract Military Service as the Object of Sociological Analysis

A. V. Tretiakov

Alexander V. Tretiakov, <https://orcid.org/0000-0002-2077-0198>, Military University, 14, Bolshaya Sadovaya Str., Moscow, 123001, Russia, alex_socium89@mail.ru

The article considers military-vocational orientation as a purposeful process of attracting and selecting candidates for contract military service in the Armed Forces of the Russian Federation and this process optimization by means of sociological support. The relevance of the theme and the main types of sociological theoretical and methodological approaches to the study of military-vocational orientation are presented. The content of military vocational orientation sociological support is presented. The main part is devoted to the disclosure of the content of sociological support for military-vocational orientation. The main types of sociological research of military-vocational orientation, social categories of analysis of military-vocational orientation and evaluation indicators are described. The perspective directions of

sociological support development of military-vocational orientation of candidates for military service by contract are designated. It is proposed to develop a unified sociological methodology for assessing the military-professional vocational orientation of candidates for military service by contract in the Armed Forces of the Russian Federation. These measures will make it possible to quickly diagnose the level of military-vocational orientation in each military district or entity with selection points and make timely administrative decisions to optimize the process of military-vocational orientation of candidates.

Key words: military-vocational orientation, candidates for military service by contract, sociological support, indicators of military-vocational orientation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-378-382>

Важнейшим направлением деятельности Министерства обороны РФ на современном этапе развития российской армии является совершенствование системы комплектования Вооруженных сил рядовым и сержантским составом. Главный приоритет в этой работе – безусловное преимущество качественных характеристик перед количественными, что предполагает увеличение в составе ВС РФ числа профессионалов-контрактников¹. Конечным результатом данной работы должно явиться создание профессиональной армии России, где проходить военную службу по контракту будут только профессионально ориентированные на военную службу и подготовленные люди, которые добровольно готовы встать на защиту Родины в нужный момент.

В ходе комплектования армии военному руководству для принятия оптимальных управленческих решений необходимо владеть актуальной и объективной информацией о состоянии механизмов, определяющих качественный отбор и набор кандидатов на военную службу по контракту. Только в этом случае органы военного управления смогут эффективно планировать и организовывать работу по комплектованию Вооруженных сил РФ будущими профессионалами военного дела.

Важнейшим механизмом, обеспечивающим успешность комплектования армии военнослужащими по контракту, выступает *военно-профессиональная ориентация*. В военной социологии она рассматривается с нескольких позиций. Как составную часть социализационного процесса военно-профессиональную ориентацию позиционировали в своих трудах военные ученые В. В. Завальнюк², С. В. Лобанов³.

Существует вместе с тем и другой подход, рассматривающий военно-профессиональную ориентацию с позиций социального управления⁴, а точнее, как деятельность (процесс), способствующую профессиональной социализации или профессионализации. Под профессиональной социализацией в этом смысле понимается процесс приобретения опыта и ценностных ориентаций, норм и правил поведения в обществе, необходимых для осуществления социально значимой роли в данной сфере трудовой деятельности⁵. В свою очередь, военный социолог А. П. Мурачев, опираясь на данную теоретическую позицию, военно-профессиональную ориентацию молодежи рассматривал в качестве важнейшего фактора формирования готовности к службе по контракту и определял ее как социально обусловленную деятельность государственных и общественных организаций по оптимизации процесса военной профессионализации представителей молодого поколения, пригодных к военной службе по контракту, с целью формирования и поддержания у них высокого уровня готовности к этой службе в соответствии с объективными потребностями обороны страны⁶. Интересна позиция В. Л. Примакова, который социализационные процессы, в том числе и ориентацию офицера, рассматривает через призму взаимодействия личности офицера с военно-социальной средой, образующей в результате систему «личность офицера – военная среда». Под военно-социальной средой в данном случае понималось все социальное пространство, вся совокупность элементов и сторон военно-социальных отношений, в котором функционирует офицер и где он приобретает социальные качества⁷.

Исследования, связанные с военно-профессиональной ориентацией кандидатов на военную службу по контракту, можно классифицировать по следующим направлениям.

Первое направление представляют труды военных ученых, в них предметом изучения, главным образом, выступают наиболее общие закономерности и тенденции процесса формирования личности кандидата как представителя специфической социально-профессиональной группы, способного осуществлять военно-профессиональную деятельность в определенных социально-исторических условиях, а также общие принципы и методы его научного анализа⁸.

Второе направление составляют исследования, рассматривающие непосредственно проблему военно-профессиональной ориентации с точки зрения различных социальных и гуманитарных наук.

Существенной особенностью большинства исследовательских работ является то, что в основном проблема военно-профессиональной ориентации рассматривалась в связи с необхо-

димостью содействия первичному выбору военной профессии. В качестве объектов изучения в таком случае чаще всего выступали гражданская молодежь, выпускники средних школ, абитуриенты военных вузов, кандидаты на военную службу по контракту.

Третье направление объединяет работы, в которых раскрываются вопросы методического, организационно-правового и управленческого плана, посвященные нормативным, служебным, технологическим разработкам по проблемам системы комплектования военнослужащими по контракту и закреплению их в рядах Вооруженных сил РФ.

Вместе с тем исследования, которые в прямой постановке и системно рассматривали бы военно-профессиональную ориентацию кандидатов на военную службу по контракту в ВС РФ, не получили своего целенаправленного и востребованного развития.

Важнейшая роль в организации процесса военно-профессиональной ориентации отводится органам военного управления, напрямую заинтересованным в качественном отборе кандидатов на военную службу по контракту. Исходя из этого, военно-профессиональная ориентация будет рассматриваться нами как целенаправленный процесс по привлечению и отбору кандидатов на военную службу по контракту в ВС РФ.

Оптимизация военно-профессиональной ориентации с точки зрения управления предполагает научно обоснованный анализ состояния данного процесса, ее диагностику и выбор после этого органами военного управления содержания, форм, методов и средств, обеспечивающих наилучшие ее результаты в определенной социальной среде. Решению данных задач в современных условиях значительно способствует социологическое информационно-аналитическое обеспечение военно-профессиональной ориентации.

Эволюция термина «социологическое обеспечение деятельности органов военного управления» была тщательно проанализирована В. И. Образцовым. По его мнению, *социологическое информационно-аналитическое обеспечение деятельности органов военного управления* следует рассматривать как комплекс мероприятий по информационной и аналитической поддержке решений командиров (начальников) посредством регулярного и оперативного предоставления им социологической информации о текущих и прогнозируемых состояниях, характере поведения объектов управления⁹.

Анализируя сущность понятия «социологическое обеспечение», И. В. Образцов выделил три ключевых ее признака: во-первых, наличие *специфического обслуживания деятельности* какого-либо социального института (образования, государственной службы, воспитания и

др.) или органа управления; во-вторых, характер этого обслуживания, суть которого заключается в предоставлении необходимой для успешного функционирования информации (знаний), получаемой средствами социологической науки; в-третьих, данный вид деятельности прямо или косвенно предполагает наличие действующих в интересах и, как правило, в составе органов управления специализированных научно-исследовательских подразделений социологического профиля¹⁰.

Социологическое обеспечение большинством авторов представляется как реализация на практике одной из прикладных функций социологии – информационной, включающей процедуры сбора и предоставления заказчику информации о состоянии объекта управления. Не является исключением и социологическое обеспечение органов военного управления. Например, С. С. Соловьев предлагает рассматривать социологическое обеспечение деятельности военных кадров в качестве «процесса информационной и интеллектуальной поддержки решений командиров (начальников) посредством предоставления результатов военно-социологических исследований и подготовленных на их основе документов»¹¹. Иначе говоря, это сбор и получение необходимой информации с помощью социологических методов, ее последующий анализ и подготовка информационно-аналитических материалов (документов) для органов военного управления.

Ведущую методическую, организационную и информационно-аналитическую роль в социологическом обеспечении управленческой деятельности военного руководства в российской армии долгие годы играет Научно-исследовательский центр (социологический) Вооруженных сил Российской Федерации, зародившийся в конце 80-х гг. XX в. В интересах повышения эффективности военно-профессиональной ориентации НИЦ (социологический) ВС РФ на регулярной основе проводит социологические исследования и представляет полученные результаты Главному управлению кадров Министерства обороны Российской Федерации.

Важная роль в современной системе военно-профессиональной ориентации отводится сегодня пунктам отбора на военную службу по контракту. Проводимые ими мероприятия позволяют не только привлечь дополнительный контингент для прохождения военной службы по контракту, но и получить дополнительную информацию о мотивах, степени готовности и социальном составе кандидатов на военную службу по контракту. Данная информация, полученная с использованием социологических методов, позволяет лучше понять контингент, ориентирующийся на военную службу в современной российской армии, что, в свою очередь, способствует повышению эффективности разработки

мероприятий по военно-профессиональной ориентации граждан¹².

Основной категорией социологического изучения военно-профессиональной ориентации в пунктах отбора выступают сами кандидаты на военную службу по контракту. Таковыми считаются граждане, у которых на пункте отбора принято заявление¹³.

Кроме этого, в ходе социологических исследований в качестве экспертов привлекаются начальники пунктов отбора на военную службу по контракту и должностные лица органов военного управления, которые непосредственно в ходе повседневной деятельности сталкиваются с проблемами привлечения и отбора кандидатов на данную службу.

В системе социологического информационно-аналитического обеспечения военно-профессиональной ориентации выделяются два основных вида исследований – повторные (мониторинговые) и точечные (разовые).

В ходе ежегодного социологического мониторинга по изучению отношения к военной службе по контракту решаются следующие задачи:

- анализ мотивации и ценностных ориентаций потенциальных кандидатов для прохождения военной службы по контракту, а также причин, снижающих ее привлекательность;
- оценка социальной привлекательности контрактов о прохождении военной службы и определение оптимальных условий заключения первых (новых) контрактов о прохождении военной службы;
- осуществление анализа основных показателей, определяющих эффективность информационного обеспечения мероприятий, проводимых в соответствии с планом комплектования должностей солдат (матросов), сержантов (старшин) военнослужащими по контракту;
- подготовка информационно-аналитических материалов, рекомендаций и предложений по совершенствованию системы комплектования должностей солдат (матросов), сержантов (старшин), прапорщиков (мичманов) военнослужащими по контракту.

Ключевыми показателями, используемыми в ходе социологического мониторинга для оценки и оптимизации военно-профессиональной ориентации, выступают:

- соотношение общего количества военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в вооруженных силах, и количества граждан, пребывающих в запасе, отобранных пунктами отбора в субъектах Российской Федерации для прохождения военной службы по контракту;
- состояние отношения кандидатов на военную службу по контракту к военной службе;
- мотивы заключения первых (новых) контрактов о прохождении военной службы воен-

нослужащими по контракту и военнослужащими по призыву, а также кандидатами на военную службу по контракту;

- полнота и достоверность полученной информации кандидатами об условиях военной службы по контракту;

- основные источники информации о военной службе по контракту, пользующиеся доверием у кандидатов, отношение кандидатов к военной рекламе и информации о военной службе по контракту.

Примером точечных (разовых) исследований военно-профессиональной ориентации кандидатов на военную службу по контракту являются исследования, проводимые в рамках информационно-пропагандистских акций под названием «Военная служба по контракту – твой выбор», или оперативные исследования по заказу органов военного управления.

При проведении социологических исследований в интересах оптимизации военно-профессиональной ориентации кандидатов на военную службу по контракту социологами периодически обобщаются также данные, характеризующие:

- степень удовлетворенности предлагаемыми условиями прохождения военной службы по контракту и удовлетворенность кандидатов порядком отбора и процедурой оформления документов для заключения контракта;

- социально-демографические особенности кандидатов, анализ их профессиональных качеств, готовность к прохождению военной службы по состоянию здоровья, физической подготовки и психологической готовности, наличие опыта военной службы;

- эффективность проводимой информационно-агитационной работы среди кандидатов;

- мнение кандидатов относительно значимости и привлекательности предоставляемых социальных гарантий военнослужащим по контракту.

В перспективе для более системного изучения процесса военно-профессиональной ориентации кандидатов на военную службу по контракту важно все анализируемые показатели обобщить в рамках единой социологической методики и расширить категории для социологического изучения. Единая социологическая методика оценки состояния военно-профессиональной ориентации позволит диагностировать ее уровень в каждом военном округе или субъекте, где функционируют пункты отбора, и своевременно принимать управленческие решения для оптимизации данного процесса на местах. Расширение социальных категорий для социологического изучения позволит, в свою очередь, повысить эффективность привлечения кандидатов на военную службу по контракту.

Таким образом, можно говорить о том, что военно-профессиональная ориентация кандидатов на сегодняшний момент активно изучается социологией. Специфика современных социологических исследований военно-профессиональной ориентации заключается в том, что они носят преимущественно прикладной характер. Предоставляемые информационно-аналитические материалы органы военного управления используют в своей деятельности по совершенствованию системы комплектования Вооруженных сил РФ военнослужащими по контракту и оптимизации механизма военно-профессиональной ориентации. Используемая на сегодняшний момент методика и система показателей позволяет обеспечить на регулярной основе органы военного управления объективной информацией о состоянии и результативности существующей системы военно-профессиональной ориентации, но вместе с тем нуждается в совершенствовании.

Примечания

- 1 См.: Министерство обороны Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://recrut.mil.ru/career/soldiering.htm> (дата обращения: 12.02.2018).
- 2 См.: *Завальнюк В. В.* Военно-профессиональная ориентация молодежи на кадровую службу в армии : на примере курсантов военных вузов г. Москвы : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2002.
- 3 См.: *Лобанов С. В.* Военно-профессиональная ориентация в условиях трансформации российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пермь, 2001.
- 4 См.: *Половнев А. В.* Военно-профессиональная ориентация молодых офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации и ее формирование в современных условиях : дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.
- 5 См.: Социальное управление : словарь / под ред. В. И. Добренькова, И. М. Слепенкова. М., 1994. С. 148.
- 6 См.: *Мурачев А. П.* Военно-профессиональная ориентация молодежи в системе формирования готовности к службе военнослужащих по контракту : Социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1997. С. 11.
- 7 См.: *Половнев А. В.* Военно-профессиональная ориентация молодых офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации и ее формирование в современных условиях : автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. С. 4.
- 8 См.: *Примаков В. Л.* Социализация офицера в условиях военной службы (на примере Вооруженных сил РФ). М., 2000. С. 36–40.
- 9 См.: *Образцов И. В.* Социологическое обеспечение деятельности высших органов управления вооруженными силами : исторический опыт, современное состояние и перспективы. М., 1999. С. 5.
- 10 См.: *Образцов И. В.* Процесс институционализации военной социологии в России // Социс. 2014. № 7 (363). С. 134–145.

- ¹¹ Соловьев С. С. Основы практической военной социологии. М., 1996. С. 183.
- ¹² См.: Третьяков А. В., Половнев А. В. Военно-профессиональная ориентация граждан в пунктах отбора на военную службу по контракту // Вестн. МГЛУ. Сер. Общественные науки. 2016. № 767. С. 206–213.
- ¹³ См.: Военная служба по контракту : 100 вопросов и ответов М., 2014. С. 6.

Образец для цитирования:

Третьяков А. В. Военно-профессиональная ориентация кандидатов на военную службу по контракту и ее социологическое обеспечение // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 378–382. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-378-382>

Cite this article as:

Tretiakov A. V. Military-Vocational Orientation of Candidates by Contract Military Service as the Object of Sociological Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 378–382 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-378-382>

УДК 316.4.063

«УСЛОВИЯ ПРОЖИВАНИЯ» КАК ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. Е. Зорина

Зорина Анна Евгеньевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник сектора проблем риска и катастроф Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, annacur@yandex.ru

В статье дана краткая характеристика мероприятий и программ, посвященных Году экологии в РФ; приведены результаты исследования Российского общества социологов. Также осуществлен сравнительный анализ двух исследований: общероссийского и регионального. Из каждого исследования были выбраны группы по критерию «предмет заинтересованности экологическими проблемами». Анализировалось наличие/отсутствие связи экологической ответственности с условиями проживания и личностными характеристиками. В ходе анализа была установлена связь: условия проживания – формирование ответственности в одной из групп.

Ключевые слова: экологическая ответственность, экологическая культура, риск, эколого-экономическое противоречие.

“Living Conditions” as a Factor of Ecological Responsibility Actualization

А. Е. Зорина

Anna E. Zorina, <https://orcid.org/0000-0002-6619-4835>, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 24/35, Korpus 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia, annacur@yandex.ru

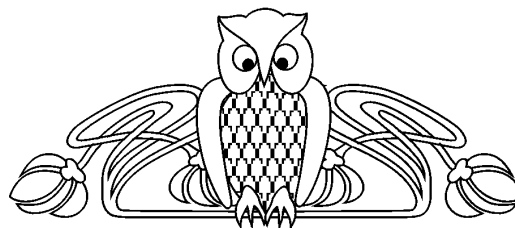
The article gives a brief description of the programs dedicated to the year of ecology in Russia. The results of the research of the Russian Society of Sociologists are presented. The comparative analysis of two studies: all-Russian and regional ones is carried out. The groups from each study were selected by their interest in environmental issues. The presence/absence of connection of ecological responsibility with living conditions and personal characteristics was analyzed. In the course of the analysis, the connection between the living conditions and the formation of responsibility in one of the groups was established.

Key words: ecological responsibility, ecological culture, risk, ecological and economic contradiction.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-383-390>

2017 год был Годом экологии в Российской Федерации, соответствующий Указ подписан Президентом РФ 5 января 2016 года¹. Цель этого решения – привлечение внимания к проблемам, существующим в экологической сфере, улучшение состояния экологической безопасности страны, поднятие уровня экологической ответственности как предприятий, так и рядовых граждан.

© Зорина А. Е., 2018

В течение года по всей стране реализовывались всевозможные программы, направленные на улучшение состояния окружающей среды. Например, инициатива «Утилизация» сети магазинов бытовой техники и электроники «Эльдорадо» была признана жюри программы «Лучшие социальные проекты России» самым значимым проектом в сфере экологии².

Подводя итоги этого года, Министерство природных ресурсов и экологии РФ отчитывается о множестве успешно выполненных программ (сборник по итогам Года экологии 2017)³, в то же время интернет-портал «GREENPEACE» приводит совершенно другие результаты, и они не столь радужные⁴.

В вышеупомянутом сборнике есть раздел и об экологической ответственности крупных российских предприятий, акцент делается на «зеленом» производстве, рециклинге, минимизации отходов и финансировании просветительской деятельности. В качестве просветительских мероприятий, призванных поднять уровень экологической ответственности как производителей, так и потребителей экологических рисков, в разных регионах страны проводились конференции, семинары, круглые столы, выставки, экофестивали и экологические квесты. И это тоже отражено в сборнике итогов.

Не осталось в стороне и Российское общество социологов, было проведено социологическое исследование среди обучающихся в вузах РФ, затрагивающее экологические проблемы. По данным исследования, 64,2% ответивших студентов считают, что большинство россиян халатно относятся к природе. Причины такого отношения нужно искать, по мнению студентов, в общем уровне культуры (69,28%), в отношении местной (32,49%) и федеральной (27,75%) властей к экологическим проблемам.

По мнению принявших участие в исследовании, наиболее эффективными действиями населения по защите окружающей среды можно считать: выполнение каждым экологических требований на производстве (63,43%) и в быту (59,07%); добровольное участие в работах по озеленению и благоустройству (48,5%); замечания тем, кто мусорит (33,16%), и участие в мероприятиях экологических движений (28,63%).

Отмечались опрошенными и неэффективные действия: обращение в газеты, на телевидение, создание петиций в Интернете (7,9%); митинги и пикеты в защиту природы (9,58%);

официальные общественные слушания по воздействию на окружающую среду намечаемой строительной, хозяйственной или иной деятельности (9,87%); сбор подписей под петициями по экологическим проблемам (10,0%).

В ходе исследования был получен интересный результат: по мнению студентов, на формирование экологической культуры и ответственности в большей степени влияют семья (79,4%), школа (44,21%) и условия жизни (38,9%), в меньшей – законодательство (6,02%), СМИ (10,22%) и друзья (11,62%)⁵.

В настоящее время существует проблема недостаточности эмпирического знания о факторах, способствующих преобразованию заинтересованности/озабоченности населения экологическими проблемами в ответственное поведение по отношению к окружающей среде. В нашем распоряжении оказались две базы данных исследований, которые были проведены до Года экологии, и различных мероприятий ему посвященных, что, как нам думается, позволяет проанализировать, скажем так, повседневные экологические установки респондентов. И, возможно, результатом сравнения двух баз будет выявление факторов, связанных с формированием экологической ответственности.

Поскольку экологическая ответственность является одной из форм социальной ответственности, то под ней мы будем понимать соответствующие нормы поведения и неблагоприятные последствия за взаимодействие, не согласованное с интересами сохранения окружающей среды.

Исследователи сходятся во мнении, что основу формирования экологической ответственности составляет заинтересованность или озабоченность экологическими проблемами. В данной статье мы исследуем такой фактор, как условия проживания, который может актуализировать именно поведенческую составляющую экологических установок личности.

Эмпирическая база состоит из данных двух исследований: общероссийского (2016 г.) и регионального (2014 г.). В каждом массиве по определенной методике формировались целевые группы.

В первую группу были отобраны респонденты из общенационального социологического исследования мониторингового типа. Эмпирическую базу статьи составили результаты пятой «волны» мониторинга⁶. Из базы в 4000 анкет были выбраны респонденты, которых интересуют экологические проблемы. Отбор осуществлялся по критерию: является ли плохое состояние окружающей среды важной проблемой для страны, по мнению респондента. В результате данной процедуры было получено 380 анкет, что составляет меньше 10% от общего количества. Уже только одна эта процедура выбора позволяет нам сделать вывод о том, что проблемы экологического характера не являются первостепенными для жителей нашей страны. Возможно,

это связано с низкой экологической ответственностью респондентов или с тем, что на момент проведения исследования перед ними стояли другие, более важные проблемы.

Для простоты дальнейшей идентификации этой группы присвоим ей название «обеспокоенные». Еще раз напомним, что это респонденты из общероссийской выборки, на каждого из них воздействуют повседневные, стабильные риски, по отношению к которым они демонстрирует ту или иную степень «привыкания», и общее у них – только заинтересованность и обеспокоенность экологическими проблемами Российской Федерации.

Во вторую целевую группу были отобраны респонденты из исследования, проведенного в 2014 г в Центральной России⁷. Данный исследовательский проект был направлен на изучение процессов, имеющих место в сообществах, проживающих в непосредственной близости от предприятий, производственный процесс которых характеризуется технологическими рисками. В данном сообществе сформировалась социальная ситуация, которая в научной литературе обозначается как эколого-экономическое противоречие⁸.

«Эколого-экономическое противоречие формируется вследствие несовпадения логики развития экономической сферы той или иной территории и интересов сохранения здоровья населения и окружающей природной среды. Проявляется оно через конфликт таких основных ценностей, как право граждан на благоприятную окружающую среду и охрану здоровья, и стремлением отдельных лиц и групп населения к экономической выгоде любой ценой»⁹.

Из репрезентативной выборки¹⁰, критериями формирования которой были пол, возраст, тип поселения, численностью в 394 анкеты были выбраны 226 анкет. Отбор осуществлялся на основе следующего критерия: чувствует ли респондент в данный момент жизни, что ему угрожает деградация окружающей природной среды. Исследуемая общность находилась в ситуации дополнительного «навязываемого» риска к набору повседневных рисков. Поскольку этим респондентам предстояло выработать стратегию адаптации к риску, негативно влияющему на привычную населению окружающую природную среду в месте проживания, им было присвоено название «проживающие».

Цель формирования целевых групп состоит в сравнительном анализе для выявления связи декларируемой экологической ответственности населения с некоторыми условиями проживания и личностными характеристиками. Условия проживания в данном исследовании – это обычная среда среднего российского обывателя и среда, в которую вторгается фактор навязываемого экологического риска.

Под личностными характеристиками в данном контексте мы понимаем социально-демографические показатели, к которым традицион-

но относят пол, возраст, уровень образования, семейное положение, тип поселения, уровень материального благополучия, занятость и должностной статус, а также ряд мировоззренческих особенностей респондентов.

Социально-демографические характеристики

Распределение респондентов в группе «обеспокоенных» по гендерному признаку следующее: 44,2% мужчин и 55,8% женщин.

Работает большинство респондентов (68,7%), не работают по разным причинам – 31,3%. Из них 16,8% пенсионеры, 10,5% учащиеся вузов и средних специальных учебных заведений, 2,9% находятся в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком, 1,1% респондентов не указали причины, по которым не работают.

Распределение респондентов из группы «обеспокоенных» по возрасту представлено на рис. 1.

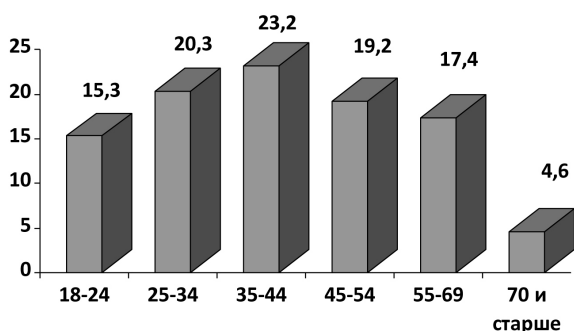

Рис. 1. Возрастное распределение респондентов из группы «обеспокоенных», в % к ответившим на вопрос

В группе «обеспокоенных» преобладают респонденты со средним специальным образованием (41,1%), высшим и незаконченным высшим (40%). Одну шестую часть составляют респонденты со средним образованием. Также в данной группе присутствуют люди с неполным средним образованием, обучавшиеся в аспирантуре и имеющие ученую степень. Их доля в совокупности составляет 3,0%.

Большинство, четыре пятых, относят себя к русским, также есть татары (5,8%) и украинцы (1,3%).

Что касается семейного положения респондентов в выбранной группе, то наблюдается следующая картина: одна пятая часть опрошенных свободны на данный момент и никогда не состояли в браке; также одна пятая – разведены или вдовствуют. Большинство (60,5%) респондентов состоят в отношениях. Это может быть официальный брак, гражданский (незарегистрированный) брак или наличие постоянного партнера.

По одной трети респондентов проживают в селе, деревне или в городе с населением более 1 млн человек, одна пятая часть – в городе с населением менее 100 тыс. человек.

Доход на одного члена семьи большинства респондентов в группе находится в диапазоне 1–2 прожиточных минимумов¹¹ (64,2%), у десятой части (11%) доход меньше установленного прожиточного минимума. Оставшиеся 24,6% респондентов заявили о доходах больших, чем 2 прожиточных минимума.

Распределение респондентов в группе «проживающих» по гендерному признаку аналогично предыдущей группе. Зафиксировано превышение доли женщин в исследуемой совокупности: 59,7% у женщин против 40,3% у мужчин.

Рисунок 2 демонстрирует возрастное распределение «проживающих».

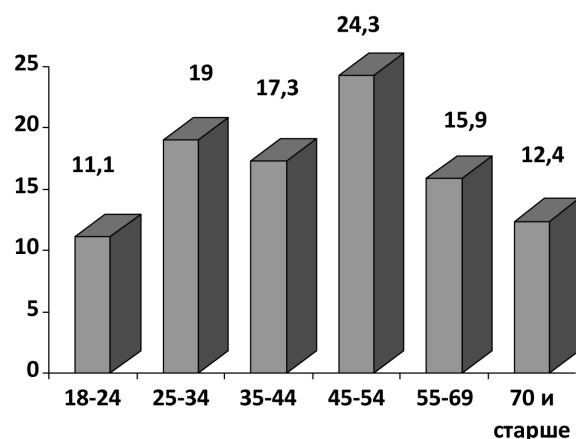

Рис. 2. Возрастное распределение респондентов целевой группы «проживающих», в % к ответившим на вопрос

На вопрос об образовании ответы распределились следующим образом: более половины (54,9%) имеют среднее или среднее специальное образование, чуть больше трети (35,4%) относят себя к группе с незаконченным высшим, высшим образованием и степенью кандидата/доктора наук в гуманитарной или экономической сфере, 5,3% респондентов имеют начальное или незаконченное среднее, а высшее или незаконченное высшее образование и степень кандидата/доктора наук в технической или естественнонаучной сфере – 4,4% опрошенных.

Большинство «проживающих» (72,1%) состоят в первом, повторном или гражданском браке, 7,1% разведены, 8,8% вдовствуют, 12,0% никогда не состояли в браке.

На рис. 3 отражено распределение самооценок «проживающих» респондентов материального благополучия их семей.

В группе «проживающих» работают 70,8%, на пенсии (в том числе по инвалидности) – 19%, учащихся и студентов – 4,4%, безработных, но ищущих работу, – 3,1%; 2,7% опрошенных отметили, что не работают и не ищут работу из-за здоровья, семейных обстоятельств, включая отпуск по уходу за ребенком.

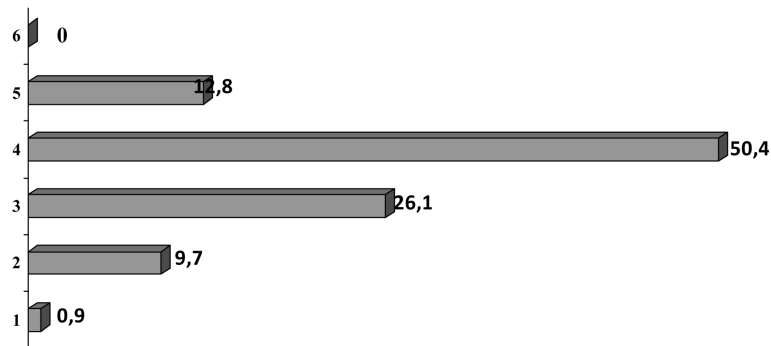

Рис. 3. Самооценки материального благополучия семей (в % по массиву «проживающих»): 1 – материальных проблем нет, могут приобрести недвижимость, дорогой автомобиль, дорогой туристический тур; 2 – могут приобрести недорогую машину, летний домик; 3 – питание, дорогая одежда, вещи длительного пользования покупают; крупные покупки недоступны; 4 – на питание и самую дешевую одежду хватает; вещи длительного пользования – проблема; 5 – едва хватает на питание; покупка одежды – проблема; 6 – не хватает на питание

Мировоззренческие характеристики

Проведем анализ выбранных совокупностей по следующим тематическим блокам: социально-политическая грамотность, включенность в социальную среду, удовлетворенность жизненными условиями, отношение к риску.

Социально-политическая грамотность. Интерес к событиям внутри страны и за ее пределами, осведомленность в этих вопросах являются предпосылками формирования активной гражданской позиции и разных форм ответственности, экологической в том числе.

Половина респондентов из группы «обеспокоенных» интересуются и внешними, и внутренними событиями от случая к случаю; постоянно интересуются событиями внутри страны 36,8% и за ее пределами 33,7%; не интересуются ни внутренними ни внешними событиями 13,9 и 16,3% респондентов соответственно.

Принимали участие в выборах депутатов Государственной Думы РФ 69,7% респондентов, что говорит о высокой политической активности данной группы; 46% из них голосовали за партию «Единая Россия», 18,1% – за КПРФ. Почти половина опрошенных (47,1%), оценивая результаты выборов, говорят о том, что «ничего принципиально не изменится». Чуть меньше трети (30,3%) респондентов полны оптимизма и считают, что «страна будет успешно развиваться, а жизнь улучшится».

Высокую заинтересованность в социально-политической информации как в стране, так и в месте проживания показывают и «проживающие» на территории эколого-экономического противоречия респонденты: 60,2% по стране и 58,9% в месте проживания против 12,8 и 11,1% соответственно у тех, кому это не интересно. Большинство «проживающих» оценивают свой уровень социально-политической грамотности

как средний: 44,8 и 40% в месте проживания и стране соответственно.

Степень *включенности в социальную среду* является важным социальным ресурсом. От достижения жизненно важных целей и решения текущих задач зависит разнообразие поведенческих стратегий субъекта, успешность адаптации к изменяющимся условиям, а следовательно, и качество жизни. Применяемые в реальной жизни адаптационные стратегии также могут много сказать о респонденте: предпочитает ли он брать ответственность за поступки и действия на себя, или перекладывает ее на других и социальные институты.

Для анализа включенности в социальную среду рассмотрим предпочтения респондентов в проблемных ситуациях: опора на себя, ближайшее окружение или социальные институты и организации; доверие субъектам социальной среды, мотивация на активные действия в защиту своих прав и способность оценить социальные проблемы, значимые для страны.

Говоря о перспективах развития РФ, большинство «обеспокоенных» респондентов (40,3%) считают, что ничего принципиально не изменится. Одна треть опрошенных склоняются к тому, что страну ждут трудные времена. И только 25,5% оценивают перспективы развития страны как успешные. Но при этом половина опрошенных говорят, что, думая о будущем страны, испытывают надежду и уверенность. Треть респондентов испытывают нечто среднее между страхом и уверенностью.

Среди целей, к которым должна стремиться страна в своем развитии, больше половины «обеспокоенных» выделили следующую: быть одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира. Пятая часть респондентов также считают, что Россия должна вернуть статус супердержавы, какой был у СССР.

Среди главных чувств, которые выражают личное отношение опрошенных к Родине, выделены следующие: уважение, гордость и любовь.

Говоря о будущем страны, три пятых респондентов среди «обеспокоенных» отмечают, что страна нуждается в стабильности, и это важнее, чем перемены.

Считают, что массовые выступления населения против роста цен и падения уровня жизни в месте их проживания в настоящий момент маловероятны или невозможны, 77,9% респондентов из этой группы. Более того, если такого рода массовые выступления протеста и состоятся, то большинство (79,7%) не примут в них участие.

Среди важных причин для участия в активных действиях в защиту своих интересов «проживающие» выделяют: ухудшение финансового положения в семье (66,8%), резкое ухудшение своего здоровья или здоровья близких (79,2%). А принимали участие в таких мероприятиях пятая часть респондентов этой группы.

Если проранжировать социальные институты, которым доверяют принимавшие участие в исследовании, то можно получить интересные результаты. У «обеспокоенных» пятерка социальных институтов, получивших максимальные ранги доверия, выглядит следующим образом: Российская армия, президент, Церковь, Российская академия наук и правительство. У «проживающих» пятерка лидеров среди социальных институтов выглядит немного по-другому: семья, друзья, армия, Церковь, муниципальная власть. Таким образом, можно предположить, что «обеспокоенные» в сфере поддержки ориентированы на социальные институты и организации, а «проживающие» – на ближайшее окружение. Возможно, не последнюю роль в данном случае сыграла ситуация дополнительного «навязанного» риска, в которой оказались респонденты второго исследования. Более того, «проживающие» считают, что данный дополнительный риск навязывается им социальными институтами на самом высоком уровне.

На основе результатов ранжирования построим индекс доверия. В нашем случае он представляет собой соотношение разности до-

веряющих и не доверяющих оценок к 100 (из процента вызывающих доверие вычитается процент не вызывающих доверие, полученная разность делится на 100). Полученные значения индекса изменяются в диапазоне от -1 до 1, где -1 – абсолютное недоверие, а 1 – полное доверие. Значение этого индекса представлено в табл. 1.

Доверием в обеих группах пользуются такие социальные институты, как армия и Церковь. Причем индекс доверия Церкви у «проживающих» в 4 раза выше такового у «обеспокоенных», опять же, возможно, это связано с ситуацией, в которой оказались респонденты второй общности. Остальные социальные институты, участвующие в сравнении, у «обеспокоенных» получили отрицательный индекс доверия, тогда как у «проживающих» отрицательные значения индекса зафиксированы у полиции и общественных организаций.

Удовлетворенность жизненными условиями является одним из важных показателей качества жизни, влияет на включенность в социальную среду, отношение к риску и формирование ответственности.

В ходе исследования была выявлена высокая, средняя и низкая удовлетворенность условиями повседневной жизни. В результате проведенного сравнительного анализа удовлетворенности среди групп респондентов по 14 параметрам был построен индекс удовлетворенности, а на его основе – рейтинг удовлетворенности жизненными условиями. Индекс удовлетворенности представляет собой соотношение высоких и низких оценок удовлетворенности каждым жизненным условием (процент высоких оценок делится на процент низких). Полученные значения индекса удовлетворенности позволяют сгруппировать представленные жизненные условия в три рейтинговые группы. Высокий рейтинг получают жизненные условия со значением индекса удовлетворенности от 8,0 и выше, средний рейтинг – со значением от 2,0 до 7,9, низкий – со значением от 0,1 до 1,9. Сравнение индекса удовлетворенности между группами респондентов представлено в табл. 2.

Таблица 1

Доверие социальным институтам среди групп респондентов, индекс

Социальные институты	«Обеспокоенные»	«Проживающие»
Местная власть	-0,436	0,27
Суд	-0,264	0,05
Полиция	-0,232	-0,005
Армия	0,353	0,42
Церковь	0,094	0,41
Общественные/благотворительные организации	-0,268	-0,25
Пресса	-0,422	0,23
Телевидение	-0,184	0,1

Таблица 2

Удовлетворенность респондентов разных групп условиями повседневной жизни, индекс

Условия повседневной жизни	«Обеспокоенные»	«Проживающие»
Материальное обеспечение	1,1	1
Питание	9,5	8,4
Приобретение одежды	4,8	2
Состояние здоровья	3,1	3,1
Жилищные условия	4,8	5,4
Отношения в семье	20,3	24,3
Возможность проведения досуга	2,9	1,4
Ситуация на работе	3,5	7,5
Возможность отдыха в период отпуска	1,2	1,5
Возможность общения с друзьями	17,8	9,3
Возможность реализовать себя в профессии	1,8	4,6
Возможность получения образования и знаний, которые необходимы	1,7	5
Положение, статус в обществе	5,8	12,7
Жизнь в целом	11,7	8,1

Результаты анализа, представленные в табл. 2, позволяют утверждать, что высокий рейтинг удовлетворенности в обеих группах респондентов имеют жизненные условия, связанные с межличностным общением (семейным и дружеским), а также питание и жизнь в целом.

Средний рейтинг удовлетворенности в обеих группах имеют жизненные условия, связанные с профессиональной деятельностью, состояние здоровья, приобретение одежды, жилищные условия.

Низкий рейтинг удовлетворенности в обеих группах имеют жизненные условия, связанные с возможностью отдыха, и материальная обеспеченность.

Рассмотрим те условия повседневной жизни, которые имеют разные рейтинги у групп. Индекс удовлетворенности статуса в обществе у «проживающих» имеет высший рейтинг, в то время как у «обеспокоенных» – средний. Да и само значение индекса отличается в два раза. Аналогичная ситуация с возможностью получения образования и реализации себя в профессии. Только индексы у «проживающих» имеют средний рейтинг, а у «обеспокоенных» – низкий. Из этой тенденции выбивается индекс удовлетворенности возможности проведения досуга. У «обеспокоенных» он имеет средний рейтинг, а у «проживающих» – низкий, значения также отличаются в два раза.

Индекс удовлетворенности может отличаться значениями и внутри рейтинговых групп. Например, удовлетворенность приобретением одежды и ситуацией на работе. Индексы в обеих группах имеют средний рейтинг, а по значению отличаются в два раза. Причем индекс удовлетворенности приобретением одежды выше у «обеспокоенных», а ситуацией на работе – у «проживающих».

В группе с высоким рейтингом в два раза отличается индекс удовлетворенности возможности общения с друзьями в сторону «обеспокоенных». В остальных случаях отличия индексов между «обеспокоенными» и «проживающими» незначительные.

Отношение к риску. Анализ такого субъективного параметра, как отношение к риску, может помочь при исследовании адаптационных повседневных практик как уже закрепившихся у респондентов, так и еще только начинающих складываться.

Поскольку в мониторинговом исследовании Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» затрагивались в основном вопросы экономического характера, финансового кризиса и адаптации респондентов к ним, то и мы будем анализировать наши группы только в рамках этих рисков.

Половина «обеспокоенных» отмечают, что их материальное положение осталось без изменений, чуть больше одной трети (36,3%) заявили, что оно ухудшилось. При этом 41,8% респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете ущерб, нанесенный лично Вам финансовым кризисом?» высказались, что ущерб есть, и он существенный, но не катастрофический. Незначительным оценили свой ущерб 27,6% ответивших, а 23,2% отметили, что кризис не причинил никакого ущерба ни респонденту, ни его семье. В то же время, оценивая перспективы, половина «обеспокоенных» считают, что материальное положение не изменится, а одна треть ждут улучшения.

Для выхода из данной ситуации «предполагаемого риска» (затянувшаяся ситуация эконо-

мического кризиса с ухудшением материального положения) респондентам было предложено 19 адаптационных стратегий. Самыми популярными стали следующие: сокращу расходы и буду экономить (47,6%); буду искать дополнительные заработки (46,8%); буду выращивать продукты питания на приусадебном участке (26,1%); поменяю место работы и обращусь за помощью к родственникам и друзьям (по 19,5%). Одна десятая часть респондентов выбрали пассивную выжидательную стратегию: они ничего не будут предпринимать.

На момент проведения исследования уже 67,6% «обеспокоенных» стали придерживаться стратегии экономии: 44,2% стали экономить на покупке одежды и обуви; 40,8% – на отдыхе, включая туристические поездки; 38,4% – на продуктах питания.

При этом чуть больше половины опрошенных респондентов из этой группы (56,1%) полностью уверены в своем будущем.

«Проживающие» в течение своей жизни сталкивались с экономическими кризисами, такими как потеря сбережений (44,7%), утрата собственности (25,2%), потеря работы (23,9%).

Что касается адаптационных стратегий к ситуации риска у «проживающих», то они следующие: примут жизнь в условиях риска 44,8%; не примут внутренне жизнь в условиях риска 56,2%.

Среди респондентов, принимающих жизнь в условиях риска, большинство это делают, так как надеются, что ситуация разрешится сама собой. Осознанно примут жизнь в условиях риска, так как не верят в возможность разрешения ситуации, 12,4%. Не принимая внутренне жизнь в условиях риска, смиряются с ситуацией 26,8%, будут активно протестовать 53,5% и переселятся в другое место 19,7% опрошенных.

Среди причин, вызывающих потерю/порчу имущества, собственности и потерю работы, «проживающие» называли других людей (59,3 и 44,2% соответственно) и власти (40,7 и 32,7% соответственно). Угроза финансовых потерь, утраты или обесценивания сбережений исходит, по мнению этих же респондентов, от властей (64,6%) и каких-то организаций и служб (25,6%).

Итак, в ходе сравнительного анализа двух групп были получены следующие результаты:

- в группе «обеспокоенных» преобладают респонденты в возрастных категориях от 18 до 44 лет, тогда как у «проживающих» – от 45 лет и старше;

- гендерных различий, различий в образовании, материальном и семейном положении между группами выявлено не было;

- респонденты обеих групп демонстрируют высокий уровень заинтересованности социально-политической проблематикой и социальной активности, что может свидетельствовать о наличии некоторых видов ответственности;

- резкое ухудшение своего здоровья или здоровья близких может заставить «проживающих» принять участие в акциях протеста;

- «обеспокоенные» в качестве опоры выбирают социальные институты, а «проживающие» – ближайшее окружение;

- индекс доверия у «проживающих» достигает максимальных значений у таких социальных институтов, как армия и Церковь;

- индекс удовлетворенности жизненными условиями, связанными с профессиональной деятельностью, получением знаний и образования, статусом в обществе, выше у «проживающих»;

- индекс удовлетворенности возможности проведения досуга и общением с друзьями, выше у «обеспокоенных»;

- удовлетворенность жизнью в целом высокая в обеих группах, но максимальные значения принимает индекс удовлетворенности отношений в семье;

- принципиальные различия в отношении к экономическим рискам между группами установить не удалось. Возможно, дело в том, что сравнение осуществлялось только по одному виду риска.

На примере «проживающих» респондентов мы определили связь условий проживания с заинтересованностью экологическими проблемами, с воздействием на повседневные практики и, как следствие, изменение этих практик (при воздействии рискованных ситуаций в месте проживания будут активно протестовать 53,5%, переселятся в другое место 19,7%). Таким образом, мы можем зафиксировать связь: «условия проживания» – формирование экологической ответственности, т. е. для данной группы условия проживания становятся фактором, актуализирующим ответственность. Тогда как «обеспокоенные» респонденты просто показывают высокий уровень заинтересованности проблематикой, и на данном этапе установить факторы, способные актуализировать поведенческую составляющую их экологической ответственности, не предоставляется возможным.

Примечания

1 См.: О проведении в Российской Федерации Года экологии : указ Президента РФ от 05.01.2016 № 7. URL: <http://www.ecoyear.ru/documentation/ukaz7/> (дата обращения: 10.06.2018).

2 Более подробно см.: Лучшие социальные проекты России : за что дают премии? URL: <http://www.ecoyear.ru/2018/06/luchshie-sotsialnye-proekty-rossii-za-cto-dayut-premii/> (дата обращения: 10.06.2018).

3 См.: Итоги Года экологии 2017. URL: <http://www.minprirod.ru/Default.aspx?tabid=2288&ArtMID=4424&ArticleID=3170> (дата обращения: 10.06.2018).

4 Более подробно см.: GREENPEACE : [сайт]. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/blogs/green-planet/blog/60868/> (дата обращения: 10.06.2018).

- ⁵ Более подробно с результатами исследования и анкетой можно ознакомиться на официальном сайте «Российского общества социологов» (http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=1399&p=3).
- ⁶ Используются базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданные при финансовой поддержке РНФ.
- ⁷ Данные исследования имеются в открытом доступе на сайте Общественного совета Воронежской области (<https://www.govvrn.ru/obsestvennyj-sovet>). Таким образом, мы используем информацию, доступную широкой общественности и не нарушаем условий контракта на экспертные услуги.
- ⁸ См.: Мозговая А. В., Комарова В. А. Социологическое обеспечение рискованной коммуникации // Риск : социологический анализ, коммуникация, региональное управление / отв. ред. А. В. Мозговая. М. : Изд-во ИС РАН, 2004. С. 143–156.
- ⁹ Там же. С. 143.
- ¹⁰ Принципы формирования выборочной совокупности и сама процедура обхода выборки произведена А. В. Мозговой. Анкета разработана А. В. Мозговой и Е. В. Шлыковой. Полевой этап реализован местной службой, проинструктированными сотрудниками сектора проблем риска и катастроф ИС РАН и под их контролем. А. Е. Зорина участвовала в создании баз данных, в анализе и интерпретации данных опроса в формате докладных и аналитических записок.
- ¹¹ Прожиточный минимум в IV квартале 2016 г. был установлен в размере 9691 руб. (Постановление Правительства РФ от 30.03.2017 № 352).

Образец для цитирования:

Зорина А. Е. «Условия проживания» как фактор актуализации экологической ответственности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 383–390. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-383-390>.

Cite this article as:

Zorina A. E. "Living Conditions" as a Factor of Ecological Responsibility Actualization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 383–390 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-383-390>.

УДК 316.4

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕФЛЕКСИИ БЛАГОПРИЯТНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ МОЛОДЕЖИ

М. В. Калининкова, А. А. Головина

Калининкова Марина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kalinnikova1@rambler.ru

Головина Анна Алексеевна, аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, anechka_mango@mail.ru

В статье показано, что современный процесс урбанизации не только приводит к трансформации социально-экономических характеристик территориальной общности, но и меняет представления населения о качестве жизни в городской среде. Опрос общественного мнения, проведенный среди молодежи города Саратова, выявил основные тенденции в градостроительной политике, а именно город должен обеспечить такую среду обитания, в которой люди захотят жить. В работе выделены основные факторы, которые, по мнению респондентов, делают благоприятной городскую среду. Комфортным для жизни молодежь посчитала район, расположенный близко к центру города, с высокой концентрацией мест развлечений, наличием театров, музеев, парков, реки, экологически чистый. Кроме того, данному району должны быть присущи такие качества, как удаленность от промышленных объектов, развитая система общественного транспорта. В статье подчеркивается, что основной составляющей рефлексии молодежи является любовь к родному городу или к отдельным его местам. Для 81% опрошенной молодежи такие места в Саратове присутствуют, для 19% таких мест нет. Среди любимых мест респонденты выделили Набережную космонавтов, Городской парк имени М. Горького, Парк Победы, городской сад «Липки», пешеходную зону на улице Волжской и проспекте Кирова и др. В заключение статьи сделаны выводы о необходимости расширения деятельности по повышению качества городской среды и как пример рассмотрен проект по благоустройству города Саратова «Стрелка».

Ключевые слова: город, городская среда, благоприятная среда, молодежь.

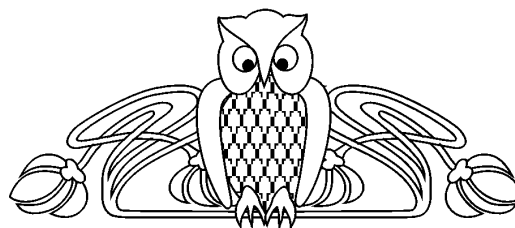
Sociological Foundations for the Reflexivity on Favorable Urban Environment in Youth Public Opinion

M. V. Kalinnikova, A. A. Golovina

Marina V. Kalinnikova, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, kalinnikova1@rambler.ru

Anna A. Golovina, <https://orcid.org/0000-0001-5460-0165>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, anechka_mango@mail.ru

The article deals with modern urbanization process leading to the transformation not only of the socio-economic characteristics of

the territorial community, but also changing the population's perception of life quality in urban environment. A public opinion poll conducted among the youth of the city of Saratov revealed the main tendencies in urban policy, namely: the city should provide such an environment in which people will want to live. The paper identifies the main factors that, in the opinion of the respondents, make the urban environment favorable. The youth considered to be comfortable for life the ecologically area, located close to the city center with high concentration of various places of entertainment, the availability of theaters, museums, as well as with abundance of green spaces, the proximity of parks, plantations and the river. In addition, this area should have inherent qualities such as remoteness from industrial facilities, the predominance of new multi-storey buildings in the building, a developed system of public transport. The article emphasizes that the main component of the reflection of young people is the love to their native city or its separate places. 81% of the young people in the survey have got favorable places in Saratov, but 19% of them have not. The respondents chose as their favorite places the Embankment of Cosmonauts, Gorky Park, Victory Park, Lipky City Garden, the pedestrian zones in Volzhskaya Street and in Kirov Avenue, etc. In conclusion the need of expanding activities to improve the city zone quality is proposed and the project of improvement Saratov environment "Strelka" is considered as an example.

Key words: town, urban environment, favorable environment, youth.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-391-393>

Современный процесс урбанизации не только приводит к трансформации социально-экономических характеристик территориальной общности, но и меняет представление населения о качестве жизни в городской среде. Американский исследователь Колин Эллард пишет, что «урбанизация, перенаселение, изменение климата, сдвиги в энергетическом балансе планеты – все это побуждает нас пересматривать принципы обустройства среды обитания и искать способы организовать ее так, чтобы она помогала нам не только выжить, но и сохранить психическое здоровье»¹.

Цель данного исследования состояла в анализе представлений и знаний молодежи о благоприятной для жизни городской среде.

Методологической базой исследования выступают структурно-функциональные концепции Толкотта Парсонса, Роберта Кинга Мертона и их последователей, позволившие провести анализ, в основе которого лежит принцип системного исследования социальных явлений и процессов городской жизни как структурно расчлененной целостности.

Опрос общественного мнения, проведенный среди молодежи города Саратова, позволил вы-

явить основные факторы, которые дают ответ на вопрос: «Что заставляет нас любить то или иное место?».

Эмпирической базой исследования послужил социологический опрос проведенный методом анкетирования в 2015 г. в Центре социологических исследований СГУ среди молодежи города Саратова². Среди респондентов 1,3% – кандидаты наук, два высших образования имеют 0,7% опрошенных. Большинство опрошенной молодежи (42,7%) имеют высшее образование, 7,3% – студенты 4–5-го курсов вузов. Средне-специальное образование у 2,0% представителей молодежи. Учащимися 1–3-го курсов вуза являлись 24,7% респондентов. Среднее образование имели 8,0%, в школе обучались 13,3% всех опрошенных.

На момент проведения опроса почти половина (45,3%) респондентов учились в школе или вузе. В сфере образования работают 8,0% представителей молодежи, 6,0% указали, что они работают, но без уточнения сферы деятельности. В сфере финансов занято 4,7% опрошенной молодежи; 4,0% респондентов работают инженерами. Научно-исследовательской деятельностью занимаются 3,3% молодежи; 2,7% сферой своей деятельности указали ведение домашнего хозяйства. По 2,7% респондентов являются предпринимателями или занимают руководящую должность; 2,0% работают в общественных организациях; также 2,0% заняты в сфере компьютерных технологий. Представителями торговли являются 2,0% респондентов; 1,3% молодежи занимают пост государственных служащих; работают с документами 1,3% опрошенных. Как бездельник, тунеядец себя позиционируют 1,3% респондентов. По 1,3% опрошенных заняты в спортивной сфере, в фотографическом деле и работают механиками. В сфере медицины занято 0,7% молодежи, также по 0,7% респондентов занимаются культурологией и политикой, являются военнослужащими, занимаются юриспруденцией.

Среди качеств, необходимых для благоприятной городской среды, по мнению основной части молодежи, являются: близкое расположение к центру города, высокая концентрация мест развлечений, наличие театров, музеев, парков и зеленых насаждений, реки, чистота. Кроме того, благоприятной среде должны быть присущи такие качества, как удаленность от промышленных объектов, развитая система общественного транспорта. Следует отметить, что данные выводы хорошо согласуются с результатами исследования по престижности района³.

В развитии благоприятной городской среды немаловажную роль играет любовь и уважение к родному городу. Исследование показало, что любят свой город, но многое хотели бы в нем изменить 59,1% респондентов. Для 12,1% респондентов любовь к городу обусловлена только фактом рождения в нем. Наиболее высокой степенью па-

триотизма и довольства своим городом отличились 9,4% опрошенных. Безразличие к судьбе и состоянию города было проявлено 8,1% респондентов. Нечем гордиться в родном городе 6,0% опрошенных, а ненависть и желание поскорей покинуть его характерны для 4,0% молодежи. 0,7% респондентов имеют положительное отношение к истории города, а к его наследникам – отрицательное, и столько же имеют хорошее, но, тем не менее, далекое от любви отношение к городу.

Для анализа отношения молодежи к Саратову важно выявить наличие любимых мест в городе и мест, где молодежь любит проводить свое свободное время. Для 81% опрошенной молодежи такие места в Саратове присутствуют, для 19% таких мест нет.

Среди любимых мест выделили Набережную космонавтов (44,7%), Городской парк имени М. Горького (41,2%), Парк Победы (31,6%); 29,8% респондентов любят проводить свободное время в Городском саду «Липки», 18,4% предпочитают отдыхать на проспекте Кирова. Кумысная поляна и места панорамного вида являются излюбленными местами для 14,0% опрошенных. СГУ им. Н. Г. Чернышевского назвали своим любимым местом 5,3%; по 4,4% респондентов отметили Театральную площадь и свой дом; 3,5% – театр оперы и балета. Для 2,6% опрошенных таким местом является Детский парк. Улицу Сакко и Ванцети и консерваторию как любимые места отметили по 1,8% опрошенных (сумма ответов не сводима к 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов).

По 0,9% респондентов ответили, что их любимые места это: Mandala Hall, улица Волжская, леса, заброшенные заводы, старый город, аллея на пр. 50 лет Октября, аллея кадетов, Музей-усадьба Н. Г. Чернышевского, Октябрьское ущелье, Малиновый родник, театр драмы им. И. А. Слонова, музей им. А. Н. Радищева и ТЮЗ. Можно сделать вывод, что любимые места респондентов находятся преимущественно в центральной части города.

Благоустройство и озеленение являются важнейшим направлением в градостроительной политике, в вопросе обеспечения такой среды обитания, в которой люди захотят жить. Инновационным продуктом для развития городской инфраструктуры Саратова стала совместная работа геологов, географов, экологов, архитекторов, обществоведов и ряда других специалистов над проектом «Благоустройство повседневности Саратова» в Институте медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» 2017 г. Данный проект позволит системно решить проблему благоустройства современного горожанина⁴. Авторы идеи предложили три направления развития: благоустройство набережной, проспекта Кирова, строительство детского развлекательного парка. Первое направление предполагает продление

набережной, строительство современного причала, создание маршрутов водного транспорта к островам, размещение туристической инфраструктуры, размещение речного клуба и развитие центра экстремального спорта. Предполагается сохранение производственных кластеров и создание пяти функциональных зон: природной, туристической, зоны мероприятий, детской и активного спорта. Модернизационные проекты благоустройства городского пространства должны, несомненно, отвечать современным тенденциям.

Исследование отношения населения к проекту «Стрелка» было проведено методом формализованного интервью⁵. В нем приняли участие 100 саратовчан в возрасте от 20 до 70 лет. Из числа опрошенных треть составили мужчины. Выборочная совокупность формировалась методом доступной выборки, поэтому не отражает реальных параметров генеральной совокупности, в связи с чем прогнозирование не даст высокого процента точности, однако в определении основных тенденций полученные данные можно использовать.

Одной из задач исследования было выявление уровня информированности населения об идее строительства в Саратове крупного развлекательного парка «Швамбратия». Выяснилось, что чуть более 40% знают или что-то слышали о подобной идее. Наиболее популярным источником информированности саратовчан об идее строительства парка стали друзья, знакомые и Интернет. При оценке идеи строительства развлекательного парка в Саратове большинство опрошенных дали положительный ответ. Более 50% респондентов поддерживают данную идею. Около 40%, оценивая идею как хорошую, не превосхищают данное событие. Менее 10% проявили отсутствие интереса к данной идее, в эту же группу попали и те, кто категорически против подобного строительства. Их оказалось менее 2% среди всех опрошенных.

По результатам интервью были выделены предпочтения горожан по объектам благоустройства города. По числу упоминаний их можно разделить на три группы:

– первая группа: прогулочные зоны с аллеями и скамьями для отдыха, зоны различных аттракционов, детские площадки с горками и песочницами;

– вторая группа: уличные кафе, газонные участки для отдыха, площадки для театрализованных представлений, зоопарк, зоны интеллектуальных игр;

– третья группа: спортивные зоны (беговые дорожки, велосипедные трассы, дорожки для катания на роликах и т. д.), спортивные гимнастические зоны с тренажерами, турниками и брусьями, бассейны.

Безусловно, для достижения намеченных планов по благоустройству и поддержанию в надлежащем состоянии территорий муниципальных образований необходимо расширение деятельности как администрации города, так и населения, тем более что, согласно проведенному авторами опросу, 59% респондентов любят свой город, но многое в нем хотели бы изменить.

Примечания

- ¹ Эллорд К. Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие : пер. с англ. 2-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2017. С. 11.
- ² См.: Региональные трансформации : социологический мониторинг : информ. бюллетень ЦРСИ СГУ. Вып. 1–2 (20–21) : Социальная инфраструктура современного города через призму общественного мнения населения / под ред. Н. В. Шахматовой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015.
- ³ См.: Бегина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Социальная инфраструктура города через призму общественного мнения саратовской молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 5–10. DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-4-5-10
- ⁴ См.: Институт «Стрелка» – Новый образ Саратова : Кто, как и зачем благоустраивает город? URL: <http://strelka.com/ru/events/event/2017/.../new-saratov-who-how-and-why-improves-the-city> (дата обращения: 03.09.2018).
- ⁵ См.: Региональные трансформации : социологический мониторинг : информ. бюллетень ЦРСИ СГУ. Вып. 1–2 (20–21) : Социальная инфраструктура современного города через призму общественного мнения населения.

Образец для цитирования:

Калининкова М. В., Головина А. А. Социологические основы рефлексии благоприятной городской среды в общественном мнении молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 391–393. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-391-393>

Cite this article as:

Kalinnikova M. V., Golovina A. A. Sociological Foundations for the Reflexy on Favorable Urban Environment in Youth Public Opinion. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 391–393 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-391-393>

УДК 811.111:324

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ УБЕЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ (на примере президентской кампании 2017–2018 годов)

Р. З. Назарова, М. В. Золотарев

Назарова Раиса Зифировна, кандидат филологических наук, декан факультета иностранных языков и лингводидактики, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, inyaz.dekanat@mail.ru

Золотарев Михаил Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mizrkb@gmail.com

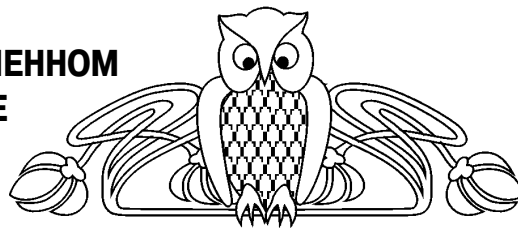
В современном мире средства массовой информации довольно часто используются с целью оказания влияния на аудиторию, поэтому исследование речевого воздействия нередко обусловлено необходимостью выработки надежного механизма противодействия нежелательной манипуляции. В связи с этим в последние годы активно исследуются вопросы применения разнообразных коммуникативных стратегий и речевых тактик в дискурсах разного рода. Настоящее исследование нацелено на изучение речевых тактик, применяемых российскими политиками в ходе предвыборной агитации на встречах с потенциальными избирателями. В статье приводятся результаты анализа российского предвыборного дискурса на материале встреч кандидатов на пост Президента РФ с избирателями в ходе кампании 2017–2018 гг. В рамках исследования с помощью метода дискурс-анализа описаны основные речевые тактики убеждения, использованные российскими политическими деятелями с целью перетягивания электората. Отмечается, что совокупность речевых тактик зависит от общей стратегии, которую выбирают авторы предвыборного дискурса и которая направлена на завоевание голосов избирателей. Помимо речевых тактик убеждения в ходе исследования удалось выявить и описать некоторые тактики, направленные на сокращение дистанции между автором дискурса и его адресатами. Данные результаты расширяют представления о средствах воздействия, применяемых в современном российском политическом дискурсе, а также могут быть использованы в ходе преподавания различных университетских курсов, например теории коммуникации, политологии.

Ключевые слова: речевая стратегия, речевая тактика, предвыборный дискурс, речевое воздействие.

Verbal Tactics of Persuasion in Contemporary Russian Electoral Discourse (The Study of the Presidential Campaign 2017–2018)

R. Z. Nazarova, M. V. Zolotarev

Raisa Z. Nazarova, <https://orcid.org/0000-0003-2120-1525>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, inyaz.dekanat@mail.ru

Mikhail V. Zolotarev, <https://orcid.org/0000-0002-1209-4759>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, mizrkb@gmail.com

Mass media are quite frequently used to influence the audience in the contemporary world. That is why the necessity to create a credible mechanism against the undesirable linguistic manipulation causes the research works of this kind. Hence, the use of communicative strategies and speech tactics in discourses of various kinds is widely investigated nowadays. This research is aimed at investigating verbal tactics that are used by Russian politicians in the course of the electoral campaign at their meetings with potential voters. The article is devoted to the results of the analysis of the Russian electoral discourse based on the candidates' meetings with the voters in the course of the Presidential campaign 2017–2018. The research using the method of discourse analysis describes the primary tactics of persuasion that were utilized by the Russian politicians to attract plenty of votes. The spectrum of tactics appears to depend on the main strategy the candidate has chosen to win votes. In addition to the verbal tactics of persuasion, the research identifies and describes several tactics to shorten the distance between the author of the discourse and its addressee. The results enhance understanding of the means of linguistic manipulation used in modern Russian political discourse as well as they might be used to teach various University courses, e.g. communication theory, political science.

Key words: speech strategy, verbal tactics, electoral discourse, persuasive speech.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-394-399>

В современном мире, когда информационные потоки часто используются с целью оказания влияния на аудиторию, интерес исследователей к вопросам речевого воздействия оказывается продиктован необходимостью выработки надежного механизма противодействия нежелательной манипуляции. В связи с этим в последние годы активно исследуются вопросы применения разнообразных коммуникативных стратегий и речевых тактик в дискурсах разного рода. Настоящее исследование нацелено на изучение речевых тактик, применяемых российскими политиками в ходе предвыборной агитации на встречах с потенциальными избирателями.

В современной лингвистике достаточно серьезное внимание уделяется исследованию языковых средств воздействия в предвыборном дискурсе. В частности, изучению подвергаются синтаксические средства¹, стилистические средства², вербальные и невербальные символы (семиотизаторы)³, а также коммуникативные стратегии и тактики⁴. Большинство работ по-

добного рода объединяет общий функциональный подход, согласно которому предвыборный дискурс рассматривается с позиций его целевых установок. Данный подход объясняет преобладание исследований лексико-стилистических особенностей предвыборного дискурса, а также особенностей применяемых коммуникативных тактик, так как именно данные языковые средства в большей мере обеспечивают реализацию главной цели предвыборного дискурса, привлечение избирателей.

Значительная часть проанализированных нами научных работ по теме настоящей статьи отличается единообразием трактовки понятия «предвыборный дискурс». Большое количество исследователей (см., например, работы О. С. Сахаровой, И. А. Федоровой, О. Е. Гавриковой, А. А. Поляковой) предвыборный дискурс рассматривают как жанр политической коммуникации. Однако более точным представляется определение Ж. Багана и Э. А. Бочаровой, которые рассматривают предвыборный дискурс как «жанр политического дискурса, представленного совокупностью текстов, содержащих материалы агитационного характера в отношении конкретной предвыборной кампании и распространяемых в период проведения этой кампании»⁵. Данное определение отмечает основную характеристику предвыборного дискурса, а именно наличие ярко выраженного хронотопа, в рамках которого данный вид дискурса разворачивается и теряет свою актуальность за его пределами.

Помимо «локализации предвыборного дискурса во времени и пространстве», к другим его чертам представляется возможным отнести «борьбу за власть, наличие оппозиции “свои” (кандидат и его сторонники) – “чужие” (оппонент и его сторонники), наличие электората, агитационность и оценочность»⁶. Выявление подобных черт предвыборного дискурса продиктовано его целью – убеждение электората (адресата дискурса) сделать выбор в пользу того или иного политика (часто адресанта дискурса). Данная цель определяет и основные коммуникативные стратегии построения предвыборного дискурса, а также выбор речевых тактик, способствующих реализации главенствующих стратегий.

Под коммуникативной/речевой стратегией принято понимать совокупность речевых действий, направленных на достижение определенной цели в результате общения⁷. Речевая же тактика представляет собой одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии⁸. Ряд исследователей полагают, что авторы предвыборного дискурса ориентированы на две коммуникативные стратегии: манипулятивную и аргументативную⁹. Однако, на наш взгляд, данное представление в некоторой степени ограничивает возможности интерпретации языкового материала (см., например, работу Т. А. Мельничук) и, как следствие, выводы, сделанные в рам-

ках данного подхода, представляют объект исследования в несколько упрощенном свете.

Согласимся с идеей А. А. Григоряна и С. А. Маник о доминировании одной или нескольких стратегий в той или иной предвыборной кампании¹⁰, однако при анализе языкового материала в настоящем исследовании учитывались помимо прототипических и периферийные стратегии.

Материалом настоящего исследования послужили расшифровки видеозаписей встреч кандидатов на пост Президента РФ с избирателями в ходе предвыборной кампании 2017–2018 гг. Для анализа были отобраны четыре видеозаписи, на которых П. Н. Грудинин (далее – ПНГ), В. В. Жириновский (далее – ВВЖ), К. А. Собчак (далее – КАС) и Г. А. Явлинский (далее – ГАЯ) общаются с потенциальными избирателями и рассказывают о своих предвыборных программах. Встречи проводились в период с 18.01.2018 по 12.02.2018. Длительность каждой видеозаписи составляет от одного до полутора часов.

Отобранный языковой материал представляет собой публичные выступления кандидатов, построенные по схожему сценарию: все кандидаты начинали свое выступление с небольшого монологического высказывания, обращенного к избирателям, после этого следовало прямое общение с аудиторией в форме вопросов и ответов. В результате исследования была установлена характерная черта политического предвыборного дискурса жанра «общение с избирателями»: отобранные для исследования авторы дискурса даже монологическую часть выступления строили в форме диалога, используя вопросительные предложения, адресованные либо своим оппонентам, либо самим себе:

Вы можете спросить меня: ну, хорошо, ты тут приехала, ты тут с нами встречаешься, я что ты можешь сделать? Я вам отвечаю: сегодня я участвую в этой президентской кампании только с одной целью. Я участвую, чтобы стать рупором всех несогласных (КАС).

Или КПРФ берет бомжа беспартийного с улицы. Как можно вообще? Вы че? В вашей партии нет ни одного человека? То есть он не виноват. Но ему же выгодно, что его поддержала парламентская партия. Подписей не надо собирать (ВВЖ).

Подобная организация монолога, на наш взгляд, отражает специфику политического дискурса в целом и некоторых его институциональных характеристик. По нашему мнению, политические деятели постоянно находятся в состоянии диалога со своими избирателями, а со своими оппонентами ведут оживленную полемику, поэтому даже во время монологического выступления перед живой аудиторией диалогическая направленность речи преобладает и видоизменяет конструкцию дискурса. Представляется, что подобная особенность отличает политический, и

предвыборный дискурс в частности, от дискурсов других типов, например научного, в котором также наличествует жанр «выступление перед аудиторией», но чаще всего он характеризуется чистотой формата, и монологическое высказывание чаще всего строится без вкраплений диалоговых форм.

Другая характерная черта предвыборной кампании в России в 2017–2018 гг. заключалась в участии одного по-настоящему сильного кандидата, претендующего на уверенную победу, поэтому некоторые кандидаты на пост Президента РФ открыто заявляли о своей цели не выиграть в выборах, но набрать достаточное количество голосов, чтобы продлить свою политическую жизнь. Ввиду данной особенности целью кандидатов было убедить как можно большее число избирателей в правильности избранного ими курса, отраженного в их программах. В связи с этим кандидаты выстраивали некоторые стратегии убеждения и реализовывали их с помощью определенных тактик. Среди отобранных для настоящего исследования авторов предвыборного дискурса В. В. Жириновский отличался от других кандидатов уникальностью выбранной стратегии. Если другие кандидаты выстраивали стратегию рационального убеждения, В. В. Жириновский избрал стратегию создания собственного положительного образа и негативного образа своих оппонентов. Предвыборный дискурс В. В. Жириновского отличается в связи с вышеуказанной причиной разнообразием речевых тактик, направленных на реализацию основной стратегии, поэтому рассмотрим применяемые им тактики убеждения отдельно от других кандидатов.

Одними из главных речевых тактик В. В. Жириновского являются тактики самопрезентации, которые включают употребление Я-конструкций и прилагательных в превосходной степени:

Кто должен руководить? Самый мудрый, самый опытный, а это приходит только с годами. <...> Я старше их по возрасту. <...> Я пятьдесят лет занимаюсь всей планетой Земля. <...> Я востоковед. Я и юрист, и международник (ВВЖ).

Помимо создания собственного позитивного образа В. В. Жириновский также стремится создать отрицательный образ своих оппонентов. Для достижения данной цели он приводит цитаты своих оппонентов, представляющие их в негативном свете:

Что стоит ее фраза: русский народ – быдло. Россию надо закрыть. С русскими не хочу общаться, мне лучше с евреями (ВВЖ о КАС).

Также В. В. Жириновский нередко использует прием контраста для выражения мнения о своих оппонентах и создания их негативного образа:

Есть чемпионы, четыре чемпиона. Единая, ЛДПР, КПРФ, Справедливая. И дворовые коман-

ды. Партия роста, там. Вернее партия надежды. Яблоко. Загнившее яблоко. И там гражданская инициатива. Отсутствие инициатив (ВВЖ).

Другой отличительной речевой тактикой В. В. Жириновского, направленной на реализацию стратегии убеждения, является использование образных средств с помощью сниженной, иногда оскорбительной, лексики:

*У тебя как бы такой **винегрет, компот**. <...> Поэтому из восьми шесть **убираем как мусор практически**. <...> Сегодня нас **мордой об лавку водят** (ВВЖ).*

Использование подобных речевых тактик создает образ эпатажного политика, способного оказывать сильное эмоциональное воздействие на избирателя. Так как другие кандидаты выбрали стратегию рационального убеждения, то их предвыборные выступления отличаются меньшей эмоциональностью и другим набором речевых тактик. Рассмотрим главные из них.

Все предвыборные выступления, проанализированные в ходе исследования, в качестве одной из тактик убеждения использовали отсылку к собственному экспертному мнению, основанному на личном опыте:

Дорогие друзья, как экономист, который всю жизнь занимается экономикой и работал в советском правительстве и в российском правительстве, я преподаю экономику, я хочу сказать вам с абсолютной уверенностью, российская экономическая система – более неработоспособна (ГАЯ).

Однако данная речевая стратегия может быть реализована по-разному в зависимости от индивидуальных особенностей кандидатов. Например, К. А. Собчак не обращается напрямую к собственному опыту, но ссылается на мнение экспертов из числа своих друзей:

Что будет дальше со всеми нами? Из-за того, что мы захотели присоединить территории, из-за того, что мы захотели вести свою внешнюю политику так, как мы захотели. Мы готовы к этим последствиям? Мое мнение..., не только мое мнение, мнение огромного количества именно экономических экспертов, что мы просто к этому не готовы (КАС).

П. Н. Грудинин, ссылаясь на собственный опыт, обнаруживает тенденцию использовать не нормативное произношение литературного языка, а произношение, характерное для профессионального жаргона:

Мы когда производили тракторА и посылали их в 80 стран мира. Я инженер-механик по образованию, я знаю, что на наших тракторАх пахала, половина ... мирового сообщества (ПНГ).

Другим способом выражения экспертного мнения как одной из тактик убеждения является цитирование авторитетных исторических личностей настоящего и прошлого. Кандидаты прибегают к данному средству убеждения, что-

бы повысить авторитетность своих собственных аргументов:

Даже Достоевский говорил: «Без веры в лучшее, без стремления к лучшему, ничего кроме пущей гадости, – писал он, – получиться не может» (ГАЯ).

В некоторой смысле рекордсменом в вопросе цитирования авторитетного мнения является П. Н. Грудинин, который приводит слова не только апологетов коммунистической идеологии, например В. И. Ленина, но также и противников коммунизма. Например, критикуя современный политический режим, сложившийся в Российской Федерации, П. Н. Грудинин приводит слова бывшего Государственного секретаря США Генри Киссинджера:

Но это не элита никакая, потому что, как сказал Генри Киссинджер: «Слушайте, а у вашей элиты деньги у нас, дети у нас, дворцы у нас, так чья элита-то? Наша, или ваша? Вы разберитесь» (ПНГ).

Предвыборный дискурс П. Н. Грудинина также отличается от дискурса других кандидатов тем, что он не дает прямых предвыборных обещаний. Другие кандидаты в той или иной степени дают обещания, которые намереваются выполнить в случае победы на выборах:

Ко мне вопрос: кто и когда будет подымать тяжёлую промышленность? Ответ – я вам буду подымать тяжёлую промышленность. Вы меня только выберите, я вам подыму всё: и промышленность, и не промышленность (ГАЯ).

Поэтому они ничего не могут делать. А я сделаю. И будут у нас и деньги, и порядок, и безопасность, и нас будут уважать (ВВЖ).

Перечисленные выше речевые тактики относительно непосредственно к тактикам убеждения, которые направлены на реализацию главной цели российского предвыборного дискурса кампании 2017–2018 гг., а именно завоевание большего количества голосов избирателей. Были перечислены самые распространенные и основные из них.

Представляется необходимым отметить, что тексты, составляющие предвыборный дискурс, отличаются большим разнообразием образных средств выразительности и речевых тактик, которые зависят от конкретного контекста. Данный контекст обусловлен временем и местом создания дискурса, а также экстралингвистическими характеристиками реципиентов и авторов дискурса. Несмотря на нетривиальность контекста, представляется возможным выделить еще одну группу тактик, использование которых также подчинено главной цели предвыборного дискурса, однако их основная функция заключается в сокращении дистанции между автором дискурса и его реципиентами. Данные тактики в большой степени применяются, чтобы расположить реципиентов к дружескому общению с кандидатом.

Выбранные для исследования политики используют приблизительно один и тот же набор

тактик, направленных на сближение с аудиторией. Считаем, что данные тактики свойственны не только предвыборному дискурсу, но и вообще любому публичному выступлению в рамках разных типов дискурса. Охарактеризуем основные тактики, выявленные в ходе настоящего исследования, в порядке уменьшения их частотности в проанализированных текстах.

1. Прямые вопросы, адресованные аудитории.

Довольно часто кандидаты задают вопросы людям, находящимся в зале, чаще всего с целью апелляции к здравому смыслу или совместному опыту. Вопросы, адресованные аудитории, на наш взгляд, служат для установления контакта с адресатами дискурса или для привлечения их внимания. Если вопрос задается с первой целью, то кандидат обращается к публике обычно в начале выступления:

В отличие от других кандидатов в президенты я не буду вам врать. Я не буду говорить, что я на них выиграю. Друзья мои, на этих выборах никто не выиграет кроме Владимира Путина [аплодисменты]. Есть хоть один человек, который считает иначе? (КАС).

В приведенном примере в начале своего выступления Ксения Анатольевна задает залу вопрос, чтобы понять, кто из присутствующих поддерживает ее, а кто оппозиционно выступает по отношению к ней. Примечательно, что после того, как один человек высказался иначе, его вывели из зала.

Вопросы залу для привлечения внимания часто используют В. В. Жириновский и Г. А. Явлинский. Обычно они прибегают к подобному приему после долгих монологических высказываний по той или иной теме, поэтому анализируемый прием позволяет им не потерять внимания аудитории:

<...> Нам нужно прекратить все военно-политические авантюры. Нужно убраться из Сирии, из чуждой гражданской войны. Нам ничего там делать. Вы знаете, сколько мы потратили в Сирии? 200 миллиардов. Это три бюджета Саратовской области. Три раза (ГАЯ).

2. Ирония.

Все отобранные для исследования кандидаты используют прием иронии в большей или меньшей степени. Умение иронично взглянуть на ситуацию и вызвать улыбку у избирателей является несомненным достоинством политика, позволяющим ему расположить к себе публику и повысить настроение слушателей.

Часто меня спрашивают ... это последнее. А как бороться с коррупцией? Правда, мне сказали, что в Саратове коррупции нету [смех из зала]. Перестаньте смеяться, что вы смеетесь. Я правда спрашивал. ... И я тогда понял, какой масштаб коррупции (ГАЯ).

Вот выпал снег в Сибири, удивительное же событие, правда. Ведь невозможно предполо-

жить, что в Сибири может выпасть снег. Согласитесь. Ну, это как в Африке он выпал, примерно так же (КАС).

3. Отсылки к местным реалиям.

Отобранные для анализа тексты представляют собой расшифровки видеозаписей встреч политиков с избирателями в разных городах. Специфика этих встреч заключается в том, чтобы преодолеть некоторую дистанцию между жителем мегаполиса (автор дискурса, политик) и жителями глубинки. Для политиков, баллотирующихся на пост Президента РФ, важно подчеркнуть, что они знакомы с проблемами регионов и готовы решать их, а не концентрироваться только на проблемах Москвы и Кремля, поэтому все анализируемые авторы предвыборного дискурса стараются упомянуть в своей речи о проблемах местных жителей или похвалить их за какие-либо заслуги:

Вы видите, полыхает Украина? Это рядом с вами, Ростовская область граничит с Донецкой (ВВЖ).

Если вы сейчас пойдете по вашему городу, по которому я сейчас ходил, это самое верное доказательство. Она [власть] не может ни почистить улицы, а зима ведь в России, да, небольшая неожиданность, она не может ликвидировать ветхое жилье образца середины 19 века, по-моему, как я понимаю, или уж, по крайней мере, начала 20-го. Она не может сделать так, чтобы у всех жителей Саратова была вода, канализация, горячая вода (ГАЯ).

4. Использование сниженной лексики и молодежного сленга.

Нередко в предвыборном дискурсе выбранных для исследования политиков встречаются слова сниженного регистра и сленговые выражения:

Сейчас не до фишек, понимаете (ГАЯ). Они получают столько же, но в баксах (ПНГ).

Давайте, начинаем вопросы, а потом отсюда пойдет очередь селфи (ВВЖ).

Использование подобных слов и выражений снижает тон общения кандидатов с публичного до бытового и позволяет им показать знакомство не только с реалиями и проблемами местных жителей, но и с их языком.

5. Использование местоимения «мы».

К. А. Собчак и П. Н. Грудинин весьма часто используют местоимение «мы» в качестве агенса предложения. Использование данного местоимения вместо местоимения «я» способствуют некоторому объединению автора дискурса и его адресатов, создает чувство сопричастности и сближает адресанта и адресатов:

Мы должны законным, легитимным, прописанным в Конституции путем изменить положение дел и заставить власть сделать так, чтобы в нашей стране жить было выгодно и ... богато, если хотите (ПНГ).

Мы против этой власти, против несменяемости власти. Мы за то, чтобы в нашей стране существовал независимый суд, в нашей стране работал истинный федерализм, мы за то, чтобы у нас была сменяемость власти... (КАС).

6. Использование прецедентных феноменов.

Авторы предвыборного дискурса неоднократно использовали в своей речи прецедентные феномены. Использование прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе может быть вызвано рядом причин. Например, политик желает усилить чувство собственной причастности к группе избирателей. Декодирование значения прецедентного феномена сопровождается отсылкой к коллективной памяти языковой общности людей. Нередко носители языка используют прецедентные феномены, чтобы продемонстрировать знания общих текстов, фактов и ситуаций¹¹. Другая причина использования прецедентного феномена может быть вызвана желанием имплицитно выразить мысль, которую неудобно высказать открыто:

Я не могу их назвать. Потому что я до Москвы еще не долечу, и им принесут колбаски в корзинке (ГАЯ).

В данном примере Григорий Алексеевич использует отсылку к прецедентной ситуации судебного разбирательства бывшего министра экономического развития А. В. Улюкаева. Г. А. Явлинский намекает на то, что бывшего министра подставил И. И. Сечин, который вместо обещанного подарка, мясных и колбасных изделий, передал ему взятку в размере двух миллионов долларов. Используя данную прецедентную ситуацию, Г. А. Явлинский уходит от ответа на вопрос о своих претендентах на посты в правительстве (в случае его победы на выборах), намекая на то, что против них могут быть сфабрикованы уголовные дела.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены и описаны основные речевые тактики, направленные на реализацию главной цели предвыборного дискурса. Совокупность речевых тактик зависит от избранной кандидатом речевой стратегии. Выбранные для исследования политики демонстрировали две основные стратегии убеждения: рациональное убеждение и стратегию создания положительного собственного образа и отрицательного образа своих оппонентов. Помимо речевых тактик убеждения, в ходе исследования удалось выявить и описать некоторые тактики, направленные на сокращение дистанции между автором дискурса и его адресатами. Данные результаты расширяют представления о средствах воздействия, применяемых в современном российском политическом дискурсе, а также могут быть использованы в ходе преподавания различных университетских курсов, например культуры речи, риторики и теории коммуникации.

Примечания

- ¹ См.: *Ехлакова Н. Ф.* Персуазивные синтаксические средства актуализации оппозиции «свой/чужой» в предвыборном президентском политическом дискурсе Б. Обамы (на примере избирательных кампаний 2008 и 2012 гг.) // *Наука о человеке : гуманитарные исследования.* 2017. № 3 (29). С. 83–89.
- ² См.: *Биньковская И. В.* Стилистика предвыборных медиатекстов : региональный контекст // *Учен. зап. НовГУ.* 2016. № 1 (5). С. 1–3.
- ³ См.: *Гаврикова О. Е.* Языковые способы манипулирования в предвыборном дискурсе // *Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч. практ. конф. (Белгород, 30 ноября 2017 г.) : в 6 ч. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой.* Белгород, 2017. Ч. 1. С. 15–20.
- ⁴ См.: *Мельничук Т. А.* Коммуникативные стратегии в твиттер-аккаунтах американских политиков // *Меридиан : науч. электрон. журнал.* 2017. № 8 (11). С. 27–29.
- ⁵ *Багана Ж., Бочарова Э. А.* Предвыборный политический дискурс как особая сфера коммуникации // *Вестн. РУДН. Сер. Лингвистика.* 2012. № 1. С. 124.
- ⁶ *Мельничук Т. А.* Указ. соч. С. 27.
- ⁷ См.: *Кудашкина С. А., Золотарев М. В.* Специфика тактик самопрезентации в английском и русском языках // *Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докладов IX Междунар. конф. (Саратов, 21–22 февраля 2017 г.).* Саратов, 2017. С. 66.
- ⁸ См.: *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2011. С. 55.
- ⁹ См.: *Карпоян С. М.* Актуальные проблемы теории современного предвыборного дискурса текстов СМИ (на примере выборов США) // *Успехи современной науки и образования.* 2017. Т. 6, № 4. С. 147–150 ; *Гаврикова О. Е.* Указ. соч.
- ¹⁰ См.: *Григорян А. А., Маник С. А.* Американский предвыборный медиадискурс : стратегии и лингвориторические особенности (на материале теледебатов Х. Клинтон и Д. Трампа 2016 года) // *Вестн. Костром. гос. ун-та.* 2017. Т. 23, № 1. С. 204–208.
- ¹¹ См.: *Zolotarev M. V., Evmenova A. S.* Precedent Phenomena as Group Formers // *Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докладов VI Междунар. интернет-конф. (Саратов, 26–28 февраля 2014 г.).* Саратов, 2014. С. 15–19.

Образец для цитирования:

Назарова Р. З., Золотарев М. В. Речевые тактики убеждения в современном российском предвыборном дискурсе (на примере президентской кампании 2017–2018 годов) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2018. Т. 18, вып. 4. С. 394–399. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-394-399>.

Cite this article as:

Nazarova R. Z., Zolotarev M. V. Verbal Tactics of Persuasion in Contemporary Russian Electoral Discourse (The Study of the Presidential Campaign 2017–2018). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 394–399 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-394-399>.

УДК 316.75

КОНЦЕПТ «НАЦИОНАЛИЗМ» В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Я. А. Никифоров, О. А. Романовская

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikiforovy@mail.ru

Романовская Ольга Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, зам. директора по научной работе, Межрегиональный институт развития образования, Саратов, romanovska.ol@yandex.ru

Статья посвящена вопросу методологической рефлексии концепта «национализм», рассмотренного через призму «социологичности» интеллектуального наследия России. Тема актуализируется заботой о национальных интересах и достоинстве современной России, созданием государственных проектов, должных стать национальной гордостью россиян, «транслирующих» в мир повседневности неоднозначный для социокультурного осмысления концепт «национализм». Концепт «национализм» в социально-информационном и семантическом полях имеет свой сегмент, маркированный этническими критериями, наполненный как позитивными, так и деструктивными социальными практиками. Дефинитивные признаки концепта «национализм» дают возможность определить наличие или отсутствие в конкретной повседневной ситуации симптомов нарушения справедливости в национальном вопросе. Тип социологического дискурса, представленный в философско-публицистических и научных трудах российских мыслителей классическими социальными доктринами, предлагает различное толкование исторического процесса и развития общества как целого через призму национализма. Отмечается, что анализ социологического дискурса национализма наиболее обоснован при выявлении доминирующих стилей или типов суждений, взятых вместе с социальными условиями их производства.

Ключевые слова: национализм, дискурс, типы социологического дискурса, дискурсивные характеристики.

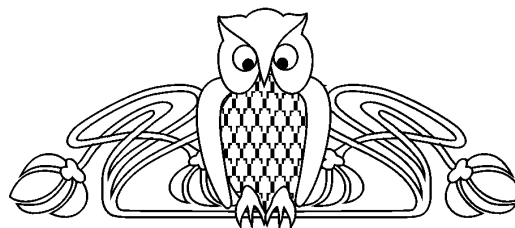
The Concept "Nationalism" in the Sociological Discourse

Ya. A. Nikiforov, O. A. Romanovskaia

Yaroslav A. Nikiforov, <https://orcid.org/0000-0002-0325-1855>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, nikiforovy@mail.ru

Olga A. Romanovskaia, <https://orcid.org/0000-0003-1732-8072>, Inter-regional Institute of Education Development "MIRO", 6, Cosmonauts Emb., Saratov, 410002, Russia, romanovska.ol@yandex.ru

The article is devoted to the problem of methodological reflection of the concept "nationalism" considered through the prism of "sociological sign" of Russian intellectual heritage. The subject is actualized by the care for national interests and dignity of modern Russia, by the creation of state projects, which are due to become national pride of the Russians "broadcasting" to the outer everyday world the concept

"nationalism", ambiguous for socio-cultural judgment. The concept "nationalism" in social, informational and semantic fields possesses the segment marked by ethnic criteria, filled with both positive and destructive social practices. The defining signs of the concept "nationalism" give the chance to define existence or absence justice violation symptoms in the ethnic question in each concrete daily situation. The type of sociological discourse, presented in philosophical, publicistic and scientific works of the Russian thinkers by classical social doctrines, offers various interpretations of historical process and development of society as a whole through the prism of nationalism. It is noted that the analysis of sociological discourse of nationalism is most reasonable in the course of identification of dominating styles or types of judgments taken together with social conditions of their production.

Key words: nationalism, discourse, types of a sociological discourse, discourse characteristics.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-400-402>

Заботы о национальных интересах и достоинстве современной России, создание государственных проектов, должных стать национальной гордостью россиян, «транслируют» в мир повседневности неоднозначный для социокультурного осмысления концепт «национализм». Концепту «национализм», на наш взгляд, несмотря на омонимичность, всё же присуща однозначность выражения всего комплекса моральных и аморальных явлений в национальном вопросе. Очевидно, концепт «национализм» в социально-информационном и семантическом полях имеет свой сегмент, маркированный этническими критериями, наполненный как позитивными, так и деструктивными социальными практиками. Дефинитивные же признаки концепта «национализм» дают возможность определить наличие или отсутствие в конкретной повседневной ситуации симптомов нарушения справедливости в национальном вопросе.

Русские социальные философы и этнографы в прошлом неоднократно обращались к теоретическим проблемам национальной жизни и, в частности, национализма. Интерес к этим проблемам мы находим, например, у С. М. Широкогорова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, у «евразийцев» Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого и многих других российских исследователей первой половины XX в., большинство из них представляет эмигрантов «первой волны». Характерным является то, что подходы к анализу обозначенных проблем, да и сам интерес к ним определялись в контексте такой глобальной проблемы, как судьба России, судьба в прошлом, настоящем и будущем. В первой

четверти XXI в. беспокойство о судьбе России, приобретая иные форматы, по сути, остаётся таким же социально острым и тревожным. В этих реалиях представляется более точным говорить о «социологичности» интеллектуального наследия и рефлексии на тему национализма.

Полагаем, что проблема объединения составных частей разнонаправленных размышлений о национализме может быть решена с помощью введения в социологический анализ дискурсивного подхода. Для этого представляется необходимым обобщить базовые концепции дискурса в целом и социологического дискурса в частности, используемые в современном научном обороте.

Целесообразно выделить три основных класса употребления термина «дискурс»: первое – собственно лингвистическое, где дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию – как вид речевой коммуникации, как единица общения; второе – дискурс, используемый в публицистике, восходящий к французским структуралистам (прежде всего к М. Фуко); третье – дискурс, используемый в формальной лингвистике, пытающейся ввести элементы дискурсивных понятий в арсенал генеративной грамматики (Т. Райнхарт, Х. Камп). Истоки анализа дискурса как явления в современной науке, как считается, были заложены З. Хэррисом, который в своей статье¹ ввел понятие дискурс-анализа как метода изучения движения информации в дискурсе. На сегодняшний день в исследовании дискурса выделяются шесть основных направлений: теория речевых актов, интеракциональная социолингвистика, этнография коммуникации, прагматика, конверсационный анализ и вариационный анализ².

Постепенно дискурс стал пониматься исследователями как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами»³, в котором представлена не только информация о «положении дел в мире» (пропозиция), но и весь набор субъективных, социокультурных, в том числе стереотипных, прецедентных и иных смыслов. По определению Т. А. ван Дейка, «дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так индивидуальная, частная»⁴.

В общей сложности дискурс может быть представлен в виде образца или схемы, в которой имеются обязательные и факультативные компоненты. Он характеризуется универсальными и специфическими чертами. Главными универсальными чертами являются его целостность и связность, что обуславливается восприятием

дискурсивного события как комплекса. Основные специфические черты создаются пропозитивной частью и субъективными компонентами.

Одним из частных случаев развертывания дискурса является социологический дискурс. Сегодня концепт «социологический дискурс» понимается и используется в максимально расширительной трактовке «как целостная система социологических суждений, взятых вместе с социальными условиями их производства»⁵. Сама такая система включает в себя различные предметные области, стили мышления и идеологии. Многие из них несопоставимы друг с другом. При рассмотрении социологического дискурса национализма наиболее обоснованным представляется использование подхода, предложенного Г. С. Батыгиным⁶, с выявлением доминирующих стилей или типов рассуждений.

Тип социологического дискурса, представленный в философско-публицистических и научных трудах российских мыслителей классическими социальными доктринами, предлагает различное толкование исторического процесса и развития общества как целого через призму национализма.

Так, Н. А. Бердяев, рассуждая об этом явлении, отмечает: «...национализм есть, прежде всего, явление эмоциональное, и никакие интеллектуальные аргументы в споре с национализмом не имеют силы»⁷. Современник Н. А. Бердяева С. Н. Булгаков в статье «Размышления о национальности», отмечая «предосудительность» национализма и «обязательность» патриотизма, тем не менее, выделяет особый тип национализма, который он называет «здоровый национализм»⁸. Этот национализм необходим в мировой войне, где слабый падает и выбивается из строя. Поэтому национальный эгоизм, чувство национально-государственного самосохранения становится в это время руководящей силой политики, превращается в национальную добродетель⁹. Родство этих качеств – национализма и патриотизма – дает возможность перерастания одного в другое. С одной стороны, греховно не любить свой народ, не дорожить своим языком, культурой, историей своей нации. Однако эта любовь не должна быть «самоутверждающейся в ограниченности своей, которая оборачивалась бы враждой или презрительностью к другим народам»¹⁰.

Позитивная оценка национализма присутствует во взглядах И. А. Ильина: широко распространенная негативная окраска слов «националист», «национализм» вытекают не из сути этих понятий, а из злоупотребления ими... «Достоинство национализма в том, что он не отгораживает нас от других народов, напротив, открывает человеку глаза и на национальное своеобразие других народов; он учит не презирать другие народы, а чтить их национальные чувства...»¹¹

Дополняет первый тип социологического дискурса тип дискурса, представленный через социальные обследования, цель которых заключает-

ся в сборе и систематизации сведений о состоянии общественной жизни. Значимой иллюстрацией является сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», который был издан в Софии в 1921 г. и переиздан в современной России¹². Экономист и географ П. Н. Савицкий, лингвист и этнограф Н. С. Трубецкой, философ и богослов Г. В. Флоровский, искусствовед П. П. Сувчинский дали оригинальную трактовку национализма, содержащую в себе прообраз того, что на современном языке обозначается как гражданский национализм.

В Советской России долгое время лидирующим влиянием пользовалась теория национального вопроса В. И. Ленина, в которой говорилось о необходимости стирания различий между нациями, их слияния. Интересным красноречивым свидетельством тому, что эта теория была принята как указание к действию, являются документы информационного отдела ОГПУ 1920-х гг.¹³. Социальные обследования в этом случае (сбор и систематизация сведений о состоянии общественной жизни) завершались репрессиями. К примеру, с 1926 г. в СССР была развернута широкомасштабная кампания по борьбе с антисемитизмом. Информационный отдел ОГПУ на основе социальных обследований составлял аналитические документы, которые становились основой резолюций с грифом «Хранить строго секретно, перепечатка и разглашение воспрещаются»¹⁴.

Итак, подводя итог, скажем, что типы социологического дискурса имеют принципиально значимые с точки зрения изучения социологических идей методологические особенности. Общей чертой социальных доктрин, т. е. первого и на уровне обобщений второго типов дискурса, является их мировоззренческая установка. Ядром доктрины выступают идеи высшего порядка. Социальные доктрины пронизаны глубоко личностным началом. Следующая характерная черта социальных доктрин – стремление к улучшению социальной ситуации.

Таким образом, в большей части публицистических и научных работ русских (в случае с идеями В. И. Ленина – советских) мыслителей разворачивается своеобразный способ трактования и объяснения социальной реальности, который

при детальном рассмотрении практически полностью соответствует «идеальному типу» социологического доктринального дискурса, имеющего ярко выраженные теоретические характеристики российской социологической науки, обладающие такими дискурсивными характеристиками, как адресованность, стилистическое авторское своеобразие, набор концептов и пропозиций, целостная связанность. Характеристики, концептуализирующие понимание социологического дискурса национализма с выходом в практическую плоскость, демонстрируют совокупность тематически соотнесенных текстов в сочетании с социокультурными и политическими факторами формирования и производства дискурса.

Примечания

- 1 См.: Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28, № 1. P. 1–30.
- 2 См.: Комина Н. А. Анализ дискурса в интеракционной социолингвистике // Лингв. вестн. 1999. Вып. 1. С. 52–59.
- 3 Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. (Оценка. Событие. Факт). М., 1988. С. 136.
- 4 Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 8.
- 5 Маркова Ю. В. Социальная и смысловая структура современного российского социологического дискурса : дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. С. 8.
- 6 См.: Батыгин Г. С. Социальные науки в постсоветской России. М., 2005.
- 7 Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 367.
- 8 Булгаков С. Н. Размышления о национальности // Булгаков С. Н. Соч. : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 446.
- 9 Там же. С. 450.
- 10 Булгаков С. Н. Нация и человечество // Булгаков С. Н. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 647.
- 11 Ильин И. А. О русском национализме. М., 2007. С. 38.
- 12 См.: Исход к Востоку. Философия Евразийства / под ред. О. С. Широкова. М., 2008.
- 13 См.: Неизвестная Россия. XX век : Архивы. Письма. Мемуары. М., 1993.
- 14 ГАРФ. Ф. 371. Оп. 6. Д. 1096. Л. 98.

Образец для цитирования:

Никифоров Я. А., Романовская О. А. Концепт «национализм» в социологическом дискурсе // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 400–402. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-400-402>

Cite this article as:

Nikiforov Ya. A., Romanovskaia O. A. The Concept “Nationalism” in the Sociological Discourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 400–402 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-400-402>

УДК 316.334.3

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (на примере Саратовской области)

Е. Е. Немерюк, О. Г. Антонова

Немерюк Евгения Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии коммуникаций и управления на базе администрации Энгельсского муниципального района, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

Антонова Ольга Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ogantanova@rambler.ru

В статье рассматриваются состояние и специфика реализации социальной политики на примере Саратовской области. Обращается внимание на то, что социальная политика, основными целями которой являются обеспечение благополучия и всестороннее развитие граждан и общества в целом, выступает одним из ключевых направлений деятельности как государственных органов власти, так и органов местного самоуправления и реализуется через государственные решения, социальные мероприятия и программы.

Ключевые слова: социальная политика, социальная помощь, социальная защита, социальная поддержка, прожиточный минимум, льготы.

Social Policy Implementation at the Regional Level (The Study of Saratov Region)

Е. Е. Nemeryuk, O. G. Antonova

Evgeniya E. Nemeryuk, <https://orcid.org/0000-0002-0866-2661>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, evgeniya_nemeryuk@mail.ru

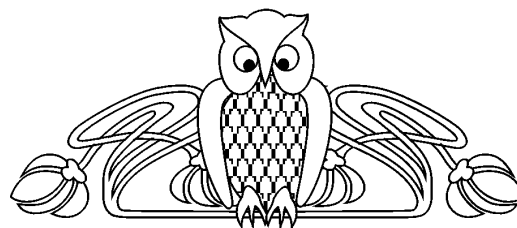
Olga G. Antonova, <https://orcid.org/0000-0003-1360-1684>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ogantanova@rambler.ru

The article examines the state and specifics of the implementation of social policy by studying Saratov region. Social policy, aiming mainly at ensuring well-being and all-round development of individuals and society, as a whole, presents itself as one of the key activity directions of both the state administration and local governments. This policy is implemented by state-made decisions, social events and programs.

Keywords: social policy, social assistance, social protection, social support, subsistence minimum, benefits.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-403-408>

В условиях реформирования российского общества важнейшим направлением деятельности государства, общественных объединений и организаций является осуществление социальной по-

литики по разрешению социостратификационных противоречий, повышению эффективности политической и экономической системы, ее отдельных звеньев, реализации социальной защиты наименее обеспеченных слоев населения, оказанию им помощи и поддержки. Наличие целого ряда относительно самостоятельных субъектов и носителей социальной политики не только расширяет гамму социальных услуг на основе их взаимодополнения, но и обеспечивает большую гибкость и мобильность социальной политики, позволяет более оперативно реагировать на изменение социально-экономической ситуации в стране.

Основная задача государства в сфере социальной политики – адресная помощь самым малоимущим гражданам, их финансовая поддержка. В каждом регионе Российской Федерации власти принимают определенные меры, чтобы помочь наиболее нуждающейся категории населения. Социальная политика и соцзащита Саратовской области также имеют свои региональные особенности.

Для оценки уровня жизни населения и оказания адресной социальной помощи малоимущим гражданам в соответствии с Федеральным законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» применяется величина прожиточного минимума в субъектах Российской Федерации. В четвертом квартале 2017 г. прожиточный минимум на душу населения в Саратовской области уменьшился на 528 руб. и составил 8222 руб. При этом прожиточный минимум трудоспособного населения снизился за квартал на 568 руб., составив 8834 руб., пенсионеров – 6793 (минус 413 руб.), детей – 8424 (минус 579 руб.)¹.

Для реализации социальной политики на территории Саратовской области функционирует сеть учреждений, включающая в себя 95 учреждений: 4 территориальных органа областного министерства социального развития, 4 управления социальной поддержки населения, 22 стационарных учреждения для престарелых и инвалидов, 15 учреждений реабилитации и социальной адаптации инвалидов, 7 центров социальной помощи семье и детям «Семья», 4 комплексных центра социального обслуживания населения, 3 социально-реабилитационных центра для несовершеннолетних, 35 центров социальной защиты населения, центр социально-трудовой реабилитации для лиц без определенного места жительства.

В качестве основных нормативных актов,

регулирующих предоставление льгот на территории Саратовской области, необходимо указать следующие: Закон Саратовской области «Об установлении ежемесячной компенсации расходов по уплате взноса на капитальный ремонт отдельным категориям граждан, проживающих в Саратовской области» от 24 декабря 2015 г. № 178-ЗСО; Закон Саратовской области «Об установлении порядка и условий компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг отдельным категориям граждан, проживающих в Саратовской области» от 24 сентября 2015 г. № 111-ЗСО; Закон Саратовской области «Об установлении дополнительной меры социальной поддержки инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, по оплате жилого помещения в Саратовской области» от 24 сентября 2015 г. № 108-ЗСО; Закон Саратовской области «О мерах социальной поддержки по обеспечению жилыми помещениями ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» от 2 июля 2009 г. № 85-ЗСО; Закон «О региональном материнском (семейном) капитале в Саратовской области» от 28 декабря 2011 г. № 212-ЗСО; Постановление Правительства Саратовской области «О социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 19 января 2005 г. № 20-П (с изм. на 25 декабря 2017 г.); Закон Саратовской области «Об установлении дополнительной меры социальной поддержки участников Великой Отечественной войны, инвалидов Великой Отечественной войны и инвалидов боевых действий, а также приравненных к ним граждан, проживающих в Саратовской области» от 24 сентября 2015 г. № 105-ЗСО².

Социальная защита Саратовской области предлагает людям с ограниченными возможностями воспользоваться следующими видами соцподдержки: выплаты для улучшения размера жилого помещения; ежемесячная компенсация расходов на оплату коммунальных услуг; длительность рабочей недели не более 35 часов; бесплатное медицинское обслуживание; услуга соцтакси для поездок по городу; первоочередное трудоустройство; обеспечение средствами реабилитации; право на бесплатное обучение.

Люди с ограниченными возможностями получают право на социальную пенсию, размер которой устанавливается на региональном уровне. Работающие инвалиды имеют право на один месяц оплачиваемого отпуска и два месяца неоплачиваемого. Устанавливаются квоты по приему на работу лиц с ограниченными возможностями. В регионе действуют две организации, оказывающие помощь в реабилитации лиц с ограниченными возможностями жителям Саратовской области: ГАОУ «Центр по обучению и реабилитации инвалидов»; ГАУ СО «Центр адаптации и реабилитации инвалидов». Порядок представления льгот и гарантий для инвалидов

регулируют Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.07.2018), Закон Саратовской области «Об установлении квоты для приема на работу инвалидов» от 28.02.2005 № 20-ЗСО (с изм. на 02.03.2017).

Такие категории граждан, как участники Великой Отечественной войны, ветераны труда и военной службы, участники боевых действий и локальных вооруженных конфликтов, работники тыла, получают статус ветерана.

Ветераны имеют право на ряд льгот: возмещение расходов на протезирование зубов в государственных клиниках; бесплатное и внеочередное обслуживание в медучреждениях области; первоочередное право на вступление в жилищно-кооперативы и садоводческие товарищества; оплата тарифов услуг ЖКХ в половинном размере; приоритетное право при оформлении в интернаты для престарелых.

Ветераны труда ежемесячно получают выплату 400 руб., а труженики тыла – 500 руб. Ветераны боевых действий имеют возможность улучшить свои жилищные условия за счет государства. Порядок представления льгот и гарантий для ветеранов регулируют Федеральный закон «О ветеранах» от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ (с изм. и доп. от 29 июля 2018 г.), Закон Саратовской области «О ветеранах труда Саратовской области» от 9 ноября 2007 г. № 241-ЗСО.

В отношении пенсионеров депутаты Саратовской областной думы решили повысить прожиточный минимум. На 2018 г. его величина составила 7990 руб. Эта цифра сформировалась, исходя из роста потребительских цен на продукты питания (103,6%), непродовольственные товары (103,9%) и услуги (104,5%). По сравнению с 2017 г. прожиточный минимум вырос на 3,75% (290 руб.) (в среднем по России на 2,2%, с 8540 до 8726 руб.). Неработающим пенсионерам осуществляется доплата, чтобы «дотянуть» до суммы в 7990 руб.³

Размер средней пенсии для жителей Саратовской области в 2018 г. составляет 13 096,64 руб., размер социальной пенсии – 7863 руб. Размеры выплат повышаются только для тех пенсионеров, которые трудовую деятельность не осуществляют. Страховые пенсии, а также фиксированная выплата к ней увеличились с января 2018 г.

Вышедшим на заслуженный отдых по старости полагаются следующие привилегии: льготный проезд на городском общественном транспорте; освобождение от уплаты налога на имущество; льготы по земельному налогу; вычеты при покупке жилья. Помимо этого, родственники пенсионеров, занятые организацией похорон, получают право на компенсацию расходов.

В каждом регионе страны есть собственное правительство, наделенное функциями создавать и внедрять местные законодательные акты. Такая необходимость обусловлена тем, что все субъек-

ты Федерации имеют разные бюджеты и проблемы. Соответственно, и меры социального содействия, необходимые для поддержания пожилых людей и других льготных категорий граждан, будут различными. Кроме действующих федеральных законов и НПА, в отношении пенсионеров в Саратовской области предусмотрено несколько местных законодательных актов. Они регулируют предоставление материальной и социальной помощи пожилым людям.

Льготы пенсионерам в Саратовской области в 2018 г. можно условно разделить на несколько видов: во-первых, привилегии и послабления в сфере налогообложения – пенсионеры имеют право не платить некоторые обязательные налоговые сборы, получать налоговый вычет (для работающих), а также освобождение отдельных доходов от уплаты НДФЛ; во-вторых, адресная материальная и нематериальная помощь; в-третьих, медицинское обслуживание по льготным тарифам и получение бесплатных путевок в места лечения и отдыха; в-четвертых, помощь при установке или замене индивидуальных приборов учета в собственном жилье; и, наконец, в-пятых, льготы в сфере ЖКХ.

В 2018 г. для пенсионеров Саратовской области предусмотрены и другие виды льгот. Саратовские пенсионеры также могут бесплатно получать: медицинское обслуживание в установленных законодательством границах (регулярная диспансеризация и т. д.); социальную доплату к пенсии, если ее размер меньше установленного регионального минимума.

Кроме стандартных пенсионных привилегий, необходимо рассмотреть и те, которые предоставляются гражданам, перешагнувшим 80-летний рубеж: бесплатное медицинское и социальное обслуживание по месту жительства; предоставление муниципальной жилплощади, соответствующей всем санитарно-техническим нормам и требованиям безопасности (в случае, если пожилой человек проживает в аварийном жилье); предоставление продуктовых наборов, помощь социальных работников в приобретении продуктов, необходимых медикаментов, оплате коммунальных услуг, по дому; возможность привлечения помощника со стороны или из числа родственников за определенную плату из муниципального бюджета; помощь при проведении газификации частного дома, установке или замене газового счетчика.

С 1 декабря 2017 г. в Саратове был запущен совместный проект Союза пенсионеров России и Пенсионного фонда «Университет третьего возраста». Цель проекта – повышение качества жизни пенсионеров и активизация участия граждан старшего поколения в общественной жизни⁴.

Льготы гражданам, пострадавшим в результате аварии на ЧАЭС, устанавливает Закон РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы

на Чернобыльской АЭС» от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 29.07.2018). Ежемесячная денежная выплата с 1 февраля 2017 г. составила 2022 руб. 94 коп. Выплата для граждан, ставших инвалидами в результате аварии, полагается 2527,06 руб. Пенсии чернобыльцам с инвалидностью 1-й и 2-й группы – 12 399,66 руб., при инвалидности 3-й группы – 6199,81 руб. Ежегодно размер перечислений повышается.

Основные льготы для чернобыльцев: возможность улучшить жилищные условия; 50%-ная компенсация на оплату коммунальных услуг; льготы по оплате подоходного и транспортного налога; обслуживание в аптеках вне очереди; предоставление мест в домах престарелых; трудоустройство без очереди при переезде на новое место жительства; скидка на приобретение топлива; ежемесячная компенсация инвалидам за вред, причиненный здоровью; выплаты по нетрудоспособности; компенсации за имущественные объекты и неудобства, связанные с переездом. Помимо этого, льготы предоставляются нетрудоспособным иждивенцам чернобыльцев. Все льготы можно получить после оформления удостоверения чернобыльца.

Постановление Правительства Саратовской области от 1 апреля 2010 г. № 104-п «О мерах социальной поддержки доноров, безвозмездно сдавших кровь и (или) ее компоненты» устанавливает следующие размеры единовременных денежных компенсационных выплат (вознаграждения): донорам после сдачи крови и ее компонентов – 230 руб. Донорам, сдающим кровь и ее компоненты более трех раз в год: донорам крови – в размере 25 руб. за 100 мл сданной крови; донорам плазмы – в размере 50 руб. за 100 мл сданной плазмы; донорам иммунной плазмы в размере 70 руб. за 100 мл сданной плазмы; донорам клеток крови – в размере 130 руб. за дозу.

Перечень льгот определяет Федеральный закон «О донорстве крови и ее компонентов» от 20.07.2012 № 125-ФЗ (ред. от 07.03.2018). За счет средств федерального бюджета положены следующие льготы донорам: дополнительные дни отдыха; ежегодные выплаты; санаторные путевки для граждан, сдавших кровь более двух максимальных доз в год. Можно получить звание «Почетный донор», если кровь сдать бесплатно более 40 раз.

Основные льготы для почетных доноров: бесплатное оздоровление в государственных лечебных учреждениях; ежегодный отдых в любое удобное время года; выплата компенсаций; выплата путевок в санатории.

Социальная помощь оказывается и жертвам политических репрессий. К жертвам политических репрессий относятся граждане, которые подверглись преследованиям по политическим мотивам и находились в местах лишения свободы. Порядок предоставления социальной помощи жертвам политических репрессий регу-

лируется Законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 № 1761-1 (ред. от 07.03.2018).

Жертвам политических репрессий предоставляется восемь основных видов льгот: денежная компенсация в размере 75 руб. за каждый день лишения свободы, но не более 10 тыс. руб. – наследники могут получить эту выплату, если пособие было начислено, но так и не было получено их родственниками по причине смерти; первоочередное предоставление путевок на санаторно-курортное лечение; бесплатное медицинское обслуживание; бесплатное предоставление автомобиля; льготный проезд; возмещение стоимости изъятого имущества; погребение за счет государства; в случае если имущество сохранилось, оно возвращается вместо предоставления денежной выплаты⁵.

Из бюджета Саратовской области в 2018–2020 гг. около 70% расходов будут направлять в социальную сферу. В 2018 г. на 21%, т. е. на 497,5 млн руб., выросли дотации местным бюджетам. Большую часть средств, которые шли на развитие национальной экономики, направили на дорожное хозяйство (64,6%). Объем дорожного фонда составил не меньше 6,5 млрд руб., в 2019 г. он увеличится до 7,4 млрд, а к 2020 достигнет 10 млрд руб. Общий объем доходов на 2018 г. запланирован в сумме 77,71 млрд руб., в 2019 г. – 79,836 млрд руб., а в 2020 – 85,552 млрд руб. Расходная часть на 2018 г. составила 77,710 млрд руб., на 2019 г. планируется 78,654 млрд, на 2020 – 83,189 млрд⁶.

Согласно законопроекту о бюджете регионального Фонда ОМС, в 2018 г. доходы и расходы фонда составили 26,7 млрд руб., в 2019 г. составят 27,7 млрд руб., в 2020 г. – 28,8 млрд руб. Доходная часть бюджета фонда в 2018 г. по сравнению с 2017 г. выросла на 4,3 млрд руб., или на 19%.

Средства из бюджета фонда пойдут на повышение зарплаты медиков. С 1 января 2018 г. зарплата врачей выросла и составила 200% от среднерегionalной, представители среднего и младшего медперсонала получают 100% от средней зарплаты по региону.

Был одобрен проект закона о региональном материнском (семейном) капитале, в котором предлагается предусмотреть возможность использования выплат маткапитала для погашения ипотеки, оформленной не только на заявительницу, но и на ее мужа⁷.

С 1 января 2018 г. за счет средств федерального бюджета введена новая ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка до достижения им возраста полутора лет. Право на нее имеют граждане Российской Федерации, родившие (усыновившие) первого ребенка после 31 декабря 2017 г. Новая мера социальной поддержки введена по инициативе Президента РФ и осуществляется в соответствии

с Федеральным законом «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ. Выплата является адресной. В 2018 г. в Саратовской области ею могут воспользоваться семьи, среднедушевой доход которых за последние 12 календарных месяцев не превышает 14 371,50 руб. Размер выплаты в области в 2018 г. составляет 9159 руб. в месяц. За назначением новой выплаты гражданам необходимо обращаться в органы социальной защиты населения по месту жительства или в многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ).

По данным на 3 апреля 2018 г., 644 женщины подали документы в органы социальной защиты населения для назначения ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка, 618 женщинам данная денежная выплата уже назначена и выплачивается⁸.

18 января 2018 г. в Москве прошло Всероссийское совещание Совета отцов при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка. В настоящее время такие советы уже созданы во многих субъектах Российской Федерации. Мероприятие объединило инициативы более 60 регионов страны, презентовавших свой успешный опыт работы таких объединений. Саратовскую область представили глава Аткарского района, председатель Совета отцов Виктор Елин, председатель Саратовского регионального Совета отцов Николай Фетисов и председатель Совета отцов и дедов Озерного МО Аткарского района Виктор Собынин. Двое делегатов от региона – Виктор Елин и Николай Фетисов – были избраны в исполнительный комитет Совета отцов при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка.

Федеральный Совет отцов позволит объединить общие усилия для решения важных социальных значимых вопросов по защите семейных ценностей, укреплению престижа отцовства, формированию у молодежи ответственного отношения к семье и детям. В нынешний год – Год добровольца (волонтера) – такая работа на общественных началах крайне актуальна⁹.

22–23 июня 2017 г. в Саратове на базе Саратовской государственной юридической академии прошел межрегиональный форум «Социальная защита, социальное обслуживание – XXI век. Новый вектор развития». Мероприятие, участие в котором приняли представители социальных служб пяти регионов России, а также руководители и специалисты соцучреждений Саратовской области, организовано министерством социального развития области с целью обмена опытом в реализации оказания социальных услуг населению. Были обсуждены вопросы организации работы по созданию Единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО), в которой будут собраны данные обо всех мерах социальной поддержки,

гарантиях, выплатах и компенсациях, которые государство предоставляет гражданам. Оператором этой системы является Пенсионный фонд России. Все остальные ведомства, в том числе Министерство социального развития Саратовской области – поставщики информации для этой базы.

Единая система создается с целью усовершенствовать учет прав граждан на социальное обеспечение, обеспечить оказание социальной помощи именно тем лицам, которые в ней нуждаются. ЕГИССО позволит оптимизировать предоставление отдельных мер социальной поддержки, учитывая уровень доходов и материального положения гражданина.

Одним из важных пунктов внедрения ЕГИССО является повышение уровня информированности граждан о своих правах на социальное обеспечение. Сейчас, чтобы получить различные льготы, гражданину необходимо обратиться с заявлением в соответствующий государственный орган. Но многие жители не знают, что им положены различные пособия. Введение ЕГИССО позволит гражданам через личный кабинет на портале госуслуг узнавать информацию об имеющихся у них правах на социальную выплату.

Информационная система будет содержать полную информацию о лице, имеющем право на меры социальной поддержки: ФИО, пол, дата рождения, место рождения, сведения о гражданстве, данные паспорта и свидетельства о рождении, адрес места жительства, СНИЛС, контактный телефон, сведения о периодах трудовой деятельности, сведения о сумме назначенной пенсии; сведения о мерах социальной защиты, осуществляемых за счет средств федерального бюджета; сведения о мерах социальной защиты, предоставляемых в соответствии с нормативными правовыми актами субъектов РФ, муниципальными нормативными правовыми актами за счет средств бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов; сведения об организациях, предоставляющих меры социальной защиты.

Постепенно к системе будут подключены уже существующие на федеральном и региональном уровне регистры и базы данных, а также внесены сведения обо всех нормативных актах, на основании которых оказывается социальная поддержка, обо всех организациях, которые осуществляют эту деятельность.

В разных регионах насчитывается от 70 до 400 различных мер социальной поддержки, которые предоставляются в натуральной и денежной форме и распределяются по десяткам и сотням категорий граждан. Только Пенсионный фонд, помимо выплаты пенсии, осуществляет выплаты порядка 40 видов федеральных пособий. Объединение регистров и баз данных ведомств, оказывающих гражданам меры социальной поддержки, созданных на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, позволит повысить

прозрачность системы социального обслуживания как для государства, так и для граждан.

В рамках внедрения ЕГИССО предусмотрена стандартизация и унификация всех видов социальной поддержки, для чего Министерством труда и социальной защиты РФ создан Классификатор видов социальной поддержки и категорий лиц, которым она оказывается. В классификаторе будут учтены все категории льгот, как федеральных, так и региональных.

В настоящее время в регионе создана рабочая группа по внедрению ЕГИССО, которую возглавил заместитель председателя регионального правительства Иван Кузьмин. С 1 января 2018 г. ЕГИССО введена в эксплуатацию¹⁰.

Таким образом, процесс демократизации современного российского общества, становление социального государства, российской федеративной государственности, экономическая и, в особенности, известная политическая самостоятельность регионов создают качественно новые условия, с одной стороны, для оказания эффективного воздействия на разработку и реализацию государственной социальной политики на федеральном уровне, а с другой стороны, для разработки и реализации социальной политики самих регионов. Усиление адресности и установление критерия нуждаемости при оказании социальной помощи отвечает современным запросам общества и способствует реализации сбалансированной социальной политики. В Саратовской области наработан успешный опыт в сфере социальной защиты населения. Внедряются новые формы обслуживания пожилых людей, замещающие пребывание в стационарах. Появляются такие проекты, как «Университет третьего возраста». За последние годы удалось создать полноценную сеть учреждений по социальной и медицинской реабилитации инвалидов, которая позволяет сопровождать человека на всех этапах его жизни. При активном внедрении принципов адресности и нуждаемости возможно сохранение всего объема мер соцподдержки.

Примечания

¹ См.: В Саратовской области жить стало лучше и веселее. URL: <http://pfo.svpressa.ru/economy/news/9791/> (дата обращения: 15.03.2018).

² См.: Социальная защита и поддержка в Саратове и Саратовской области в 2018 году. URL: <http://lgoty-vsem.ru/regiony/saratovskaya-oblast/socialnaya-pomoshch-v-saratove.html> (дата обращения: 24.03.2018).

³ См.: Прожиточный минимум для пенсионеров в регионе увеличат до 7990 рублей // Общественное мнение. URL: <https://om-saratov.ru/economy/18-october-2017-i54059-projitochnyi-minimum-dlya-p> (дата обращения: 18.03.2018).

⁴ См.: Пенсионный фонд Российской Федерации. От-

- деление по Саратовской области : [сайт]. URL: <http://www.pfrf.ru/branches/saratov/news~2017/06/23/138032> (дата обращения 05.04.2018).
- ⁵ См.: Социальная защита и поддержка в Саратове и Саратовской области в 2018 году.
- ⁶ См.: 70% бюджета Саратовской области направят на социальную сферу. URL: <http://www.4vsar.ru/news/96367.html> (дата обращения: 23.03.2018).
- ⁷ См.: Заседание комитета облдумы по соцполитике провели за 15 минут. URL: <http://saratov.bezformata.ru/listnews/zasedanie-komiteta-obldumi-po-sotcpolitike/62603172/> (дата обращения: 26.03.2018).
- ⁸ См.: Министерство социального развития Саратовской области : [сайт]. URL: http://www.social.saratov.gov.ru/index.php?ELEMENT_ID=39199 (дата обращения: 05.04.2018).
- ⁹ См.: Саратовчан избрали в исполнительный комитет федерального Совета отцов // Правительство Саратовской области. Министерство социального развития : [сайт]. URL: http://www.social.saratov.gov.ru/news/social.php?ELEMENT_ID=38164&sphrase_id=170019 (дата обращения: 07.02.2018).
- ¹⁰ См.: Пенсионный фонд Российской Федерации. Отделение по Саратовской области : [сайт].

Образец для цитирования:

Немерюк Е. Е., Антонова О. Г. Реализация социальной политики на региональном уровне (на примере Саратовской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 403–408. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-403-408>

Cite this article as:

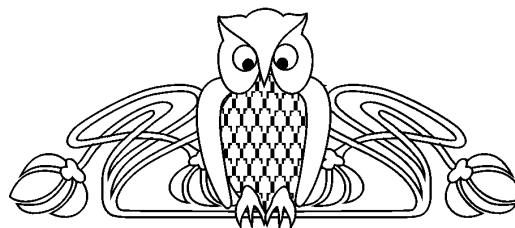
Nemeryuk E. E., Antonova O. G. Social Policy Implementation at the Regional Level (The Study of Saratov Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 403–408 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-403-408>.

УДК 316.752

МОДЕЛЬНЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ СОЦИАЛЬНО-ЦЕННОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

С. В. Ситникова, Н. В. Шахматова, М. Э. Елютина

Ситникова Светлана Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, skareva@yandex.ru

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nadezhdashakhmatova@yandex.ru

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, elutina133@mail.ru

В статье представлено описание пятиуровневой модели (алгоритма) изучения социально-ценностного потенциала повседневных практик. Определены дискурсивные рамки формирования исследовательской модели, выделены и охарактеризованы исследовательские стратегии. Расписаны основные базовые теоретико-методологические подходы для формирования исследовательской модели. Детализированы исследовательские стратегии на аналитическом, инструментально-целевом, модальном структурном и процессуальном уровнях. Обоснована эффективность применения данного алгоритма в современной социологической теории и практике.

Ключевые слова: ценность, повседневные практики, социально-ценностный потенциал.

Model-Based Approach in the Sociological Analysis of Social and Value Everyday Practices Potential

S. V. Sitnikova, N. V. Shahmatova, M. E. Elutina

Svetlana V. Sitnikova, <https://orcid.org/0000-0003-2365-8780>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, skareva@yandex.ru

Nadezhda V. Shakhmatova, <https://orcid.org/0000-0003-2413-1534>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, nadezhdashakhmatova@yandex.ru

Marina E. Elutina, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, elutina133@mail.ru

The article presents a five-level model (algorithm) of the study of social and value everyday practices potential. The discursive frameworks of the research model formation are defined, research strategies are identified and characterized. The basic theoretical and methodologi-

cal approaches to the research model formation are described. The research strategies at the analytical, instrumental-objective, modal, structural and procedural levels are worked out in detail. This algorithm application efficiency in contemporary sociological theory and practice is substantiated.

Key words: value, everyday practices, social and value potential.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-409-412>

Социальные ценности, скрытые в сознании человека, как концентрат культурных ориентиров определяют поведение человека в повседневности. Социальное действие как элемент поведения представляет единство подсистем – субъекта действия, ситуации и ценностно-нормативных предписаний, формирует самоорганизующийся нормативный комплекс, изучать который необходимо для понимания сути фундаментальных форм, определяющих жизнь современного человека. Эта идея вполне отвечает логике анализа феномена социально-ценностного потенциала повседневных практик на теоретико-эмпирическом уровне. Социологические исследования социальных ценностей в России уже имеют достаточно длительную традицию, в которой находили отражение многие западные классические теории и подходы. Любой исследовательский процесс базируется на выработанных теоретических моделях, как измерительных, интерпретационных, так и аналитических.

Под социально-ценностным потенциалом повседневных практик в данном контексте мы понимаем концентрацию внутренних духовных потребностей личности, которые осознаются как важные в жизни позиции, качества или объекты, в разной степени используемые в повседневных практиках для достижения или сохранения желаемых состояний. Фокус нашего исследовательского интереса сосредоточен на модельном сценарии его изучения, основанием которого выступают структурно-функциональный и пространственный анализ, позволяющие представить ценностный потенциал и ценностное пространство в качестве системы взаимодействующих элементов (подсистем). Структурно-функциональный подход позволяет раскрыть особенности иерархий, структур и содержание как подсистем в отдельности, так и всей системы в целом. Теория социальной статики и динамики О. Конта¹ дает возможность фиксировать устойчивые и изменяющиеся структуры в системе ценностей, рассмотреть возможности сохранения формы при трансформации содержания кон-

кредитной ценности в массовом сознании. Существенными для построения модели понимания ценностей стали взгляды античных философов (Платон², Аристотель³), понимающих ценность как всеобщее благо, транслируемое через значимость для большинства. Именно поэтому завершающим показателем в эмпирической модели стало ценностно-ориентационное единство.

Исследовательские позиции и идеи Т. Парсонса⁴, П. Сорокина⁵, в которых социокультурные ценности выступают подсистемой социальной системы и выполняют функцию воспроизводства социокультурных образцов, также были учтены при построении теоретико-эмпирической модели. Понимание ценности через призму значимости (М. Хайдеггер)⁶ формирует первый уровень измерения в исследовательской конструкции. В попытке синтезировать материалистическое и идеалистическое представление о ценностях, необходимо обратиться к трудам отечественных социологов, в частности, работкам В. П. Тугаринова⁷, В. А. Ядова⁸. Их понимание ценности через связь потребностей, интересов и целей дает широкие возможности на этапе не только измерения, но и интерпретации социальных явлений. Идеи А. Маслоу⁹ о взаимной корреляции ценностей и потребностей легли в основу логической схемы «потребность – ориентация – действие» в измерительной модели.

Взгляды Дж. Роттера¹⁰ о целенаправленности действий на удовлетворение потребности стали значимым компонентом исследовательской модели. Контекст повседневных практик потребовал пристального внимания к социологии повседневности (Э. Гуссерль, А. Шюц, И. Гофман, Г. Гарфинкель)¹¹. Интерпретативные возможности их языка были использованы в рассуждениях о соотношении, соответствии реального повседневного действия с декларируемыми смыслами. Авторская исследовательская модель объединяет идеи М. Вебера¹² о необходимости рассматривать действие с точки зрения трансцендентного смысла с идеями Э. Гуссерля и А. Шюца о чистой социальной реальности «здесь и сейчас», хотя на первый взгляд они кажутся диаметрально противоположными. Однако поиск соответствий и противоречий смысла повседневной реальности и самой реальности открывает, на наш взгляд, новые проблемные фокусы. В определении понятия ценностного пространства методологическое преимущество имели субстанциональный (О. Шпенглер¹³, П. Сорокин¹⁴) и структурный (М. Вебер, Р. Мертон, Т. Парсонс) концепты. С точки зрения статики пространство можно рассматривать как системное устойчивое образование, а с точки зрения динамики – как изменение ее структур. Эти подходы позволили максимально формализовать объект исследования в измерительных методиках.

Итак, представим содержание пятиуровневой модели анализа социально-ценностного по-

тенциала повседневных практик россиян.

Аналитический уровень включает анализ семантического содержания, который дает возможность выстроить линейку последовательности рассмотрения: от индивидуальной значимости ценности к ценностно-ориентационному единству. На этом уровне решаются два кластера исследовательских задач: выявление содержательного наполнения понятия социально-ценностного потенциала и сравнительный анализ индивидуального содержания с объективными показателями реализации ценности в реальных практиках.

Результат – схема опорных констант ценностной сферы, без учета которых, на наш взгляд, невозможно понимание сущности и направлений трансформации социально-ценностного потенциала повседневных практик современных россиян. В контексте субъективной значимости необходимо выявление наиболее приоритетных ценностей. Предпочтение отдано слабоформализованным или неформализованным методам сбора информации, т. е. качественной стратегии.

Значимость как особое качество объекта определяем через меру индивидуальной жизненной необходимости и потребности. Идеи Г. Лотце полностью обосновывают наш подход в решении задач первого кластера. С точки зрения существования ценности ее бытие может быть исчерпано значимостью. Обобщение индивидуальных оценок значимости позволит определить границы содержания социально-ценностного потенциала повседневных практик современных россиян.

Не менее важным представляется выявление направления ценностных ориентаций различного типа. Например, если мы изучаем семейные ценности, то речь идет об измерении целей и планов создания семьи, времени, условий, репродуктивных установок, отношения к семейным традициям, формам семьи и брака. Задачи этого кластера должны решаться чаще с помощью формализованных методик.

Ценностные ориентации понимаются нами как элементы внутренней (диспозиционной) структуры личности, сформированные и закрепленные жизненным опытом индивида в ходе процессов социализации и социальной адаптации, отграничивающие значимое (существенное для данного человека) от незначимого (несущественного) через принятие/непринятие личностью определенных ценностей, осознаваемых в качестве рамки (горизонта) предельных смыслов и основополагающих целей жизни, а также определяющие приемлемые средства их реализации. В диспозиционной структуре личности ценностные ориентации образуют высший (как правило, осознаваемый – в отличие от социальных установок) уровень иерархии предрасположенностей к определенному восприятию условий жизнедеятельности, их оценке и поведению как в ак-

туальной (здесь и теперь), так и долгосрочной (прежде всего) перспективе¹⁵.

Следующий шаг – анализ действий-стратегий, т. е. оценка степени реализованности ориентаций различного порядка. К примеру, если речь идет о выявленной доминирующей репродуктивной ориентации на двудетность, необходима оценка статистики изучаемого региона по доле семей с разным количеством детей. Лонгитюдная, чаще количественная, диагностика в наибольшей степени способствует решению задач данного кластера. В качестве теоретического основания анализа действий наиболее отвечающими нашим задачам являются идеи М. Вебера о ценностно-рациональном действии.

Первый аналитический уровень предполагает анализ аргументов. В данном случае речь идет об оценке мотивационных моделей поведения и ориентаций.

Поскольку индивидуальные ценностные ориентиры личности формируются под воздействием выраженных в массовости культурных правил, завершающий кластер первого уровня предполагает задачи определения ценностно-ориентационного единства общества: выявление степени сближения ориентаций, стратегий, сходство позиций, определение основного вектора трансформации. Ценностно-ориентационное единство – моральное и социально-психологическое состояние общественного сознания, когда осознается общность взглядов на основополагающие ценности определенным сообществом. Это идеал, к которому стремится общество и определенной степени которого оно достигает в периоды развития, характеризующиеся сочетанием относительной стабильности и динамичности. Произведено от понятия «ценности», «ценностные ориентации» и предполагает рассмотрение нескольких составляющих: ценностей как основы и объекта стремлений (ориентаций) субъектов, единства как цели и результата стремления определенного сообщества, ориентаций как механизма приближения к цели. В обществе ценностно-ориентационное единство характеризуется следующими признаками: признание населением общих ценностей, согласованность мнений об общем и особенном в восприятии, целостность общественного сознания, общие представления о перспективе, общие ожидания, довольно устойчивая взаимосвязь значительного числа людей в сообществе, в основе которой лежит, с одной стороны, авторитет социальных норм, с другой – чувство ответственности членов перед сообществом¹⁶.

В нашей модели анализа итоговым показателем выступает ценностно-ориентационное единство. Проблема поддержания (достижения) состояния ценностного единства всегда волновала общество. Потребности управляемости, снижения конфликтности, сплоченности общества перед лицом опасности, предсказуемости

действий заставляли мыслителей искать скрепу идейного единства. Ее искали в интересах, ментальности, принципах сосуществования, запретах, ограничивающих несистемную активность, в идеологии или религии, морали или праве, законе, божественном праве и авторитете правителя¹⁷. Высокая степень ценностно-ориентационного единства выступает важным источником интенсификации внутригруппового общения и повышения эффективности совместной деятельности. Ценностно-ориентационное единство не приводит к нивелировке личности в группе, так как не препятствует разнообразию вкусов, интересов, привычек членов группы. Оно не предполагает также обязательного совпадения в понимании способов достижения общих для всех членов группы целей. Ценностно-ориентационное единство предполагает сближение подходов к целям и задачам деятельности, ориентированное на нравственно оправданные ценности. Именно поэтому и характер коммуникаций оказывается следствием единства установок и ценностных ориентаций.

Второй уровень модели – инструментально-целевой. В этом ракурсе осуществляется конкретизация ценностей целевых, т. е. выражающих важнейшие цели, самоценные смыслы жизни людей, и инструментальных, позволяющих достигать те или иные цели.

Третий уровень – модальный. С точки зрения масштабности модальности целесообразен анализ с позиций дифференциации и интеграции. Под интегрирующей ценностью мы понимаем ценность, признаваемую большинством. Ценность единичных, индивидуальных стратегий номинируем как дифференцирующую.

Четвертый уровень – структурный. С точки зрения иерархической структуры необходимо, на наш взгляд, определить ценности центральные, т. е. ядро (группа плацентарных ценностей, доминирующих в общественном сознании и определяющих повседневные практики), и периферийные (не являются смысложизненными и не оказывают существенного влияния на повседневные практики).

Пятый уровень – процессуальный. В этом контексте нами выделены ценности мобилизационные (инициирующие повседневные практики), капсульные (понимаемые и транслируемые как ценности, но не определяющие реальное повседневное поведение) и ситуационные (непосредственно зависящие от контекста), влияющие на поведение человека в зависимости от сложившихся в конкретный период времени социально-экономических, политических и социальных условий.

Представленная модель анализа социально-ценностного потенциала повседневных практик предполагает разноуровневые подходы, выполняющие определенные функции. С точки зрения комплексного анализа наша пятиуровневая мо-

дель позволит избежать фрагментарного представления о социально-ценностном потенциале и учесть разную оптику анализа. Кроме того, модель дает возможность показать структурное единство всех компонентов социально-ценностного потенциала повседневных практик.

Примечания

- ¹ См.: *Конт О.* Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро ; под ред. Э. Л. Радлова. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
- ² См.: *Платон.* Государство / пер. с др.греч. А. Н. Егунова, М. : Академический проект, 2015.
- ³ См.: *Аристотель.* Метафизика. М. : Эксмо, 2006. (Антология мысли).
- ⁴ См.: *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998.
- ⁵ См.: *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика : Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2000.
- ⁶ См.: *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм. Пять главных рубрик в мысли Ницше // Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 63–176.
- ⁷ См.: *Тугаринов В. П.* О ценностях жизни и культуры. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960.
- ⁸ См.: *Ядов В. А.* Идеология как форма духовной деятельности общества. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961.
- ⁹ См.: *Маслоу А.* Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой ; термин. правка В. Данченка. К. : PSYLIB, 2004.
- ¹⁰ См.: *Повякель Н. И.* Теория социального научения (Дж. Роттер). СПб. : Питер, 2005.
- ¹¹ См., например: *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов ; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой ; науч. ред. пер. Г. С. Батыгин, М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.
- ¹² См.: *Вебер М.* Основные социологические понятия. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
- ¹³ См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1993.
- ¹⁴ См.: *Сорокин П.* Указ. соч.
- ¹⁵ См.: Новейший философский словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1341 (дата обращения: 21.09.2015).
- ¹⁶ См.: Социологическая энциклопедия : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 2003. С. 741.
- ¹⁷ Там же.

Образец для цитирования:

Ситникова С. В., Шахматова Н. В., Елютина М. Э. Модельный подход в социологическом анализе социально-ценностного потенциала повседневных практик // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 409–412. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-409-412>

Cite this article as:

Sitnikova S. V., Shahmatova N. V., Elutina M. E. Model-Based Approach in the Sociological Analysis of Social and Value Everyday Practices Potential. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 409–412 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-409-412>

УДК 314.375

ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН

И. А. Бегина, Т. А. Калугина

Бегина Ирина Александровна, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, begininaia@yandex.ru

Калугина Татьяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kaluginaTA@yandex.ru

В статье по результатам социологического исследования, проведенного методом анкетирования, раскрывается структура жизненных ценностей современной сельской женщины. В ней главные место занимают здоровье, семья и дети, а наименее важное – религия и развлечения. Поведение личности в сельской местности в большей мере зависит от социального окружения. Обычаи, привычки, традиции, которые являются элементами восприятия старших поколений, оказывают значительное влияние на формирование установок в отношении деторождения. Дети являются основой и важной составляющей функционирования здоровой, полноценной семьи. При сохранении в качестве доминирующей традиционной установки на детство и материнство как базовую терминальную ориентацию усиливается инструментальная ориентация на ребенка как способ удовлетворения иных потребностей (создать или сохранить семью, удержать любимого мужчину, получить материнский капитал и проч.). В то время как в городе семья развивается по пути большей индивидуализации ее членов, на селе также, учитывая социально-экономическую ситуацию в России, прослеживается тенденция в сторону малодетности, что свидетельствует о снижении ценности самих детей. При этом репродуктивные установки приобретают статусную направленность (подтверждение статуса женщины, матери, супруги в глазах близких людей, родственников, окружающих). Это сопровождается снижением ориентации на двух и более детей и повышением ориентации на рождение одного ребенка (малодетность). Можно сказать, что существующий ранее патриархальный стереотип места и роли женщины в социальном пространстве превратился в гендерную установку ответственности за деторождение. Распределение, способы принятия решений о рождении детей и их числе, а также ответственность за наступление беременности уже стали приобретать характер асимметрии, смещенной в сторону женщины.

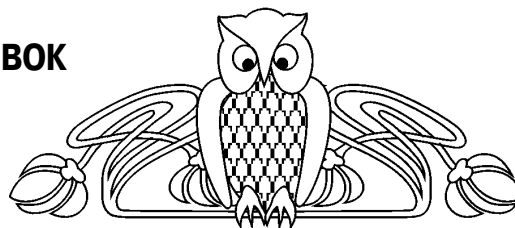
Ключевые слова: сельские женщины, репродуктивная культура, репродуктивные установки, репродуктивное поведение.

The Peculiarities of Rural Women's Reproductive Goals

I. A. Beginina, T. A. Kalugina

Irina A. Beginina <https://orcid.org/0000-0003-3944-5237> Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, begininaia@yandex.ru

Tatiana A. Kalugina <https://orcid.org/0000-0002-8237-3833>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, kaluginaTA@yandex.ru

The article, on the basis of on sociological questionnaire survey, studies the value structure of contemporary rural women. Health, family and children occupy the main place, while religion and entertainment are of the least importance. Personal behavior in the countryside depends on social surroundings to a great extent. Customs, habits, traditions, as older generations' perception elements, influence childbirth attitudes greatly. Children form the basis and important component of healthy and full-fledged family. Dominant traditional precept towards motherhood and childhood still remains, but instrumental orientation for a child as a means of satisfaction other needs (to make or preserve a family, to keep a loved man, get maternal capital, etc.) increases. While in town, family development in the direction of its members increases individualization, rural dwellers, in view of socio-economic situation in Russia, also keep to the line of having less children, which proves children's value reduction. Woman's reproductive percepts acquire status character (confirmation of women's, mother's, spouse's status by relatives and other people). This tendency is accompanied by reducing the orientation for two or more children, and increasing orientation for one child. It can be noted that a former patriarchal stereotype on women's role in social space turned out to be gender percept to towards childbearing. Distribution and decision-making methods on childbearing and their number and responsibility for pregnancy have already become asymmetric, being displaced towards a woman.

Key words: rural women, reproductive culture, reproduction precept, reproductive behavior.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-413-418>

За последние годы в системе ценностей российских женщин и мужчин произошли значительные изменения. Это не могло не отразиться на поведенческих установках в сфере репродукции. Доминирующей осталась моногамная модель семьи, но все более распространились внебрачные и конкубинатные связи. Женщины все чаще используют мужские стратегии жизнедеятельности, отдавая приоритет не семье, а самообразованию, профессиональной карьере. Обществом заданы координаты выведения женщин из пространства частной жизни, что серьезно изменило их ролевые функции и повлияло на репродуктивное поведение.

С давних времен в России консервировались патриархальные взгляды на место и роль женщины в социальном континууме. Женские стратегии предполагали роль хозяйки дома, матери. Традиционно брак и рождение детей были главным и единственным способом утверждения женской статусности. В общественном мнении легитимизация карьеры женщины сопрягалась с неудачами в личной жизни как некоторая социальная компенсация. Роль работницы предпо-

лагала чаще всего второстепенные должности помощницы¹. Эти патриархальные установки, укорененные в сознании населения, передавались от поколения к поколению и были основой определенного типа традиционных семейных отношений, где муж был кормильцем, ответственным за стратегические решения, а жена отвечала за конструирование повседневного быта семьи, рождение, выживание и воспитание детей. Причем чем больше рождается детей, тем больше их выживает, тем выше статус женщины-матери. Отголоски отношений этого типа до сих пор встречаются в сельских семьях. В современном обществе снижение детской смертности, изменение функций семьи, применение контрацепции, усиление внесемейной ориентации женщин на личные достижения и профессиональный успех уменьшают потребность в детях и постепенно приводят к повсеместному распространению модели одно-двухдетной семьи. Одновременно это способствует росту понимания ценности детей.

Для современного репродуктивного поведения населения России характерна установка на малодетность (многодетная семья стала реликтом, большой редкостью). В дореволюционной России рожали в среднем пять–семь детей². Многодетность была важной ценностью, а рождение детей считалось естественным следствием супружеской жизни. Переход в репродуктивных установках от многодетности к малодетности связан с переоценкой ценностей, с изменением жизненных установок семьи. Количество детей перестало иметь важное позитивное экономическое значение. Более того, увеличение периода социализации детей и изменение социальной роли ребенка усилило экономическую зависимость детей от родителей и ослабило репродуктивную мотивацию, прежде всего, экономические и социальные мотивы многодетности. Расширение применения контрацепции, снятие запрета на аборт способствовали переоценке ценностей высокой рождаемости. По этой причине современные россияне рожают исходя из потребности в детях. Однако эта потребность имеет свой естественный диапазон: от нуля до двух детей, чтобы коррелироваться с удовлетворением других потребностей³. Нужно отметить, что установка на малодетность меньше распространяется на представителей национальностей, ориентированных на систему мусульманских ценностей (казахи, узбеки и азербайджанцы). Возможно, здесь прослеживается зависимость социальных установок от вероисповеданий.

В современной России сохраняется дифференциация установок детности у сельского и городского населения⁴. Это объясняется спецификой экономических, социальных и культурных условий жизни города и села. Привлекательность сельского труда значительно ниже, поэтому на селе чаще, чем в городе, женщина трудится только ради заработка, но не в силу профессиональ-

ного интереса, у нее меньше возможностей для продвижения по социальной лестнице⁵, но сильнее заинтересованность в бытовом труде (в рамках подсобного хозяйства). В селе наличие даже небольшого подсобного хозяйства в значительной степени снимает дополнительные расходы на питание каждого последующего ребенка, что способствует усилению ориентации на многодетность (или хотя бы на двухдетность). Поведение женщин в сельской местности в большей мере зависит от социального окружения. Обычаи, привычки, традиции старших поколений оказывают значительное влияние на формирование установок сельских женщин в отношении деторождения, в то время как в городе семья развивается по пути большей индивидуализации ее членов. Несомненно, большое значение для формирования представлений об идеальном репродуктивном поведении имеют материальные условия жизни сельской семьи. Вместе с тем нельзя считать описанные различия постоянными. Образ жизни сельской местности достаточно постепенно меняется, и влияние города происходит не только путем сближения условий труда и быта, но и в личностном плане восприятия сельскими жителями системы ценностей, свойственной горожанам.

Репродуктивное поведение (по В. А. Борисову⁶) имеет свою структуру, определяющуюся соответствующими потребностями, установками, мотивацией, интересами, планами, решениями, действиями и их результатами в виде рождения или отказа от рождения детей. А. И. Антонов добавил в эту цепочку репродуктивные нормы и ценности⁷. Все эти компоненты отражают процесс избирательного оценивания условий и реализации потребности в детях, который постепенно превращается в традицию. Причем эта традиция от поколения к поколению реализуется даже в изменившихся условиях жизнедеятельности как установка – предрасположенность индивидов и социальных групп к рождению определенного числа детей или отказу от рождения ребенка.

Исходя из того, что репродуктивные установки опосредуют реализацию потребности в детях, а также в зависимости от репродуктивного статуса и намерений среди них можно выделить реальные, идеальные, абстрактные, конкретные, прошлые и будущие репродуктивные установки. Реальные репродуктивные установки отражают имеющиеся представления, включая оценку социально-экономических условий и готовность реализовать их на практике. Идеальные установки исходят из представлений о наилучших практиках деторождения с точки зрения семьи и общества, но они не учитывают влияния социально-экономических условий. Близки к ним и абстрактные установки, которые отличаются тем, что отражают общие взгляды на репродукцию, но не соотносятся с реальными представлениями и практиками индивидов. Конкретные

установки отражают реальные намерения индивидов по отношению к деторождению. Прошлые установки отражают те реализованные и нереализованные намерения, которые были у индивидов ранее и которые, возможно, изменились со временем. Будущие репродуктивные установки являются предполагаемыми возможными действиями с учетом их изменений во временной перспективе. Данная типология установок позволяет учесть влияние личностного выбора на репродуктивный процесс и конкретизировать его с позиций усиления эффективности социального контроля за демографическим кризисом в нашей стране.

Механизм формирования и реализации установок репродуктивного поведения отличается локальностью. Он ограничен пространством действия ситуации и характером группового, ролевого восприятия. Смысловое содержание установок во многом зависит от социокультурного контекста и определяется желанием «дотянуться» до определенного социально заданного референтного стандарта. Исходя из этого, можно определить уровень репродуктивной культуры, под которой понимается совокупность знаний, умений, ценностей, потребностей, которая регулирует соответствующее поведение индивида, направленное на рождение детей или избегание этого события⁸. Она, действуя прямо и косвенно в форме законов, религиозных предписаний, народных обычаев и традиций, определяет репродуктивную стратегию индивидов, социальных групп, общностей.

Этот подход был заложен в социологическое исследование «Репродуктивные установки женщин», проведенное методом анкетирования. Было опрошено 324 женщины Пугачевского района Саратовской области разного возраста (до 20 лет – 30%, 20–24 года – 23%, 25–29 лет – 17%, 30–39 лет – 19%, 40–49 лет – 10%). Большинство женщин отметили, что ребенок – цель (60,5%), смысл (14,5%) их жизни. Иными словами, материнство рассматривается как базовая ценность. Вместе с тем 6,9% женщин подчеркнули, что это – репродуктивная функция женщины, что является отражением традиционности их взглядов.

Можно сказать, что существующий ранее патриархальный стереотип места и роли женщины в социальном пространстве трансформировался в гендерную установку ответственности за деторождение. Распределение, способы принятия решений о желаемом количестве детей и промежуток их рождения, а также ответственность за наступление беременности приобрели характер асимметрии, смещенной в сторону женщины («материнство», а следовательно, беременность, роды, контрацепция – «естественное» предназначение женщины). В то же время значительная доля сельских женщин выказала инструментальность репродуктивных установок, рассматривая материнство как способ сохранить (12,1%), соз-

дать (3,2%) семью, удержать любимого мужчину (2,4%).

В ходе исследования была выявлена структура жизненных ценностей современной сельской женщины. Так, на первом месте стоит здоровье (44,4%), на втором – семья (37,1%), на третьем месте – дети (29,8%), на четвертом – деньги (5,6%), на пятом – карьера (4,0%), на шестом – работа (3,2%), на седьмом – религия и развлечения (по 1,6%) и на последнем месте – престиж (0,8%). Итак, в структуре жизненных ценностей современной женщины дети занимают лишь третье место. Среди всех домохозяйств, имеющих в своем составе детей моложе 18 лет, только 6,5% (1396 тыс.) составляют домохозяйства с тремя и более детьми⁹.

Авторские исследования показали, что 35% женщин имеют детей (наиболее часто встречались женщины с 1 ребенком – 19,4%, с 2–3 детьми – 12,9%, с 4–5 детьми – 2,4%), 33% – не имеют детей, 32% – в данный момент времени ждут ребенка. Среди тех, кто состоит в браке, большинство (57,8%) имеют одного ребенка. Это подтверждает тенденцию реальной ориентации большинства семей на рождение одного ребенка, что, естественно, не может удовлетворять потребности общества в воспроизводстве населения.

В 1968 г. Тегеранской декларацией ООН было провозглашено право родителей самим определять необходимое количество детей и интервалы между их рождением¹⁰. Большинство современных сельских женщин репродуктивного возраста имеют ориентацию на одного ребенка в семье – 51,3%, и это подтверждается их репродуктивным поведением. Двоих детей в семье хотели бы иметь 36,8% опрошенных женщин, троих – 10,5%. Однако эти установки, как правило, остаются не реализованными. Женщины, ориентированные на двоих–троих детей, на практике имеют лишь одного либо не имеют вовсе. Среди бездетных женщин 62,0% намерены в будущем иметь двоих детей, 19,0% – одного, более двух – 9,5%. Поставили это в зависимость от материального положения 17,1% опрошенных, 14,6% указали на свою потребность в детях.

В нашем исследовании 41,5% женщин не смогли мотивировать желаемое количество детей. Столь весомая доля женщин, затруднившись с мотивировкой репродуктивных ориентаций, свидетельствует о значительной распространенности случайной модели репродуктивного поведения среди сельских женщин. В реальной жизни ожидаемое число детей не всегда совпадает с фактическим. Остающиеся бездетными 5–6% семей являются таковыми в результате объективных обстоятельств жизни, а не из-за намеренного решения не иметь детей¹¹. Тем не менее, рождаемость в значительной степени определяется репродуктивными планами семьи и личности, которые являются довольно устойчивыми на

протяжении репродуктивного периода жизни.

Если различать в репродуктивном поведении содержательные и динамические аспекты, то к первым можно отнести мотивы, представления, установки, ожидания, которые предопределяют решение о рождении или нерождении ребенка. К процессуальным характеристикам относятся правила, нормы, по которым оцениваются содержание, процедуры и последовательность этапов принятия решения. В нашем исследовании 38,0% женщин не смогли мотивировать желаемое количество детей. При этом 2,4% женщин родили ребенка в силу случайных обстоятельств, что свидетельствует о низком уровне репродуктивной культуры. Видимо, многое может влиять на выбор стратегии, но ключевыми факторами, скорее всего выступают: степень значимости терминальной (или утилитаристской) ценности детей, уровень ее осознания; степень доступности регулирования деторождения (контрацептивное поведение); характер оценки собственных репродуктивных возможностей. Из этих данных видно, что среди определившихся с мотивировкой желаемого количества детей самыми распространенными являются материальные соображения, видимо, связанные с материнским капиталом. В то же время столь значительная доля женщин, затруднившихся с мотивировкой своих ориентаций, свидетельствует о широком распространении среди сельских женщин иррациональности, случайности формирования репродуктивных установок.

Следующий вопрос был направлен на выяснение того, что для современной женщины значит ребенок. Ребенка как цель жизни считают 60,5% респондентов, 14,0% назвали ребенка как важную ценность в их жизни, 12,1% рассматривают ребенка как способ сохранить семью, 6,5% считают, что ребенок – это репродуктивная функция женщины, 3,2% – как способ создать семью, 2,4% – как способ удержать мужчину, 0,8% затрудняются с ответом. Следовательно, для современной женщины ребенок выступает больше в качестве традиционной ценности и цели, которой она хотела бы добиться в жизни. Но, помимо этого, некоторые респонденты отметили, что ребенок может выступать как способ достижения каких-либо целей (сохранить семью, удержать любимого мужчину около себя), что опять показывает противоречивость мнений опрошенных, т. е. если для одних ребенок – это что-то достаточно ценное и важное, то для других – инструментальный способ достичь определенных целей, хотя это не говорит о том, что эти женщины не считают важным ребенка как такового, просто на первом месте в их жизни стоит любовь к своей семье или мужчине, который находится рядом.

Репродуктивное поведение в современном обществе в значительной степени регулируется индивидуальным выбором. Многочисленные

исследования, посвященные семье и женщине, подтвердили, что женщин России отличает сильно развитое чувство социальной независимости¹². Ответственность за рождение ребенка и его воспитание женщина все больше берет только на себя. Однако по ходу опроса большинство сельских женщин (около 80%) указали, что они заводили ребенка по взаимному решению, так как растить детей без поддержки мужа, семьи затруднительно. Это демонстрирует традиционность репродуктивных установок селянок. Только 8,0% указали, что хотели сами завести ребенка – это их личный выбор. Об этом свидетельствует и отношение женщин к регистрации браков с отцами своих детей: 34,7% сельских женщин не замужем, 48,4% замужем, 11,3% состоят в гражданском браке, 4,0% респондентов разведены, 1,6% вдовы. 29,0% незамужних женщин и почти 10,0% живущих в гражданском браке готовы завести ребенка, если оба партнера испытывают такое желание, и 4,0% – если даже партнер такого желания не имеет. Иными словами, они готовы иметь внебрачных детей. Таким образом, при доминировании традиционного взгляда на необходимость отцовства среди сельских женщин начинает проявляться и социальная независимость, хотя и в меньшей степени, чем в городе.

Сегодня внебрачная рождаемость получает широкое распространение, охватывая все возрасты и социальные слои. Рост числа и доли внебрачных рождений является новым явлением в репродуктивном поведении населения России. Наблюдается увеличение уровня внебрачной рождаемости у женщин в возрасте до двадцати лет и старше тридцати лет¹³. При этом высокие показатели внебрачных рождений свойственны крупным городам, в которых развитие идет по пути все большей индивидуализации и поведение личности все в меньшей мере зависит от социального окружения. Положение матери-одиночки расценивается как «трудное», но во многих отношениях даже предпочтительнее¹⁴. В сельской местности доля внебрачных рождений меньше, и они в большей степени подвергаются осуждению и лишь отчасти – сочувствию.

Поскольку в России женская социализация определяется по типу «сильная женщина», большинство женщин заинтересованы в праве на контроль своей репродуктивной функции¹⁵. В то же время в сельской местности больше доля женщин, которые находятся под воздействием социокультурного стереотипа о «материнстве как естественном и важнейшем предназначении женщины», который транслируется традиционными нормами и представлениями обыденного сознания, а также социальными институтами. В силу этого проблема репродуктивного выбора порой встает перед женщиной в виде конфликта между своими желаниями и предпочтениями и тем, что общественное сознание и социальные институты рассматривают как социально значи-

мое и одобряемое¹⁶. Конфликтность ситуации репродуктивного выбора в значительной степени детерминирует «абортную культуру» и распространенность использования аборта как главного средства регулирования деторождения¹⁷.

В современном российском селе продолжается транслироваться установка на рождение ребенка в первый год после вступления в брак, вне зависимости от обстоятельств (учеба, работа, карьера, состояние здоровья и т. д.). Это объясняется тем, что до рождения первого ребенка не принято использовать средства против зачатия в браке. Лишь после рождения первого ребенка, нередко единственного, супруги начинают прилагать усилия, чтобы не допустить рождения следующего ребенка или отсрочить наступление беременности «до лучших» времен¹⁸. Что же касается женщин, не имеющих детей, то четко прослеживается ориентация на одно-, двухдетную семью. Среди определившихся по данному вопросу главным критерием желанного количества детей выступает материальное положение.

Важно было уточнить, почему женщины не имеют детей. Возрастные характеристики (либо слишком молоды, либо – наоборот) как основную причину отсутствия детей в данный момент отметили 33% женщин; 26% указали на семейное положение, 22% – отметили учебу, 14% – указали на материальное положение. Указали на отсутствие человека, желающего иметь детей 3%, 2% – на неготовность иметь ребенка. Женщины 22–25 лет не могут иметь детей в данный момент времени из-за материального и семейного положения; в возрасте 18–22 лет – вследствие того, что это вредит учебе. Кроме того, самые молодые девушки чаще других указывали на неготовность к этому психологически. Обращает на себя внимание тот факт, что каждая четвертая сельская женщина ориентирована на традиционную роль матери в общепринятой семье и только 3% подчеркнули роль мужчины, желающего детей, как главного условия рождения ребенка. Это свидетельствует об усилении эмансипированной ответственности женских репродуктивных установок.

Таким образом, репродуктивное поведение в современном обществе в значительной степени регулируется принятыми в обществе нормами, ценностями и собственными репродуктивными установками женщин. В связи с изменением социальной ситуации ранее сложившиеся установки репродуктивного поведения не только городских, но и сельских женщин в претерпевают изменения. Это проявляется в значительной фактической эмансипации и дистанцированности установок женщин от традиционных общепринятых ценностей в данной сфере. Теперь рождение ребенка – уже не автоматическое следствие достижения определенного возраста и вступления в брак, а, как правило, результат сознательно принятого решения.

В структуре жизненных ценностей современной сельской женщины дети занимают лишь третье место (после здоровья и семьи). Дети являются основой и важной составляющей функционирования здоровой, полноценной семьи. При сохранении в качестве доминирующей традиционной установки на детство и материнство как базовой терминальной ориентации усиливается инструментальная ориентация на ребенка как способа удовлетворения иных потребностей (создать или сохранить семью, удержать любимого мужчину, получить материнский капитал и проч.).

Поведение личности в сельской местности в большей мере зависит от социального окружения. Обычаи, привычки, традиции, которые являются элементами восприятия старших поколений, оказывают значительное влияние на формирование установок в отношении деторождения, в то время как в городе семья развивается по пути большей индивидуализации ее членов. Но, учитывая социально-экономическую ситуацию в сельской России, прослеживается тенденция увеличения малодетности. При этом репродуктивные установки сохраняют статусную направленность (подтверждение статуса женщины, матери, супруги в глазах близких людей, родственников, окружающих). Это сопровождается снижением ориентации на двух и более детей и повышением ориентации на рождение одного ребенка (малодетность). Однако изменение, развитие самосохранительных и контрацептивных установок, связанных с репродуктивной сферой, происходит медленнее, что провоцирует проблему «случайных» «нежеланных» детей или невозможности появления желанных и здоровых детей.

Современные сельские женщины реже ставят намерение обзавестись детьми в зависимости от регистрации брака с отцом ребенка. Они, хотя и опасаются разводов, готовы воспитывать детей без поддержки отца. Можно сказать, что существующий ранее патриархальный стереотип места и роли женщины в социальном пространстве превратился в гендерную установку ответственности за деторождение. Распределение, способы принятия решений о рождении детей и их числе, а также ответственность за наступление беременности уже стали приобретать характер асимметрии, смещенной в сторону женщины.

Примечания

- 1 См.: Бексаева Н. А. Старшее общество : гендерный аспект // Поколенческая организация современного российского общества (социальные проблемы поколений) / под ред. Г. В. Дыльнова, Н. В. Шахматовой. Саратов, 2002. С. 69.
- 2 См.: Вишневецкий А. Г. Воспроизводство населения и общество : История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 23.

- ³ См.: Антонова Н. Л. Демография : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2014.
- ⁴ См.: Тындик А. О. Репродуктивные установки населения в современной России // SPERO. 2012. № 16. С. 95–112.
- ⁵ См.: Бодрова В. В. Репродуктивные ориентации населения России // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 1997. № 3. С. 42.
- ⁶ См.: Борисов В. А. Демография. М., 2003. С. 201.
- ⁷ См.: Антонов А. И. Социология рождаемости (Теоретические и методологические проблемы). М., 1980. С. 81.
- ⁸ См.: Беляева М. А. Педагогическое осмысление понятия «репродуктивная культура» // Понятийный аппарат педагогики и образования / отв. ред. Е. В. Ткаченко, М. А. Галагузова. Вып. 5. М., 2007. С. 273–285.
- ⁹ См.: Данные Росстата о демографической ситуации в РФ : численность и размещение населения, брак и семья, воспроизводство, возрастной состав, миграция // По материалам конференции «Семья, дети и демографическая ситуация в России», Москва, 17 октября 2016 г. URL: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html (дата обращения: 20.11.2017).
- ¹⁰ См.: Репродуктивные права граждан в России : реальность и ожидания : материалы межрегионального семинара. М., 1996. С. 35–36.
- ¹¹ См.: Голод С. И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.
- ¹² См.: Бодрова В. В. Работа или семья : что важнее для современной женщины? // Материалы первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М., 1997. С. 99.
- ¹³ См.: Андрюшина Е. В., Каткова И. П., Катков В. И. Рождаемость и общественное здоровье // Народонаселение. 2007. № 2. С. 54–76.
- ¹⁴ См.: Бодрова В. В. Репродуктивные ориентации населения России. С. 44.
- ¹⁵ См.: Баллаева Е. А. Что стоит за цифрами : репродуктивные права женщин в России и задачи женского движения // Репродуктивные права граждан в России : реальность и ожидания. М., 1996. С. 7–11.
- ¹⁶ См.: Груздева Е. Б., Чертихина Э. С. Положение женщины в обществе : конфликт ролей // Общество в разных измерениях : социологи отвечают на вопросы. М., 1990. С. 34.
- ¹⁷ См.: Борисов В., Синельников А., Архангельский В. Аборты и планирование семьи в России : правовые и нравственные аспекты. Опрос экспертов // Вопр. статистики. 1997. № 3. С. 77.
- ¹⁸ См.: Антонов А. И., Медков В. М., Архангельский В. Н. Демографические процессы в России XXI века. М., 2002. С. 83.

Образец для цитирования:

Бегина И. А., Калугина Т. А. Особенности репродуктивных установок сельских женщин // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 413–418. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-413-418>

Cite this article as:

Beginina I. A., Kalugina T. A. The Peculiarities of Rural Women's Reproductive Goals. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 413–418 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-413-418>

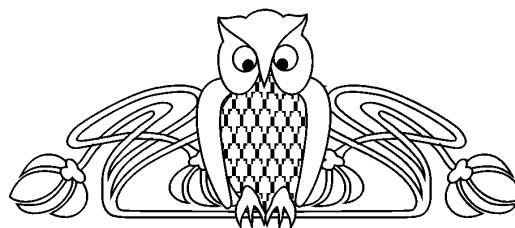

УДК 316.334.3

РЕКРУТИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ЭТАПОВ, ФОРМ И КАРЬЕРНЫХ СТРАТЕГИЙ

Д. В. Покатов, О. Г. Антонова, З. М. Дыльнова

Покатов Дмитрий Валерьевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, dvpokatov@gmail.com

Антонова Ольга Геннадьевна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ogantonova@rambler.ru

Дыльнова Зоя Михайловна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, dylnovaz@mail.ru

В статье авторы останавливаются на рассмотрении одного из важнейших процессов, определяющих качественный потенциал современной элиты, – рекрутировании элитных групп. Выявляются особенности рекрутирования политической элиты, определяющие данный процесс социальные факторы и механизмы. Особое внимание обращается на анализ базовых этапов рекрутирования политической элиты на региональном уровне: I этап – «квазисвободной конвергенции» (1991–1993 гг.); II этап – мутационного (1994–2000 гг.); III этап – «управляемой рекрутации элиты» (2001–2011 гг.); IV этап – смешанного (гибридного) (2012 г. – н. в.).

Ключевые слова: политическая элита, региональная политическая элита, рекрутирование, эволюция этапов и форм рекрутирования элиты.

Recruiting the Regional Political Elite: Evolution of the Stages, Forms and Career Strategies

D. V. Pokatov, O. G. Antonova, Z. M. Dylnova

Dmitrij V. Pokatov, <https://orcid.org/0000-0002-99-73-1473>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, dvpokatov@gmail.com

Antonova Olga Gennadievna, <https://orcid.org/0000-0003-1360-1684>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, ogantonova@rambler.ru

Dylnova Zoya Michailovna, <https://orcid.org/0000-0002-8691-481X>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, dylnovaz@mail.ru

The paper dwells on studying one of the most important processes defining the quality potential of the modern elite – recruiting elite groups. The political elite recruiting peculiarities defining this process, social factors and mechanisms are revealed. Special attention is paid to the analysis of the basic stages of the political elite recruiting at the regional level: Stage I – “quasi-free convergence” (1991–1993);

Stage II – mutational (1994–2000); Stage III – “elite controlled recruiting” (2001–2011); Stage IV – mixed (hybrid) (2012 – present time). The evolution peculiarities of the regional political elite representatives career strategies, suffering a number of changes during the transition from one stage of recruiting to another one are revealed.

Key words: political elite, regional political elite, recruiting, evolution of stages and forms of the elite recruiting.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-419-425>

В последние годы интерес к различным аспектам многогранной элитной проблематики не только не ослабевает, но и продолжает усиливаться, что не в последнюю очередь определяется сохраняющимся ведущим положением данной группы в социальной иерархии групп современного общества. Хотя в последние годы и появились многочисленные исследования, в которых рассматривались различные аспекты становления и функционирования элитных групп, следует признать, что многие проблемы еще требуют более глубокого и разностороннего анализа. Это в полной мере относится и к процессу рекрутирования региональной политической элиты.

Оценить сегодня однозначно процессы рекрутирования элитных групп не представляется возможным не только в силу быстрой трансформации и значительных эволюционных изменений, произошедших за более чем двадцать пять лет со времени распада СССР, но и вследствие значительной степени сложности и многоплановости, детерминируемой действием различных факторов.

Прежде чем говорить о самом процессе рекрутирования региональных политических элит и его базовых особенностях, вспомним, что понимается под рекрутированием политической элиты. В целом ряде работ социологического и политологического профиля можно встретить определение рекрутирования (от фр. *recruiter* – вербовать) как процесса формирования элит, системы отбора в нее новых кадров¹.

Однако, как думается, процесс рекрутирования политической элиты является более многогранным, что позволяет рассматривать его как исторически формирующиеся в обществе практики, формы и модели, связанные с изменением политического статуса индивидов, а также типы и разновидности профессионально-политического карьерного роста.

Применительно к современному региональному уровню можно говорить о нескольких этапах эволюции рекрутирования политической элиты, каждый из которых закреплял в ней определенные черты и способствовал формированию определенных моделей рекрутирования и типов карьер политическими деятелями.

Можно выделить следующие этапы процесса рекрутирования региональной политической элиты: I этап – «квазисвободной конвергенции» (1991–1993 гг.); II этап – мутационный (1994–2000 гг.); III этап – «управляемой рекрутации элиты» (2001–2011 гг.); IV этап – смешанный (гибридный) (2012 г. – н.в.). Как видно, за основу типологии взят во многом хронологический принцип, интегрирующий важнейшие этапы социально-исторического развития российского общества. Остановимся на рассмотрении особенностей каждого из отмеченных выше этапов.

I этап, «квазисвободной конвергенции» элиты, охватывал период с 1991 по 1993 г. Во многом он являлся переходным, что было напрямую связано с сосуществованием различных форм и моделей процесса элитного рекрутирования и соответствующими им разновидностями карьерного пути политических деятелей. При этом еще сохранялось доминирование существовавшей прежде номенклатурной формы рекрутации элит, хотя и был предпринят ряд шагов, в том числе и введение в регионах института полномочных представителей Президента РФ, призванного заменить большинство кадров прежней партийной номенклатуры. Сохранялись и сами номенклатурные принципы отбора кадров, из которых исключались лишь наиболее отжившие критерии, в частности, социальное происхождение, учет пребывания на партийно-административных должностях.

В господствовавшей в СССР номенклатурной системе отбора кадров в правящий класс постепенно сложились близкие формы траектории политической карьеры, формально различающиеся по некоторым признакам, в частности по способам социализации.

Одна из таких форм воплощала классический тип карьерного пути советского руководителя, представлявшего социальные группы, ранее принадлежавшие к низшим социальным прослойкам, прошедшего армию (войну), работу в трудовых коллективах на рядовых должностях, получившего заочное или вечернее образование, как правило, в системе высших партийных школ. Для другой формы был характерен в основном непрерывный цикл обучения, связывавший такие этапы, как «школа (училище или техникум) – вуз». После этого руководитель перемещался практически сразу на руководящие должности².

Первый путь был достаточно характерен для многих представителей высшего и среднего звена партийной номенклатуры и многих региональных руководителей. Если обратиться к

изданному еще в 1983 г. справочнику «Состав центральных органов КПСС», то ряд членов Политбюро ЦК КПСС и руководителей областного уровня, представленных в ЦК КПСС, с первых дней войны находились на фронте. В частности, первый секретарь Ленинградского обкома, член Политбюро ЦК КПСС Г. В. Романов воевал в составе войск Ленинградского, затем 2-го и 3-го Прибалтийского фронтов, принимал участие в прорыве блокады Ленинграда. Затем, после окончания войны и завершения учебы в техникуме, работал конструктором, начальником сектора Центрального конструкторского бюро Министерства судостроительной промышленности, избирался секретарем парторганизации. Далее, в 1954 г., он был избран секретарем парткома завода имени А. А. Жданова, парторгом ЦК КПСС на этом предприятии, а в начале 1960-х, став секретарем Ленинградского райкома КПСС г. Ленинграда, последовательно дошел до поста первого секретаря Ленинградского обкома КПСС и в марте 1976 г. был избран членом Политбюро ЦК КПСС³. Достаточно близким был карьерный путь бывшего члена Политбюро, первого секретаря Московского городского комитета КПСС (1967–1985 гг.) В. В. Гришина. Став в апреле 1941 г. секретарем партийного комитета Серпуховского железнодорожного узла, в период с 1942 по 1950 г. он работал секретарем по кадрам, вторым, первым секретарем Серпуховского горкома партии, затем прошел путь от заведующего отделом Московского областного комитета КПСС до председателя ВЦСПС и в июне 1967 г. был избран первым секретарем Московского городского комитета КПСС, а с апреля 1971 г. – и членом Политбюро ЦК КПСС⁴.

Также достаточно распространенным был и второй путь, характерный для номенклатурных работников более позднего периода, которые действовали и в составе российской политической элиты первых двух периодов, отмеченных выше. В частности, первый секретарь Саратовского обкома КПСС (1976–1985 гг.), член ЦК КПСС В. К. Гусев, ставший в 1990-е гг. депутатом Государственной Думы и состоявший во фракции ЛДПР, окончив в 1957 г. Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, а затем и Саратовский экономический институт, прошел последовательно путь от начальника смены, диспетчера, заместителя начальника лаборатории до главного инженера и директора Энгельского комбината химического волокна им. Ленинского комсомола и первого секретаря Энгельского горкома партии до первого секретаря Саратовского областного комитета КПСС⁵.

Примечателен и карьерный путь бывшего первого секретаря Горьковского обкома КПСС, а затем секретаря ЦК КПСС и заместителя Председателя Совета Министров СССР К. Ф. Катусева, объединивший в себе этапы партийной

и хозяйственно-административной карьеры. Окончив в 1951 г. Горьковский политехнический институт по специальности «инженер-механик по гусеничным машинам», он последовательно прошел путь от секретаря партбюро КЭО Горьковского автомобильного завода (с совмещением работы на предприятии в качестве конструктора) до секретаря партбюро организации КПСС КЭО Горьковского автомобильного завода и далее – до секретаря ЦК КПСС и заместителя Председателя Совета Министров СССР, а в 80-е гг. прошлого века – председателя ГКЭС СССР⁶.

Сохранение данных карьерных траекторий в начале 1990-х гг. приводило к тому, что в составе региональной политической элиты оставался достаточно весомый сегмент представителей бывшей партийно-государственной номенклатуры (по данным известного отечественного элитолога О. В. Крыштановской, до 75% представителей высшей элиты⁷).

Вместе с тем все же нельзя отрицать и тот факт, что определенные изменения в процессе и механизмах рекрутирования политической элиты стали происходить. Под влиянием изменений во властных структурах в центре многие бывшие представители партийной номенклатуры стали выбывать из состава элитных групп. Иногда этот процесс, особенно до декабря 1991 г., носил характер добровольных отставок.

В рассматриваемый период постепенно стала формироваться еще одна траектория элитного рекрутирования, связанная с приходом в элитную группу лиц более молодого возраста. Однако она, как и в предшествующее время, не стала определяющей, во многом по причине того, что многие представители бывшей партийной номенклатурной элиты не особо приветствовали приход молодых кадров в состав элитных групп. Кроме того, у самих представителей молодежных когорт не сложилось четкого понимания потребностей прихода в состав элиты. Так, проведенный А. Е. Чириковой и Е. П. Чириковым в 2011 г. опрос части представителей административной элиты Санкт-Петербурга показал, что 41% респондентов на вопрос «Что привело работников на службу в органы государственной власти» ответили, что для них выбор оказался случайным, и только 26% выбрали ответ – социальная значимость работы. При этом средний возраст чиновников-мужчин, участвовавших в опросе, составил 43,4 года, а женщин – 43,8 года⁸. В целом средний возраст политической элиты в начале и середине 90-х гг. прошлого века составлял у представителей региональной элиты 49 лет⁹.

Положение стало несколько меняться на II этапе рекрутирования региональной элиты, который можно определить, как мутационный (1994–2000 гг.). Именно в это время стали определяться как контуры будущих ведущих моделей рекрутирования политической региональной элиты, так и типы карьер региональных политиков.

Также в рамках данного этапа наиболее рельефно стали проявлять себя некоторые особенности процесса рекрутирования как федеральной элиты в целом, так и политической элиты региона в частности. Формирующаяся в 1990-е гг. система рекрутирования политической элиты причудливо сочетала в себе черты, доставшиеся в наследство от легально-номенклатурной модели, и черты, сформировавшиеся в ходе модернизационных процессов, происходящих в современной России.

При этом ряд достаточно существенных изменений произошел в системе отбора претендентов в политическую элиту. Так, если в господствующей в СССР системе отбора кадров в правящий класс обязательной была принадлежность к определенному слою, то в настоящее время этому не придается какое-либо решающее значение. Сократились и формальные требования, предъявляемые сегодня к кандидатам в элитные слои, а целый ряд из них, начиная с социального происхождения, обязательной ранее партийной принадлежности и т. п., перестали быть главенствующими. В целом, отсутствие многочисленных номенклатурных барьеров, обязательности прохождения всех номенклатурных ступеней приводило к некоторому «омоложению» состава политической элиты, в которой стали появляться и политические деятели моложе 30 лет. Вхождение в ее состав не означало, как это было раньше, пожизненного пребывания в ней. В последние годы наблюдаются заметные персональные перемещения в составе данной группы. В ряде случаев представители политической элиты вообще выбывают из ее состава, что обычно в регионах было связано со сменой губернатора. Такие глубинные изменения в составе современных политических элит стали возможны благодаря появлению новых механизмов отбора, к числу которых относятся и выборы. Однако переоценивать значимость данных механизмов в силу ряда причин (в том числе сохраняющейся тенденции к использованию административного ресурса, формализации выборных практик и т. д.) не стоит.

По сути, действовавшая ранее модель рекрутирования трансформировалась в кланово-корпоративную, включающую на современном этапе целый ряд форм и разновидностей. Данная модель, начало формирования которой относится именно к 90-м гг. XX в., отличалась как от западных, так и прежних отечественных практик рекрутирования политической элиты. Как известно на Западе, о чем писал еще в конце 1950-х гг. известный американский социолог Ч. Р. Миллс, в провинциальных городах существовали две прослойки социальных верхов: одна из них состояла из рантье и из семейств, завоевавших свое высокое общественное положение сравнительно давно; другую прослойку образуют семейства, выдвинувшиеся сравнительно недавно и про-

явившие себя в социальной и экономической сфере как люди более предприимчивого типа¹⁰.

Вобрав в себя некоторые черты прежней легально-номенклатурной модели, формировавшаяся в 1990-е гг., современная модель рекрутирования элиты приобрела и ряд новых черт, что сделало ее причудливо эклектичной. На уровне федеральной элиты она трансформировалась в кланово-корпоративную. В регионах стали закрепляться такие ее формы, как старо- и неономенклатурные, во многом связанные с действующими в той или иной форме номенклатурными принципами отбора в элиту, а также корпоративно-профессиональная, ориентированная на отбор кадров, представляющих деполитизированную профессионально-политическую прослойку, концентрирующую выходцев из закрытого, корпоративного сегмента, и кланово-профессиональная, представленная родоплеменными (тейповыми) или национально-земляческими образованиями, заинтересованными в пополнении элиты выходцами из таких же социальных слоев и групп.

Рассматривая II период процесса рекрутирования региональных элит, нельзя не сказать о сформировавшихся в данный период наиболее характерных типах карьерного пути региональных политиков. В этих условиях, по сути, доминировавший ранее административный карьерный тип стал существенно трансформироваться и дополняться новыми, выступившими основой для появления двух моделей политической карьеры современной политической элиты, которые условно, используя подход американского советолога К. Фармера, можно определить как «естественная» и «искусственная»¹¹. Первая, естественная, модель карьеры современного элитного деятеля, в наибольшей степени проявившаяся в 90-е гг. прошлого века, включала в себя такие формы, как профессионально-личностную, в которой ведущее значение приобретали креативно-личностные характеристики, и административную, ориентированную на соответствие статусным показателям. Вторая, искусственная, модель, закрепившаяся в рамках следующего этапа рекрутирования, концентрировала командный и аутсайдерский (неспециализированный) тип.

Профессионально-личностный тип, характерный для естественной модели, был сравнительно инновационен и во многом связан с карьерой представителей молодежных возрастных когорт. Данный тип только зарождался в 1990-е гг. и стал себя проявлять в рамках следующего этапа.

Более типичной формой карьеры, относящейся также к естественной модели, является административная. В отличие от советского периода, она несколько модифицировалась. Типичным являлся в этой связи трудовой путь некоторых представителей региональной политической

элиты России. В частности, губернатор Саратовской области (1996–2005 гг.) Д. Ф. Аяцков начал свой трудовой путь агрономом в хозяйствах Татищевского и Балтайского районов Саратовской области. Затем, перед тем как стать губернатором, в период с 1992 по 1996 г. занимал должность вице-мэра, первого заместителя главы администрации г. Саратова¹². Типична биография и другого губернатора эпохи 90-х гг. В. А. Стародубцева, являвшегося в течение более чем 30 лет председателем колхоза им. Ленина Тульской области (с 1964 по 1997 г.), руководившего также агропромышленным объединением «Новомосковское» (1987–1997), а затем в течение двух сроков (с 1997 до 2005 г.) являвшегося губернатором Тульской области¹³.

В целом сформировавшиеся в 90-е гг. прошлого века характерные черты, особенности и практики процесса рекрутирования политических элит региона претерпели ряд существенных изменений в следующий III этап, который можно условно определить, как период «управляемой рекрутации элиты».

В данный период, по сути, отодвигаются на второй и третий план старо- и неономенклатурные модели рекрутирования политических элит. Резко снижается количество представителей старой советской номенклатуры в составе политической элиты в целом и региональной политической элиты в частности. Как показал анализ биографий представителей политической элиты, к 2005–2008 гг., в ней осталось около 15,7% выходцев из партийной и комсомольской среды. В дальнейшем, к 2012 г., количество представителей бывшего господствующего класса в составе Государственной Думы сократилось до 7,3%, в Совете Федерации – до 4,2%. В правительстве данная категория вообще отсутствовала (подсчитано автором на основании биографий деятелей политической элиты, опубликованных в: Коммерсант-Власть. 2008. № 2. С. 61–88; Мухин А. А. Правители России: Старая площадь и Белый дом. М., 2005; Щеголев К. А. Кто есть кто в России. Исполнительная власть. М., 2007; Щеголев К. А. Кто есть кто в России. Законодательная власть. М., 2009; Коммерсант-власть. 2012. № 1–2. С. 47–78; Правительство Российской Федерации // Рос. газ. 2012. 22 мая. С. 2–4).

На региональном уровне также наблюдалось резкое сокращение (до 2–4%) представителей бывшей номенклатурной элиты. Наряду с резким сокращением представителей прежней номенклатурной прослойки резко возросло представительство корпоративных кругов (включавших армейский генералитет, представителей ФСБ и правоохранительных округов).

Данное обстоятельство не является чем-то экстраординарным и вполне объяснимо, если учитывать ряд обстоятельств. Известно, что еще американский социолог Ч. Р. Миллс весьма одобрительно относился к представительству

военных кругов в политической элите. Он отмечал, что нет другой такой группы, которая имела бы подготовку, относящуюся одновременно к экономическим, политическим и военным делам; нет другой группы, которая имела бы такой длительный опыт, связанный с ответственными решениями; нет другой такой группы, которая, по его мнению, так охотно усваивала бы специальные знания других групп и с такой готовностью использовала бы эти знания в своем профессиональном деле¹⁴.

Действительно, отмеченные известным американским социологом обстоятельства, детерминирующие одну из ведущих позиций, занимаемых представителями корпоративных кругов сегодня, не потеряли своей актуальности. Во многом сохранение корпоративно-профессиональной формы рекрутирования элиты (в том числе в Волгоградской, Тульской и Ульяновской областях, Республиках Дагестан и Ингушетия) и сами достаточно стабильные позиции представителей корпоративных кругов связаны с тем, что они обладают такими важными ресурсами, как длительный административный опыт, большая информированность и созданные ранее имиджевые преимущества.

Еще одной из особенностей третьего периода в процессе рекрутирования современной региональной элиты является значительное омоложение ее состава, связанное с приходом сравнительно молодых политических деятелей. Для многих представителей данной группы типичным является начало политической карьеры сразу после окончания вуза, первоначально на низовых должностях в политических партиях либо общественных организациях.

Проводимые в 2000-е гг. исследования позволили их авторам выделить три интегральных компонента «пропуска» в элиту: личные качества, наличие ресурсов и проявление активности в соответствующей сфере¹⁵. К личным качествам были отнесены: умение добиваться цели, ориентироваться в ситуации, создавать команду, коммуникабельность, внешность (обаяние), ум. К ресурсам относились престижное образование, наличие связей, финансы, среда обитания молодого человека, доступ к каналам массовой коммуникации (СМИ, культура) и т. д. «Проявление активности» рассматривалось как хорошие показатели в учебе, участие в общественной и политической жизни. Сами эксперты на первое место из всех качеств поставили наличие ресурсов и лишь затем личные качества и личную активность. Политическая реальность также свидетельствовала о том, что более важными для продвижения молодого политика в состав элиты оказывались ресурсы, связанные со сферой применения профессиональной деятельности. В результате большие возможности имели молодые политики, начавшие свою карьеру в силовых структурах (налоговой службе, милиции, ФСБ),

продолжившие свою деятельность в какой-либо коммерческой фирме на должности директора (соучредителя) или другого топ-менеджера и лишь затем перешедшие в представительные органы власти или назначенные на какую-либо должность в исполнительных структурах власти региона или России¹⁶.

Но, как правило, данный путь являлся скорее исключением, чем правилом. Число представителей молодого поколения в составе элиты было не так велико. К ним можно отнести только 14,6% от общего числа российских депутатов. На региональном уровне данный показатель был еще ниже. Так, в Саратовской области он составлял 9,0%, в Самарской – 4,3%, в Волгоградской – 7,4% от общего числа представителей элиты (подсчитано автором на основании биографий, представленных в: Коммерсант-власть. 2012. № 1–2. С. 47–78; Интернет-энциклопедия «Кто есть кто в Саратовской области» о самых успешных и известных персонах региона. URL: <http://www.kto.delovoysaratov.ru>; Известные люди Юга России. URL: <http://www.vipstav.ru>; Самарская губернская Дума. URL: <http://www.samgd.ru>; Правительство Самарской области. URL: <http://www.samregion.ru>).

Более типичными карьерными путями в данный период становились разновидности искусственной модели (в том числе командный и аутсайдерский (неспециализированный)), которые отличались значительной вариативностью, отсутствием последовательных этапов. В целом ряде случаев карьерная траектория политика (особенно в аутсайдерском типе) первоначально была достаточно далека от политики.

Во многом особенности процесса рекрутирования в рамках III этапа подготовили переход к IV современному, смешанному (гибридному) этапу, начавшемуся в 2012 г. и продолжающемуся сегодня. В рамках данного периода идет закрепление некоторых тенденций, наиболее заметных на предшествующих этапах. При этом происходит причудливое объединение различных сегментов процесса рекрутирования, характерных для предшествующих этапов. Также для данного периода было типично сосуществование различных механизмов рекрутации, а также форм и разновидностей карьерного роста политиков.

Как и на этапе «управляемой рекрутации» элиты, практически не проявляли себя старо- и неонотоклатурный типы элитного рекрутирования. Количество представителей бывшей партийной элиты снизилось до рекордно низкой отметки (для парламентской элиты она равнялась 6,8%, для всей федеральной элиты – 5,8%, для региональной – от 1,0 до 4,0% (применительно к регионам Среднего Поволжья) (подсчитано автором на основании биографий, представленных в: Коммерсант-власть. 2016. № 44. С. 21–53; Правительство Российской Федерации // Рос. газ. 2012.

22 мая. С. 2–4; Интернет-энциклопедия «Кто есть кто в Саратовской области» о самых успешных и известных персонах региона. URL: <http://www.kto.delovoysaratov.ru>; Известные люди Юга России. URL: <http://www.vipstav.ru>; Самарская губернская Дума. URL: <http://www.samgd.ru>; Правительство Самарской области. URL: <http://www.samregion.ru>). Из этнократической формы выделилась такая весьма специфическая разновидность, как семейно-клановая, при которой на второй план отступают как социально-политические, так и профессиональные составляющие, и принципы и первенствующее значение имеют родственные связи, как это происходит в некоторых регионах Юга России.

Хотя и продолжил существование корпоративно-профессиональный тип, он на современном этапе не является доминирующим. В целом сохранилось доминирование искусственной модели карьерного роста членов региональной элиты, включавшей как командную, так и аутсайдерскую (неспециализированную) разновидности. Естественный, профессионально-личностный, тип был представлен весьма своеобразно только в некоторых регионах. В частности, в Саратовской области он проявился только после выборов в сентябре 2017 г., когда в состав областного парламента были избраны 3 оппозиционных политика, являющихся представителями молодежной возрастной группы (6,8 % от состава парламентской элиты региона) (см.: Правительство Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru>; Саратовская областная Дума. URL: <http://www.srd.ru>). Не лучше обстоят дела и в соседних регионах. В частности, в Волгоградской области только 7,5% молодых политиков находятся в составе одного из сегментов элиты.

В составе современных элитных групп сегодня сосредоточены политики с высоким образовательным потенциалом. Согласно полученным автором в ходе анализа 344 биографий элитных деятелей данным, многие представители элиты региона имеют определенный управленческий опыт. Стаж работы от 5 до 15 лет в исполнительных структурах власти и управления имеют в Саратовской области 19,6% представителей элиты, в Волгоградской – 14,8%, в Самарской области – 14,9%. Около 5,0% политиков в Саратовской области и 8,0% в Волгоградской области имеют стаж работы в исполнительных структурах власти более 15 лет. В законодательных органах власти в Саратовском регионе стаж работы от 5 до 15 лет имеют 13,0% представителей элиты, в Самарской – 23,6%, в Волгоградской области – 22,0%. В политических партиях и общественных движениях стаж работы от 5 до 15 лет в Саратовской области имеется у 3,27% политических деятелей, в Самарской – у 3,5%, в Волгоградской области – у 3,7% политиков.

Меняются в последние годы и механизмы рекрутирования элит в условиях региона. Под

влиянием объективных обстоятельств Президент РФ В. В. Путин восстановил прямые выборы высших лиц региона. Это привело лишь к некоторым изменениям в механизмах и формах рекрутирования.

Несколько модифицируются и факторы, влияющие на построение карьеры представителей различных сегментов политической элиты региона. По данным А. В. Шентяковой, для сотрудников исполнительной власти ключевым фактором влияния на построение карьеры является административный ресурс. При этом в данной группе исследователь выделяет «автономных профессионалов», строящих карьеру за счет своего опыта, профессиональных знаний и умений, и «патронажников», карьера которых зависит от внешней благоприятной карьерной среды. Для сегмента законодательной региональной элиты важными становятся социально-профессиональный статус и индивидуальный профессионализм¹⁷.

В целом, отмеченные выше процессы, к сожалению, пока не привели к глобальным изменениям общих трендов рекрутирования политической элиты региона, контуры которых стали формироваться в предшествующий период, и во многом способствовали складыванию на региональном пространстве такого достаточно своеобразного феномена, как корпоративная персонекратия, основой которой выступают, прежде всего, представители правящей элиты, опирающиеся на разветвленные сегменты бизнес-элиты. По сути, сохранение в перспективе этой тенденции может привести (и уже приводит) к своеобразному синтетическому типу развития, включающему в себя различные – как архаичные, так и современные и даже постмодерные – проявления, которые отражаются не только на облике политической элиты региона, но и на особенностях ее функционирования.

Примечания

- 1 См.: Политическая энциклопедия : в 2 т. / науч. ред. : пред. совета Г. Ю. Семигин. М., 1999. Т. 2. С. 340.
- 2 См.: *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). Пермь, 2003. С. 190.
- 3 См.: Состав центральных органов КПСС, избранных XXVI съездом партии. М., 1983. С. 23.
- 4 Там же. С. 17.
- 5 Там же. С. 141.
- 6 См.: Министры советской эпохи о времени, о соратниках, о себе. М., 2010. С. 311–334.
- 7 См.: *Крыштановская О. В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность.* 1995. № 1. С. 65.
- 8 См.: *Чирикова А. Е., Чириков Е. П.* Чиновники Санкт-Петербурга : социально-профессиональный портрет // *Российские властные институты и элиты в трансформации : материалы восьмого Всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти*

- в условиях российской трансформации» / отв. ред. А. В. Дука. СПб., 2011. С. 267.
- ⁹ Крыштановская О. В. Элита и возраст : путь наверх // Социс. 2002. № 4. С. 51.
- ¹⁰ См.: Миллс Ч. Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 61.
- ¹¹ Farmer K. The Soviet Administrative Elite. N. J., 1994. P. 3.
- ¹² См.: Семенов В. Н. Правители земли Саратовской. Саратов, 2014. С. 258.
- ¹³ См.: Стародубцев В. А. На крутых поворотах судьбы. М., 2014. С. 19–57, 155–202.
- ¹⁴ См.: Миллс Ч. Р. Указ. соч. С. 273.
- ¹⁵ См.: Кадровые резервы России. Состав и особенности элитобразования / авт.-сост. А. Б. Шатилов, А. В. Юдельсон, С. В. Дойченко. М., 2007. С. 5.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Шенякова А. В. Модели и факторы карьеры представителей политической и административной региональной элиты // Власть и элиты : альманах / гл. ред. А. В. Дука. СПб., 2014. Т. 1. С. 398.

Образец для цитирования:

Покатов Д. В., Антонова О. Г., Дыльнова З. М. Рекрутирование региональной политической элиты: эволюция этапов, форм и карьерных стратегий // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 419–425. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-419-425>

Cite this article as:

Pokatov D. V., Antonova O. G., Dylnova Z. M. Recruiting the Regional Political Elite: Evolution of the Stages, Forms and Career Strategies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 419–425 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-419-425>

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 314.7

ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (часть 2)

К. Н. Сердюков

Сердюков Константин Николаевич, аспирант кафедры социальных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, customs-toll@yandex.ru

Статья является продолжением обзора основных парадигм, составляющих теоретическую и методологическую основу социологического подхода к исследованию миграционных процессов. Подробная характеристика научных направлений данного подхода представлена в составе трех базовых групп: структурной, включающей в себя парадигмы, фокусирующиеся на системно-структурных, организационно-функциональных сторонах миграции, рассматривая ее как целостность, совокупность элементов; интерпретативной, которая нацеливает исследователя на изучение человеческого поведения, мотивов, смыслов, значений; объединительной, включающей в себя парадигмы, основывающиеся на признании объекта исследования как развитой диалектической системы с учетом системно-структурных и динамических характеристик общества, ситуационно-средовой и субъектно-личностной детерминации поведения, макро- и микроуровней. Рассмотрены возможности и специфика социологического подхода к исследованию миграционных процессов, что позволяет более комплексно раскрыть феномен миграции, прежде всего, как социокультурное явление, учесть важные, но не доступные для других дисциплин грани. Акцентировано внимание на исследовании миграционных процессов через призму социальных взаимодействий, диалектику внешних и внутренних факторов, детерминирующих миграционное перемещение. В заключение отмечается и обосновывается необходимость постоянного теоретического осмысления и проведения новых исследований в области миграции населения.

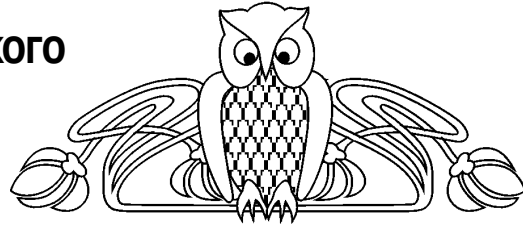
Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, социологический подход, теории миграции населения.

The Basic Paradigms of the Sociological Approach to the Study of Migration Processes (Part 2)

К. N. Serdyukov

Konstantin N. Serdyukov, <https://orcid.org/0000-0001-6382-7812>, Far Eastern Federal University, 8, Sukhanova Str., Vladivostok, 690090, Russia, customs-toll@yandex.ru

The article is a continuation of the main paradigms review that make up theoretical and methodological basis of the sociological approach to the study of migration processes. A detailed description of the scientific directions of this approach is presented as a complex of three basic groups: the structural group includes paradigms focusing on the system-structural, organizational-functional aspects of migration, treating it as integrity and aggregation of elements; the interpretative group aims the researcher to study human behavior, motives, meanings; the

unifying group includes paradigms based on the recognition of the object of research as a developed dialectical system, taking into account the system-structural and dynamic characteristics of society, situational environmental and subject-personal determination of behavior, macro and microlevels. The possibilities and specificity of the sociological approach to the study of migration processes are considered, which allows to more comprehensively reveal the phenomenon of migration, primarily as a socio-cultural phenomenon, taking into account important peculiarities that are not yet accessible for other fields of humanities. The attention is focused on the study of migration processes through the prism of social interactions and the dialectics of external and internal factors determining migration. In conclusion, the need for constant theoretical comprehension and conducting new research in the field of population migration is noted and justified.

Key words: migration, migration processes, sociological approach, theories of migration.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-426-429>

(Окончание. Начало см.: Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 295–299)

В первой части настоящей статьи мы подробно рассмотрели основные структурные, а также интерпретативные парадигмы социологического подхода к исследованию миграционных процессов.

Перейдем к завершающей группе объединительных (диалектических) парадигм. Сюда следует отнести *теорию миграционных сетей* (1989), уже упомянутого нами автора Д. Массея. Данная теория раскрывает механизм внутренней динамики миграционных процессов, связанный с образованием сетей (сообщества мигрантов) посредством сил межличностного социального взаимодействия обосновавшихся мигрантов и других людей в стране происхождения и принимающих странах. Такая система связей выстраивается посредством родственных, дружеских отношений, а также факта этнической, языково-культурной близости. В результате миграция приобретает характер кумулятивного самоподдерживающегося процесса за счет: обеспечения потенциальных переселенцев надежной информацией; сокращения психологических и материальных издержек, связанных с переездом; облегчения процесса адаптации (помощь и поддержка с поиском жилья, работы и проч.); снижения миграционных рисков и нестабильности и др.

По мере формирования и разработки сетей миграционный процесс выходит из прямой зависимости от факторов, вызвавших его первоначально. Социальные сети постепенно сами становятся одной из значимых причин миграции.

Даже тогда, когда условия в принимающей стране становятся не столь благоприятными, такая система связей может внутренне, сама по себе поддерживать миграционный процесс¹.

Д. Массей подчеркивал безусловное воздействие наличия миграционных сетей на решение мигрировать². Однако, как справедливо отмечает И. В. Ивахнюк³, те же миграционные сети, упрощающие и стимулирующие въезд соотечественников, одновременно служат ограничителем и барьером для миграции из других стран и даже из других регионов внутри страны.

В рамках данной теории были выделены две стадии миграционного процесса: формирования миграции наименьшего риска; поддержки миграции и создания миграционной стратегии⁴.

Теория социальных сетей раскрывает механизм миграционных процессов, уточняя мотивы миграционного поведения, проясняя природу устойчивых миграционных связей между странами.

К описываемой группе парадигм также относится *теория социальных изменений* (Я. Щепаньский, П. Штомпка). Миграционный процесс представляется серией актов социального взаимодействия, происходящего в отдающем и принимающем обществах и приводящего к социальным изменениям. П. Штомпка определяет социальное изменение как разницу между прежним и новым состоянием социальной системы. В сущности, это единичный эпизод, переход из одного состояния системы в другое. Различия этих состояний могут составлять изменения:

- состава системы;
- структуры системы (четыре формы связей между такими элементами, как взаимодействия, интересы, нормы и идеи);
- функций системы;
- границ системы;
- окружения системы⁵.

Теория позволяет исследовать и глубже понять социальную роль миграции, которую она играет в жизнедеятельности общества, что во многом отражает сущность рассматриваемого феномена.

Следующая парадигма берет свое начало с известных исследований миграционных процессов в Алтайском крае⁶ (конец 1960-х – начало 1970-х гг.). В ходе проведения этих исследований были выявлены существенные расхождения между миграционными планами, установками населения и фактическим миграционным поведением. Определено второстепенное значение миграционных намерений по отношению к достаточным физическим, психическим и прочим возможностям и силам людей.

Эти и другие исследования легли в основу *концепции жизненных сил человека, индивидуальной и социальной субъектности* (С. И. Григорьев, Л. Д. Демина, Ю. Е. Растов и др.). Данная концепция придает особое значение аспектам взаимозависимости субъектов общественной и индивидуальной жизни, взаимодействию жизненных сил человека и жизненного пространства, человек рассматривается в сущностном единстве биологического, психологического и социального. С указанной концепцией соотносится марксистская трактовка «сущностных сил человека»⁷, но их характеристика дана преимущественно в контексте трудовых, производственных отношений общества, предметно-практической деятельности человека.

Под жизненными силами человека следует понимать: способности людей к выживанию, воспроизводству и адаптации в динамично меняющихся условиях жизни, а также возможности по улучшению собственной жизни; практическую реализацию и тесную взаимосвязь способностей и возможностей. Под жизненным пространством же понимается вся совокупность характеристик окружающей среды, создающих основания для жизни социальных групп и индивидов⁸.

Жизненные силы реализуются в условиях жизненного пространства, происходит взаимовлияние понятий, взаимодействие их. Миграция является результатом этого взаимодействия, вследствие которого осваивается новое жизненное пространство, реализуются жизненные силы людей.

Данная концепция способна расширить, углубить и, что особенно важно, фундаментализировать знание о миграционных процессах, принимая во внимание биопсихосоциальную сущность человека.

Испытывая на себе влияние смежных отраслей науки, в области изучения миграции населения социология вобрала в себя определенный опыт и наработки, сложившие ее междисциплинарный характер. Поэтому кроме дисциплинарной специфики, пользуясь своими теоретическими, методологическими и инструментальными возможностями, социология может заходить на предметное поле других наук, а также выступать на правах интегративной науки, способной осуществлять комплексный анализ.

Так, примером реализации междисциплинарного потенциала социологии стала самостоятельная отрасль социологического знания «*Социология миграции*». В данном ключе социальное взаимодействие населения, рассматриваемое в своем развитии как переход этого населения в новое состояние через процесс социально-географического перемещения, и есть объект изучения социологии миграции, т. е. сам миграционный процесс. Предметом же являются всевозможные аспекты социальных отношений

перемещаемых лиц в их субъективно-объективной диалектической целостности.

Отмечается, что социология миграции самодостаточна для осуществления полного комплексного анализа, включающего не только описание факторов и стадий миграционного процесса, но и раскрытие самой сущности миграции как явления, проясняя его закономерности и механизмы. Более того, Т. Н. Юдина утверждает, что только социология располагает достаточным арсеналом методов и технологий для целостных, системных исследований миграционных процессов⁹.

Социология миграции как специальная социологическая теория исходит из соответствующего дисциплинарного понимания субъектов миграционного процесса, рассматривает мигрантов в качестве сформированных социальных групп, чьи представители осознают и воспринимают себя как составляющие целостного субъекта поведения, с выраженным чувством групповой солидарности¹⁰.

Однако справедливым будет упомянуть и критическую точку зрения на такой способ восприятия и интерпретации аспектов миграционного процесса. По мнению П. П. Лисицына и А. В. Резаева, наблюдается отсутствие убедительных исследовательских данных и научной фиксации заявленной целостности субъекта поведения, общей направленности и налаженной коммуникации внутри ограниченных коллективов мигрантов. Более того, в своих трудах исследователи отталкиваются от ложности подобного толкования, считая применение групповых категорий необоснованным решением для объективного исследования миграционных процессов. Авторы предлагают рассматривать мигрантов как «категорию», смещая внимание исследователей с групповых характеристик на процессы и отношения¹¹.

Отталкиваясь от концепции трех стадий (фаз) миграционного процесса (Л. Л. Рыбаковский и Т. И. Заславская), Т. Н. Юдина уточняет методологию сбора данных: социологические опросы очевидцев и экспертного сообщества, в том числе формализованные интервью (изучение установок, предпочтений и ожиданий в исследуемом регионе) – эффективны для сбора сведений о стартовом состоянии миграционного процесса; социологические наблюдения (в частности мониторинговое наблюдение) и разнообразные опросные методы (изучение динамики процесса, его влияние на социальную структуру, социальную стратификацию) – для регистрации изменений в ходе миграционного процесса; этнографический и биографический методы, устная история (анализ смысловых структур, образа жизни, нового социального опыта) – для изучения стадии интеграции и адаптации мигрантов на новом месте¹².

Стратегия социологического анализа миграции, предложенная Т. Н. Юдиной, позволяет взглянуть на данный процесс комплексно и объ-

емно, с учетом его полисубъектности, реализуя потребность в многоаспектном познании и понимании сложного социального явления.

Таким образом, рассмотрев объединительные парадигмы, следует заключить, что они основываются на признании объекта исследования как развитой диалектической системы, с учетом системно-структурных и динамических характеристик общества, ситуационно-средовой и субъектно-личностной детерминации поведения, макро- и микроуровней.

Обобщив вышеизложенные направления и теоретические концепты социологического подхода, следует дать его целостную характеристику.

Данный подход позволяет осознать феномен миграции, прежде всего, как социокультурное явление, рассматривая его через призму социальных взаимодействий, диалектику внешних и внутренних факторов, детерминирующих миграционное перемещение, влекущее, в свою очередь, системные социальные изменения.

Методологические и инструментальные возможности социологии позволяют эффективно собирать и изучать как количественные, так и качественные характеристики миграционного процесса. Сильной стороной социологического подхода является возможность описывать и раскрывать как динамические характеристики самих мигрантов (интересы, ценности, потребности, стратегии, цели и проч.), субъективную сторону их деятельности, так и характеристики их социальной среды (социальные связи, социальные группы, социальные действия и проч.). Следует заметить, что подобная, безусловно важная, информация никак не фиксируется статистикой, экономическим, географическим, математическим и прочими подходами.

Важным для понимания механизма миграции является не только и не столько принятие во внимание субъективных предпочтений, индивидуальных оснований для миграции, сколько учет влияния социального окружения, социальных групп, в которые входят потенциальные индивидуальные субъекты миграционного процесса, а также референтных групп, служащих источником формирования ценностных ориентаций и социальных норм.

Поэтому, рассматривая миграцию как феномен комплексно, все же следует указать особый социологический ракурс – внимание к социальным взаимодействиям всех субъектов миграционного процесса, социальным механизмам миграционного перемещения и адаптации мигрантов¹³.

Значимым направлением социологического подхода является анализ системы детерминации миграционных процессов. Чрезвычайно важно понимать и учитывать совокупность социально-экономических и социокультурных процессов, вызывающих переезд людей из одной страны в

другую, подталкивающих к решению о миграции, к выбору конкретной миграционной стратегии¹⁴. Многообразие сценариев миграции и ее последствий обуславливают социально значимые процессы и условия в стране пребывания и внешних странах, социально-групповые особенности населения, индивидуально-личностные характеристики людей.

Не менее важным направлением социологического подхода является процесс адаптации индивидов и социальных групп мигрантов, рассматриваемый в социально-психологическом и социологическом единстве, т. е. на личностном и институциональном уровнях одновременно. В общем виде – это процесс приспособления индивида или социальной группы к новой социальной среде.

Под воздействием этой среды происходит согласование самооценок и притязаний мигрантов с их возможностями и окружающей реальностью¹⁵. Вместе с тем сама социальная среда как принимающей, так и отдающей стороны также меняется под воздействием миграционных процессов.

Таким образом, социологический подход позволяет учитывать и раскрывать важные, не доступные для других дисциплин грани многомерного явления миграции. Важно отметить, что возможности различных дисциплин позволили накопить значительный объем знаний о феномене миграции населения, но потребность в разработке новых концепций и совершенствовании существующих всегда остается. Кроме того, в настоящее время такая необходимость обусловлена отсутствием единой теоретико-методологической базы, возросшей социальной значимостью, а также изменением самого характера миграции. Интенсивные процессы глобализации и интеграции, технологическое развитие существенно повлияли на современную миграцию, она приобрела новые черты и формы, а ее роль заметно усилилась. Например, средства массовой коммуникации, широкая интернетизация и телефонизация стран изменили характер процесса интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Стало возможным регулярно и комфортно поддерживать привычные социальные связи в странах выхода. Это свидетельствует о

необходимости постоянного теоретического осмысления и проведения новых исследований в области миграции населения.

Примечания

- 1 См.: *Ивахнюк И. В.* Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51.
- 2 См. подробнее: *Massey D.* Social structure, household strategies and the cumulative causation of migration // *Population Index*. 1990. № 56. P. 3–26.
- 3 См.: *Ивахнюк И. В.* Указ. соч.
- 4 См.: *Бритвина И. Б.* Миграция и эффективность массовой коммуникации : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 24.
- 5 См.: *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М. : Логос, 2005. С. 455–456.
- 6 См. подробнее: *Григорьев С. И., Субетто А. И.* Основы неклассической социологии (Новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX–XXI веков). Барнаул : Изд-во АРНЦ СО РАО, 2000.
- 7 См. подробнее: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. : в 50 т. Т. 42. М. : ИГЛ, 1974. С. 142–144.
- 8 См.: *Жизненные силы человека : социальная мета-теория или виталистская социологическая парадигма?* / под ред. С. И. Григорьева, Л. Д. Деминой. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000.
- 9 См.: *Юдина Т. Н.* Социология миграции. М. : Академический Проект, 2006. С. 201.
- 10 Там же. С. 208.
- 11 См.: *Лисицын П. П., Резаев А. В.* Трудовые мигранты в России : стратегии социальной адаптации. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2015. С. 30.
- 12 См.: *Юдина Т. Н.* О социологическом анализе миграционных процессов // *Социс*. 2002. № 10. С. 102–109.
- 13 См.: *Бритвина И. Б.* Миграция и эффективность массовой коммуникации. С. 15.
- 14 См.: *Бритвина И. Б.* Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов : социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 2006.
- 15 См.: *Татевасов Р. В.* Адаптация // *Народонаселение : Энциклопедический словарь*. М. : Большая Рос. энциклопедия, 1994. С. 10.

Образец для цитирования:

Сердюков К. Н. Основные парадигмы социологического подхода к исследованию миграционных процессов (часть 2) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 426–429. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-426-429>

Cite this article as:

Serdyukov K. N. The Basic Paradigms of the Sociological Approach to the Study of Migration Processes (Part 2). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 426–429 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-426-429>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32+303

ПРОСТОЙ И СЛОЖНЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД ПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

Предметом анализа в настоящей публикации являются позитивные и негативные аспекты применения в политическом исследовании упрощенной формулы «институциональный метод». Анализируются задачи, решение которых в политической науке обеспечивается применением этой формулы. Автор приходит к заключению, что в структуре современного политического исследования формулировки типа «применен институциональный метод» не являются характеристикой исследовательских принципов, процедур и инструментов. Они играют роль условного маркера для обозначения того общего ракурса, в котором политолог намерен изучать политику, и того предмета его исследований, которому он намерен уделить повышенное внимание. Они являются также свидетельством его готовности корректно, без нарушения их структурной и смысловой целостности, интегрировать в структуру своего исследования результаты научного труда представителей других гуманитарных наук, полученные ими при помощи соответствующего метода.

Ключевые слова: методы политического исследования, институциональный метод.

The Simple and Complicated Institutional Method of Political Research

N. I. Shestov

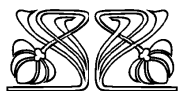
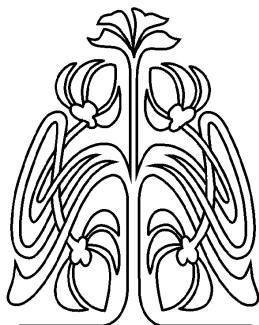
Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

Positive and negative aspects of using the simplified formula of the “institutional method” within political research are the object of this article. The goals that are achieved through applying of this formula are analyzed. The author comes to the conclusion that expressions like “an institutional method was applied” do not act as an attribute of research principles, procedures, and instruments. They play a role of a conventional marker denoting both the general angle through which a political scholar intends to explore politics and the main focus of their research. Such phrases provide evidence of scholars’ willingness to correctly, without breaking their structural and logical integrity, incorporate results of other humanitarian scholarship, attained with the help of this method, into their own studies.

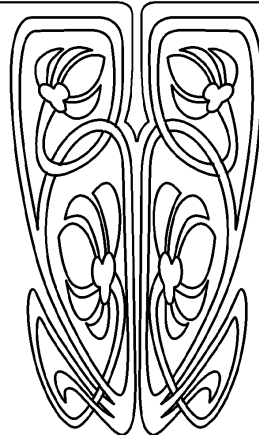
Key words: methods of political research, institutional method.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-430-435>

Институциональный метод входит в ряд «базовых» методов современного отечественного политического исследования. Авторы диссертаций и научных публикаций, посвященных проблематике российской и международной политики, довольно часто заявляют его в качестве одного из элементов или даже основания всей методологии своей творческой работе. И делают это довольно часто именно в такой общей формулировке – «применен институциональный метод». Происходит это вопреки тому очевидному обстоятельству, что и институты современной политики обладают не одинаковыми структурными и функциональными характеристиками, и в науке по этой причине имеет место многообразие смыслов, которыми ее представители наделяют понятия «политический институт» и «институциональный метод»¹.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Получается, что у этих понятий в современной науке нет такого универсального и всеобъемлющего смысла, который политическая наука могла бы просто взять и использовать в своих нуждах. Смыслы этих понятий на деле не существуют вне специфических дискурсов тех наук, которые их используют в интересах методологии. Но политологи упорно используют в своих исследованиях формулировки, которые наличие такого универсального и всеобъемлющего смысла подразумевают.

Что стоит за этим упорством?

Ситуация, заметим, не уникальная для современной отечественной политологии. Политические исследования часто содержат, например, заявки авторов на использование «системного» и «структурно-функционального» методов. Только за минувшее столетие представителями разных наук было сделано немало и очень разных предложений относительно того, что есть «система», «структура» и «функция» и каковы, соответственно, познавательные возможности соответствующих методов². Предложения эти были внедрены в соответствующие исследовательские практики и в них многократно апробированы. Накоплен опыт, отгораживаться от которого политологу нет видимого смысла.

Тем не менее, и желания солидаризироваться с этим опытом, с каким-либо конкретным определением «системы», «структуры» или «функции», которые предлагают другие науки, в этих методологических заявках политологов, как правило, не прослеживается. Отечественные политологи сплошь и рядом в методологии своего исследования оперируют указанными понятиями так, как будто смысл их очевиден не только для профессионального сообщества, но даже для любого образованного человека, и не требует дополнительных уточнений.

Не менее показательны и декларации о намерении применить к изучению современной политики «исторический метод». Авторы таких методологических деклараций обычно точно так же имеют в виду не какое-либо конкретное теоретическое представление о «смысле и назначении» истории. Представления эти в среде профессиональных историков всегда были и остаются разными. Одна часть таких доктрин имеет материалистическую направленность, другая – идеалистическую. Одни доктрины изначально были построены их создателями по канонам рационализма и до сих пор сохраняют соответствующую философскую настройку. Для авторов и современных последователей других историософских доктрин исследовательским *credo* были и остаются позитивизм, модернизм и постмодернизм. Сегодня популярными стали еще и представления об историческом процессе, отталкивающиеся от общих принципов синергетики. Естественным продолжением такого разнообразия в понимании «истории» является не

менее разнообразный ряд определений смысла и назначения «исторического метода»³.

Формулировка «применен исторический метод», напротив, выдает представление политолога, что все это разнообразие смыслов не имеет никакого отношения к методологии его собственного исследования. Что он берет на вооружение некий иной «исторический метод», который, в отличие от «исторических методов» его коллег, обладает целостным и понятным любому человеку смыслом.

Аналогичную картину можно наблюдать также в методологических разделах тех диссертаций и опубликованных исследований по политологии, где речь идет об использовании авторами «социологического» и «психологического» методов. В этих случаях политологами тоже часто не принимается во внимание наличие у специалистов соответствующего профиля разных мнений относительно содержания понятий «социум»⁴ и «психика»⁵, а также относительно смысла социологических и психологических исследований как такового.

Все вместе это позволяет говорить об определенной тенденции в развитии методологии отечественных политических исследований, а именно о тенденции к использованию политологами при написании научных текстов вместо конкретного метода его условного названия. Вместо метода как практического инструмента построения научных интерпретаций мы имеем условно-обобщенное название этого метода, как маркер того общего ракурса, в котором политолог намерен рассматривать политику, и того предмета (проблем), который он в этой политике намерен выделить и изучить. Готовность исследователей современной политики пользоваться при характеристике своей методологии общей формулировкой «политический институт» и не менее общим представлением о границах и порядке применения «институционального метода» вполне вписывается в эту общую тенденцию.

Все вместе это выглядит как вполне оформившаяся современная методологическая традиция отечественной политологии. Традицию непросто изменить, даже если это только научно-корпоративная традиция и связана она с узкой областью научных методов. Но к ней, как и к любой традиции, можно относиться рефлексивно: раз традиция есть, то нечего о ней размышлять, надо ее принимать как данность. А можно относиться к ней осознанно, т. е. понимать ее происхождение и причины устойчивости. Принимать во внимание также последствия приверженности этой традиции для отдельного ученого и его науки в целом для их перспективы в современном мире с его очень высокими запросами на качество научного продукта.

Нельзя полностью исключать, что мотивами готовности некоторых политологов, особенно начинающих, упрощать методологию своего

исследования до перечисления якобы примененных методов являются их недостаточная теоретическая подготовка и банальное стремление решать научные задачи «малой кровью».

Большинство нынешних отечественных политологов – люди компетентные в своей профессии и рационально мыслящие. А потому есть основание предполагать, что их приверженность упомянутой традиции имеет более основательную и рациональную мотивацию. Хотя, может быть, не всегда сами исследователи специально над этой мотивацией размышляют (по обычной человеческой привычке не особенно задумываться над тем, что в их и общественном сознании имеет статус традиции).

Как и в случае с другими, уже упомянутыми «системным», «структурно-функциональным» и прочими методами, не вникать в детали смысла и назначения «институционального метода» политолога сегодня побуждает полное несогласие в рядах теоретиков, создающих научные определения. Политолог имеет перед собой очень разнообразный ряд определений того, что есть «политический институт» и «институциональный метод».

Одни определения рекомендуют ему считать политическим институтом «**систему учреждений и организаций, упорядочивающих** политические и другие общественные отношения с помощью **материальных и идеальных** средств и на основе определенных норм» (здесь и далее выделено нами. – *Н. Ш.*)⁶, другие – «**форму организации деятельности людей**, связанную с функционированием органов государственной власти и управления»⁷.

Третьи предлагают исследователю понятием «политический институт» одновременно обозначать и «закрепленные и документально закреплённые **нормы организации политической жизни**», и «функционирующие на этой основе разнообразные **организации, учреждения, службы политики**», а также устойчивые («функционирующие как мощные мифы») **традиции, принципы и правила политического поведения**⁸.

Четвертые определения рекомендуют компромиссный вариант, согласно которому «...политический институт – это исторически сложившаяся, нормативно закреплённая, организационно оформленная и регулярно воспроизводимая **модель отношений, связанных с завоеванием политической власти, осуществлением общественного управления, а также с участием граждан в этих процессах**»⁹.

Или же другой образец компромисса, когда «политическим институтом» рекомендуется называть некий «устойчивый **вид социального взаимодействия**, регулирующий **определённый сегмент отношений политической власти в обществе**»¹⁰. В последних двух приведенных образцах определений компромисс разных

научных представлений достигается фактически за счет наполнения понятия «политический институт» тем же смыслом, которым мы сегодня наполняем понятие «современная политика». В свете богатого спектра разных атрибуций «политического института», приведенного нами выше, такое его отождествление с «современной политикой вообще» выглядит наиболее естественным решением для аналитического ума политолога.

Попытки использовать все эти, весьма различные, атрибуты для объяснения смысла и назначения «институционального метода» имеют не менее разнообразные результаты. Общей для определений является мысль их авторов, что главное назначение «институционального метода» состоит в изучении «политических институтов». Дальше начинаются существенные различия в понимании того, как практически должен выглядеть порядок такого изучения.

«Институциональный метод, – гласит одно определение, – ориентируется на исследование политических институтов: государства, партий, политических организаций и движений, избирательных систем и иных **регуляторов политической деятельности** и политического процесса. <...> В политологии институциональный метод используется для исследования политических институтов с точки зрения их **правовой законности и общественной легитимности и взаимной совместимости**»¹¹. Ему вторит другое определение: «Институциональный метод связан со стремлением (исследователя. – *Н. Ш.*) выявить определенные **юридические нормы**, проанализировать основные законы общества...»¹²

«В данном подходе, – подчеркивают авторы аналитического обзора методологии отечественной политической науки, – основное внимание уделяется политинститутам (парламенту и правительству, партиям и избирательным процедурам, механизмам разделения властей и конституционному устройству. <...> Представители институционального подхода в своих исследованиях политических режимов описывают **процессы их функционирования и перехода**, главным образом, на языке смены и **упорядочения** институтов»¹³.

Чем в таком случае «институциональный метод» отличается от метода «нормативного», а в аспектах «совместимости», «регулятивности», «функциональности» и «упорядоченности» также отличается от «системного» и «структурно-функционального» методов? Авторы определений, приведенных выше, этого не объясняют.

Авторы других определений, дабы смягчить юридический уклон в формулировках своих коллег, прямо используют для характеристики смысла и назначения «институционального метода» те же формулировки, которые обычно присутствуют в определениях «системного» и «структурно-функционального» методов. Например: «...институциональный метод, который

предполагает, что в центре исследования должны находиться **политические структуры, их свойства и взаимосвязи**, а также фиксированные нормы, на основе которых функционируют эти институты <...> Сам объект рассматривается как целостность, формируемая взаимодействием элементов и находящаяся в **многообразных связях с внешней средой**¹⁴.

Исследователи, которым ближе восприятие политического опыта современного мира через призму достижений политической мысли, предпочитают видеть в «институциональном методе» теоретический инструмент выявления и изучения «институционализма: «...идеи о **способах учреждения** институтов, включая неформальные, и их влияния на политические и управленческие решения)»¹⁵.

Те же специалисты, которым ближе социологическое измерение современной политики, утверждают: «Институциональный метод помогает понять политическую реальность при помощи изучения **групп, контролирующих власть, и политического процесса в целом**»¹⁶. Иначе говоря, с одной стороны, такое определение сужает сферу компетенций «институционального метода» до границ элитологической проблематики, а с другой стороны, в то же самое время предельно расширяет эти компетенции до масштаба всего политического процесса. Тем самым под вопрос ставится потребность политической науки в других методах познания политической реальности, кроме «институционального».

В ряду определений «институционального метода» есть место и для таких, которые сводят компетенции «институционального метода» в политическом исследовании к наделению политической реальности научными оценками: «Данный метод направлен на исследование **места и роли** политических институтов в жизни общества, в происходящих политических процессах»¹⁷.

Это разнообразие определений помогает понять и другой мотив стремления политологов не детализировать свои представления о методе. Такая детализация автоматически сделала бы их исследование зависимым от теоретических ракурсов других наук, а, значит, не вполне «чисто политологическим».

С одной стороны, у современной политической науки вроде бы есть устойчивый набор «базовых» методов, позволяющих ей решать свой специфический и довольно широкий спектр задач. О некоторых из них было сказано выше. С другой стороны, те же методы используют другие гуманитарные науки. Юридическая наука, опираясь на свои методы, включая «институциональный» (точнее «нормативно-институциональный»), говорит нам, как в обществе и государстве все должно быть устроено «по правилам» и «по справедливости». Историческая наука объясняет, почему прежде одним обществам

и государствам удалось этим правилам воспоследовать, а другим нет, какие исторические обстоятельства вмешались в этот процесс. Социология выявляет те обстоятельства, которые выбору общества и государства в пользу «правильной» и «справедливой» жизни содействуют или мешают сегодня. Социальные психологи говорят о том, какую роль в выборе «за» и «против» упомянутых «правил» и «справедливости» обычно играет коллективное сознание обществ. Политология же пользуется исходными данными, взятыми из исследований психологов, юристов, историков и социологов. На основе этих данных она предлагает свои прогнозы того, как в политическом отношении (а часто еще и в правовом, культурном, экономическом и т. д.) будут развиваться общества и государства и как такое развитие будет детерминировано их нынешним и будущим согласием соблюдать «правила» и следовать «справедливости». Хорошо бы в такой ситуации политологам просто позаимствовать у своих коллег смыслы понятий и методов. Но будет ли тогда такое исследование политологическим по своим теоретическим характеристикам и конечным результатам?

Просто свести в один формат разные до противоположности трактовки, допустим, «институционального» метода, созданные усилиями других наук, политическая наука не может. Политологам остается делать вид, что такое разнообразие трактовок метода не критично для решения их наукой своих задач с помощью того или иного метода, «институционального метода» например. Что политологам вполне по силам обойтись в своей методологии самыми упрощенными и общими представлениями о «политическом институте» и «институциональном методе». На деле многие политологи в решении научных задач обходятся простой интуицией.

Не будь такого упрощения и обобщения смысла «институционального метода» и других «базовых методов», политолог сегодня вынужден был бы каким-то образом самостоятельно интерпретировать добытую им информацию о функционировании, например, правовых институтов современных обществ и государств. А это породило бы другие проблемы. В частности, оценки политологом правовых институтов, выведенные на основании не юридического представления о правовых и организационных институциональных основах современной политики, неизбежно отличались бы от оценок юристов. И возник бы вопрос: кто в своих оценках более прав?

Правовая информация, интерпретированная политологом иначе, чем это принято у юристов, неизбежно утратила бы в глазах коллег и его собственных свойство первоисточника и аргумента в пользу собственно политологических оценок. Все это выглядело бы как то, что политолог вторгся в сферу научных проблем, в которой он не компетентен по определению и по традиции

современной науки, что он игнорирует мнение профессионалов. Само по себе упоминание политологом того, что он использует методы других гуманитарных наук как методы собственной науки, служит гарантией основательности и достоверности его собственных научных умозаключений, корректного его обращения с источниками исходной информации. По этой причине присутствие этих методов в структуре политического исследования естественно и необходимо. Естественно выглядит и формулировка «применен институциональный метод», подтверждающая готовность политолога интегрировать наработки своих коллег в структуру собственного исследования, не покушаясь на их исходное содержание.

В сущности, упоминание политологом об использовании «институционального метода», как и других «базовых» методов, без конкретизации важных деталей смысла и не менее важных деталей применения этого метода в различных науках есть публичное заявление о его готовности не конфликтовать с коллегами на почве теории и практики исследовательской работы, принимать результаты научных исследований своих коллег такими, каковы они есть на данный момент, и не привносить в них от себя ничего такого, что могло бы исказить авторский смысл этих результатов. Политолог тем самым подтверждает свое намерение действовать в изучении и прогнозировании современной и будущей политики в общем с другими гуманитариями научном пространстве и по общим правилам.

Если принять во внимание все, сказанное выше, то становятся понятными методологические смысл и назначение в политическом исследовании формулировки «применен институциональный метод». Формулировка сообщает читателю и эксперту научного труда политолога о намерении последнего **выявить в политическом процессе некие зоны (или сферы) относительной устойчивости (институционализируемая политика) либо неустойчивости (неинституционализируемая политика) структур, механизмов и ресурсов политики, интересов ее субъектов.** И сделать это корректно с научной точки зрения, не провоцируя у кого-либо каких-либо сомнений в научности собственного труда. В этом смысле употребление в политическом исследовании упрощенно-общей формулировки «применен институциональный метод», ставшее для отечественной политической науки своеобразной традицией, имеет свое оправдание в самой исследовательской практике политологов.

Нельзя, однако, игнорировать и негативно-го аспекта такого отношения к научному методу, распространенного в среде политологов. В отношении этом заключены немалые стратегические риски для будущего политической науки в России. Риски эти связаны как с доверием, с

которым к политической науке будут относиться общество и его элиты, так и с самочувствием самих политологов, их уверенностью в необходимости себя и своей профессии для российских общества и государства. В последние несколько лет такой уверенности в политологах заметно поубавилось, особенно в российских провинциальных политологических сообществах¹⁸.

В современных науках одним из важных источников доверия со стороны общества и коллег к ученому и к его занятиям является именно внимание этого ученого к вопросам теории, его самостоятельный вклад в развитие этой теории. Исследователь может иметь на руках самые полные и проверенные факты, но проявить небрежность в вопросах теории и потому интерпретировать эти факты некорректно. Причем этот вклад должен быть очевиден.

Устоявшаяся практика комбинирования в современных политических исследованиях методов, давно известных другим гуманитарным наукам и часто без малейшего намека на какую-то конкретику и новизну в понимании и применении того или иного метода, лишает прогресс методологии политических исследований, который есть и подтвержден многочисленными и оригинальными трудами отечественных специалистов по теории и философии политики в минувшие три десятилетия, той очевидности, которая так важна для признания успехов политической науки в нашей стране российскими обществом и государством.

К этому надо добавить, что нынешняя традиция отношения к методологии собственных исследований, при всей ее вроде бы естественности, негативно сказывается на самочувствии самих политологов. Для них, привыкших, что результат их исследовательской работы мало зависит от качества проработки методологии, тоже неочевидны успехи собственной науки в области теории и практики исследовательской работы. А это служит, особенно для начинающих исследователей, оправданием общей небрежности в проведении ими исследовательских процедур, а также в оформлении их результатов. Формулировки типа «достоверность результатов проведенного исследования обеспечивается совокупностью примененных научных методов» кочует по страницам политологических диссертаций и авторефератов. Для начинающего исследователя, ищущего признания в научном сообществе, для экспертов его научного труда эта формулировка, к сожалению, остается наиболее весомым, а иногда и единственным аргументом в пользу своей профессиональной компетентности и практического смысла своих творческих усилий. Аргументом, заметим, не очень убеждающим (если судить по снижению числа написанных и защищенных диссертаций) не только основных заказчиков на достоверное знание о политике, общество и власть, но даже самих политологов.

Им остается гадать, действительно ли и каким образом эта «совокупность методов» обеспечила их коллеге тот новый и практически значимый результат исследования, на существовании которого он настаивает.

Примечания

- ¹ См.: *Ваславский Я. И., Габуев С. В.* Неинституциональный подход как методологическая основа исследования электронного правительства // *Вестн. МГИМО-Университета*. 2016. № 6 (51). С. 60–75.
- ² См.: *Шестов Н. И.* «Облачные» свойства методологии современного политического исследования // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 62–71. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-62-71 ; *Его же.* «Облачное» свойство структурно-функционального метода политического исследования // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 328–333. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-328-333
- ³ См., например: *Исторический метод* // *Философия науки и техники : тематический словарь / сост. : С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова*. Орел : ОГУ, 2010 ; *Лебедев С. А.* *Исторический метод* // *Философия науки : Словарь основных терминов*. М. : Академический Проект, 2004.
- ⁴ См.: Что такое понятие социум : значение слова в психологии, философии. URL: <https://obrazovanie.guru/psihologiya/chto-takoe-ponyatie-sotsium-znachenie-slova-v-filosofii.html> (дата обращения: 20.09.2018).
- ⁵ См.: *Психика* // *Национальная философская энциклопедия*. URL: <http://terme.ru/termin/psihika.html> ; *Психика* // *Философская энциклопедия*. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1002/%D0%9F%D0%A1%D0%98%D0%A5%D0%98%D0%9A%D0%90 (дата обращения: 20.09.2018).
- ⁶ Политический институт. URL: <https://studfiles.net/preview/5623040/page/4/> (дата обращения: 01.10.2018).
- ⁷ Политический институт. URL: <http://ege59.ru/2017/04/26/politicheskij-institut-eto/> (дата обращения: 01.10.2018).
- ⁸ Институт политический. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/66/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%82#> (дата обращения: 01.10.2018).
- ⁹ *Абрамов А. В.* Политический институт и политическая институционализация : определение понятий // *Власть*. 2010. № 5. С. 53–55.
- ¹⁰ Политический институт // *Политология. Словарь по обществознанию*. URL: <http://politike.ru/termin/institut-politicheskii.html> (дата обращения: 06.10.2018).
- ¹¹ Политология. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/metody-politologii.html> (дата обращения: 06.10.2018).
- ¹² Методы политологии // *Политология : Словарь-справочник*. URL: https://political_science.academic.ru/523/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%9E%D0%94%D0%AB_%D0%9F%D0%9E%D0%9B%D0%98%D0%A2%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%98 (дата обращения: 01.10.2018).
- ¹³ Актуальная проблема методологии политической науки. Эволюция методов политологии. URL: <https://infopedia.su/3x763f.html> (дата обращения: 08.10.2018).
- ¹⁴ Методы политологии // *Diplomba* : [сайт]. URL: <http://diplomba.ru/work/105864> (дата обращения: 10.10.2018).
- ¹⁵ *Ирхин Ю. В.* Методология и методика современного политического анализа : подходы и проблемы // *Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право*. 2012. Т. 5, № 6. С. 75.
- ¹⁶ Методы исследования в политологии. URL: <http://politics.ellib.org.ua/pages-6459.html> (дата обращения: 12.10.2018).
- ¹⁷ Институциональный метод // *Studme. org*. URL: https://studme.org/1494080724309/politologiya/institutsionalnyy_metod (дата обращения: 12.10.2018).
- ¹⁸ См.: *Вилков А. А.* К проблеме субъективизма в оценке политологических исследований // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 65–70. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-1-65-70

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Простой и сложный институциональный метод политического исследования // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 430–435. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-430-435>

Cite this article as:

Shestov N. I. The Simple and Complicated Institutional Method of Political Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 430–435 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-430-435>

УДК 321.022

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

В. А. Труханов

Труханов Виктор Александрович, доктор политических наук, профессор кафедры истории, политологии, социологии и сервиса, Саратовская государственная юридическая академия, truhanov_viktor@mail.ru

В статье раскрываются различные подходы к определению понятия «национальная безопасность». Среди них автор выделяет: подход, основанный на защищенности среды жизнебытия, достоинства, ценностей личности, социальных групп, государства, общества, в целом цивилизации; подход, основанный на деятельности людей по выявлению, предупреждению, ослаблению, устранению и отражению опасностей и угроз; системный подход и др. Предлагается рассматривать национальную безопасность в многообразии методологических подходов, выбор которых зависит от целей исследования. Также дается авторская трактовка данного понятия как защита национального бытия через реализацию национальных интересов, ценностей и целей.

Ключевые слова: национальная безопасность, теория национальной безопасности, система национальной безопасности, национальное бытие.

Theoretical and Methodological Interpretation of the Concept of National Security in the Political Science and Practice

V. A. Trukhanov

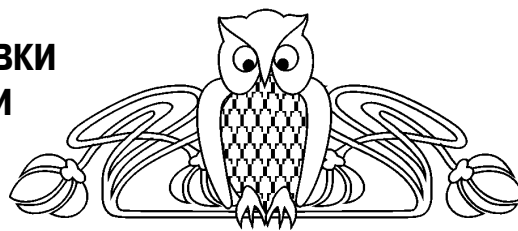
Victor A. Trukhanov, <https://orcid.org/0000-0002-2728-59-53>, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Str., Saratov, 410056, Russia, truhanov_viktor@mail.ru

The article reveals different approaches to the definition of the concept of "national security". Among them the author distinguishes the approach based on the protection of the environment inbyte, dignity, values, personality, social groups, the state, society, civilization as a whole; approach is based on activity on the identification, prevention, weakening, elimination and the reflection of hazards and threats; a system approach and others. In turn, the author proposes to consider national security in a variety of methodological approaches, the choice of which depends on the objectives of the study. Also the author's interpretation of this concept as protection of national life through realization of national interests, values and the purposes is given.

Key words: national security, theory of national security, system of national security, national existence.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-436-438>

Все чаще в политологическом дискурсе при описании политических отношений употребляются такие категории, как «риски», «вызовы», «скрытая угроза», «опасность», «безопасность», «национальная безопасность», «национальная оборона», «военная мощь», «военная сила» и т. п.

Говоря об этих категориях, есть смысл остановиться более подробно на сущности понятия «национальная безопасность», тем более что периодическое уточнение научных категорий и дефиниций только повышает качество теории. Особенно это важно в политологическом образовании.

История использования термина «национальная безопасность» уходит своими истоками к началу прошлого века, и считается, что впервые это словосочетание употребил в политическом лексиконе американский президент Теодор Рузвельт. С того времени практическое применение этого термина и теоретические исследования, предметом которых являлась данная категория, достаточно широко и всесторонне раскрыли значимость национальной безопасности как для политической реальности, так и для политической науки.

В нашей стране активное использование этой категории началось в начале 1990-х гг., и сопровождалось это серьезной полемикой по поводу сущностного содержания и правомерности ее использования в отечественной политической практике. Здесь налицо расхождение точек зрения на использование категории «национальная безопасность» у политиков и ученых. Если власть уже однозначно определилась с сущностью термина «национальная безопасность», то в ученом сообществе до сих пор нет единого мнения по содержанию данного понятия.

В связи с этим рассмотрим эволюцию теоретических подходов и мнений на этот счет, развернувшихся с начала 90-х гг. прошлого столетия в отечественном гуманитарном дискурсе. Следует сразу подчеркнуть, что сформулировать определение национальной безопасности крайне сложно ввиду разнородности и труднопоставимости теоретических подходов к данной категории.

Одни исследователи понимают безопасность как защищенность среды жизнебытия, чести, достоинства, ценностей личности, социальных групп, государства, общества, цивилизации в целом¹. Другие ученые характеризуют ее как деятельность людей, общества, государства, мирового сообщества, народов по выявлению, предупреждению, ослаблению, устранению и отражению опасностей и угроз, способных погубить их, лишиться фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый ущерб, закрыть путь для прогрессивного развития².

Достаточно часто национальная безопасность рассматривается как функционирование

определенной системы. Система национальной безопасности представляет собой разновидность социальной системы, сущность которой наиболее полно отражается в следующем определении: система – это комплекс взаимосвязанных элементов, предназначенных для достижения общей цели³.

Используя методологический подход Д. Истона, можно сказать, что с данной точки зрения национальная безопасность будет рассматриваться как совокупность реакций политической системы на вызовы окружающей среды.

По существу, системный подход сводится к требованию всесторонности, комплексности исследования любого объекта или явления. При этом комплексность системного подхода проявляется в том, что наряду с рассмотрением системы как единого целого, т. е. комплексно, учитываются как положительные, так и отрицательные ее свойства или комплекс свойств, все ее связи и взаимодействия с окружающей средой, а также все возможные последствия ее целевого функционирования.

Именно с точки зрения системного подхода высвечивается специфичность проблемы, когда качество политической системы зависит от ее способности нейтрализовать риски; если такая зависимость политической системы от рисков существует, то снижается ее эффективность.

Анализируя различные подходы к определению «национальная безопасность», автор считает, что целесообразно и даже необходимо рассматривать национальную безопасность в многообразии методологических подходов, выбор которых зависит от тех целей, которые ставит перед собой исследователь.

Важная исходная позиция для определения сущности безопасности была высказана более 130 лет назад В. И. Далем. В его словаре понятие «безопасность» определено как отсутствие опасности, сохранность, надежность⁴. В словаре С. И. Ожегова дается следующее определение: «безопасность – положение, при котором не угрожает опасность»⁵.

В СССР и в РФ в существующих подходах до 1992 г. безопасность личности, общества была подчинена в основном безопасности государства. Встав на путь демократического транзита, Россия была вынуждена пересмотреть и мировоззренческий подход к безопасности личности, общества и государства: повернуться к безопасности личности как основополагающей составляющей триады объектов национальной безопасности. Это положение было зафиксировано в новой Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»⁶.

В постсоветской России официально понятие безопасности было определено в Законе РФ «О безопасности», введенном в действие Постановлением Верховного Совета 5 марта 1992 г. Статья 1 этого Закона определяет безопасность

как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»⁷.

Такой подход позволил отойти от прежней, узкой трактовки безопасности, под которой понималась исключительно государственная безопасность. Обращаем внимание на последовательность приоритетов объектов защиты, с которой нельзя не согласиться, – от индивидуума, через социум и до инструмента политической системы – государства. Таким образом, Закон закрепил принципиально новый для нашей страны качественный скачок в подходе к проблеме безопасности, что проявилось в приоритете, прежде всего, интересов личности и общества. По своему содержанию понятие «безопасность», описанное в Законе, более соответствует принятому в мировой практике термину «национальная безопасность».

Применительно к России термин «национальная безопасность» охватывает всю совокупность входящих в нее наций и национальных групп. Это было закреплено законодательно в Концепции национальной безопасности РФ: «... национальная безопасность Российской Федерации – это безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации»⁸ (в настоящее время отмененной Указом Президента РФ № 537 от 12 мая 2009 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»).

Рассматривая официальную трактовку понятия «национальная безопасность», считаем, что теоретически необоснованно представлять национальную безопасность как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации⁹, поскольку понятие «безопасность» рассматривается как защищенность объектов от каких-либо возможностей нанесения ущерба. Недостаточность такого определения заключена еще и в том, что защищенность – это то состояние, которое возникло уже после совершения какого-либо действия. В данном случае – после нейтрализации угрозы, опасности. И это лишь один из вариантов реагирования на угрозу, которую можно и избежать, сохраняя при этом способность защищаться в активной форме.

Безопасность – это также и свойство любой системы, объекта, условие их существования и развития, это и процесс, и результат самой деятельности, предполагающей ее осмысленность с точки зрения приемлемого риска.

Становится ясным, что официальная трактовка понятия «безопасность» является недостаточно полной в силу того, что отражает лишь ее качественную определенность, т. е. «состояние

защищенности», а если его нет, следовательно, нет и безопасности.

Отсюда следует важный вывод: безопасность – не есть состояние защищенности интересов субъекта, безопасность вообще не есть бы то ни было состояние. Безопасность есть условия существования субъекта, контролируемые им. Безопасность, в общем виде, есть специфическая совокупность условий деятельности. Именно поэтому говорят о «безопасных условиях деятельности», о нахождении кого-либо или чего-либо «в безопасных условиях» и т. д. Находиться в безопасности – значит находиться в безопасных условиях, т. е. в таких, которые субъект в состоянии контролировать в процессе своей деятельности

Полагаем, что в качестве основы для раскрытия содержания безопасности важно рассматривать формулу Платона, считавшего, что состояние безопасности соответствует «предотвращению вреда»¹⁰.

Также и многие современные российские исследователи считают принципиально важным, чтобы при формировании и проведении в жизнь политики и стратегии национальной безопасности приоритет отдавался не состоянию защищенности, а последовательной, твердой и эффективной реализации ценностей и интересов в обстановке различных опасностей и угроз¹¹. Данное положение важно также и тем, что приоритет функций реализации национальных интересов перед их защитой позволяет придать политике и стратегии национальной безопасности активность, наступательность, а значит, и результативность.

Исходя из вышесказанного, предлагаем рассматривать национальную безопасность как «защиту национального бытия через реализацию национальных интересов, ценностей и целей»¹². Именно защита национального бытия, так как характеристикой любого конкретного общества выступает национальное бытие. Российское национальное бытие отражает сложившееся понятие, вбирающее в себя социальные, духовные, культурные и психологические аспекты жизни многонационального населения в целом, его отдельных социальных и этнических групп, а также семьи как первичной ячейки общества. «Бытие» как понятие отражает устойчивые, в определенном смысле консервативные элементы, изменение которых происходит эволюционным путем, на протяжении длительного периода, и даже переходя в новое качество, они, эти элементы, по-прежнему тесно связаны с их прошлым содержанием, что делает их «узнаваемыми», отличительными и

позволяет тем самым рассматривать их как существенные характеристики всего процесса исторического развития страны.

Такая трактовка понятия «национальная безопасность» позволяет нам выделить два главных направления ее обеспечения: а) активную защиту от угроз и опасностей; б) создание условий надежного существования и прогрессивного развития всего общества. Первое предполагает создание и функционирование системы противодействия, адекватной угрозам и опасностям, второе – деятельность по созданию и накоплению материального, духовного и других потенциалов и их использованию для реализации национальных интересов.

В связи с этим следует отметить, что национальная безопасность – это не просто абстрактная научная категория, по сути которой можно вести споры до бесконечности. В сложившихся геополитических, внутривластных, экономических, экологических, социальных условиях теория и практика национальной безопасности должна стать учебной дисциплиной в структуре политологического образования.

Примечания

- 1 См.: Митрохин В. И. Концептуальные основы стратегии национальной безопасности России // Социально-политический журнал. 1995. № 6. С. 23.
- 2 См.: Серебрянников В. В., Дерюгин Ю. И., Ефимов Н. Н., Ковалев В. И. Безопасность России и армия. М., 1995. С. 63.
- 3 См.: Методология военно-научного познания. М., 1977. С. 363.
- 4 См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 67.
- 5 Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1983. С. 39.
- 6 Конституция Российской Федерации. М., 1993. С. 5.
- 7 О безопасности : закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (ред. от 26.06.2008). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 8 Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. 2000. № 1 (174). 14 янв.
- 9 См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 22.08.2018).
- 10 См.: Платон. Сочинения : в 3 т. М., 1971. Т. 3, ч. 1.
- 11 См.: Манилов В. Л. Национальная безопасность : ценности, интересы и цели // Военная мысль. 1995. № 6. С. 40.
- 12 Труханов В. А. Система национальной безопасности : влияние социального фактора (на примере казачества) : дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2003. С. 101.

Образец для цитирования:

Труханов В. А. Теоретико-методологические трактовки понятия национальной безопасности в политической науке и практике // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 436–438. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-436-438>

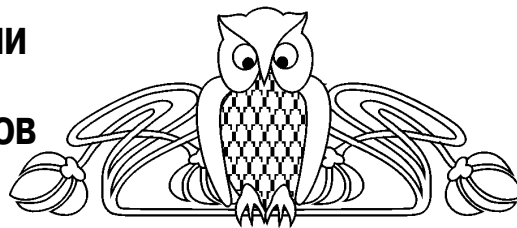
Cite this article as:

Trukhanov V. A. Theoretical and Methodological Interpretation of the Concept of National Security in the Political Science and Practice. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 436–438 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-436-438>

УДК 327.8

ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

А. А. Вилков, Д. В. Попонов, М. С. Козлова,
С. В. Курганова, А. А. Казаков

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vil57@yandex.ru

Попонов Денис Вячеславович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, poponovdv@mail.ru

Козлова Маргарита Сергеевна, кандидат социологических наук, руководитель социологического направления, Центр региональных политических исследований, Саратов, kmargos@yandex.ru

Курганова Светлана Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kurganovasv@gmail.com

Казаков Александр Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, aldr.kazakov@gmail.com

В статье приведены результаты опроса 645 жителей Саратовской области на предмет их оценки ресурсного потенциала общественной дипломатии в регионе. Определена роль мобильности граждан стран ближнего зарубежья, а также сети родственных и личных контактов в развитии практик общественной дипломатии на региональном уровне. Обоснован тезис о том, что одной из болевых точек в данной сфере является характер взаимоотношений с трудовыми мигрантами: их расширение может способствовать росту социальной напряженности и стать причиной конфликтов, большинство из которых обусловлены комплексом нерешенных социально-экономических проблем, а также низким уровнем жизни и социокультурной толерантности как местного населения, так и приезжих. Сделан вывод о том, что сдерживающим фактором для развития практик общественной дипломатии на межличностном уровне выступает сложившийся непривлекательный социально-экономический имидж региона.

Ключевые слова: общественная дипломатия, социологический опрос, ресурсный потенциал, Саратовская область, Казахстан, Украина, Беларусь.

Public Diplomacy Potential in Saratov Region: Opinion Poll Results' Analysis

А. А. Вилков, Д. В. Попонов, М. С. Козлова, С. В. Курганова,
А. А. Казаков

Alexander A. Vilkov, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, vil57@yandex.ru

Denis V. Poponov, <https://orcid.org/0000-0003-3441-1548>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, poponovdv@mail.ru

Margarita S. Kozlova, <https://orcid.org/0000-0003-4875-5667>, Center of Regional Political Studies, 55, Moscovskaya Str., Saratov, 410031, Russia, kmargos@yandex.ru

Svetlana V. Kurganova, <https://orcid.org/0000-0001-8212-3685>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, kurganovasv@gmail.com

Alexander A. Kazakov, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, aldr.kazakov@gmail.com

The article contains the results of the opinion polls concerning the way people evaluate public diplomacy potential in Saratov region. The role of mobility of near abroad states' citizens, as well as networks of personal and kindred contacts in developing public diplomacy practices is defined. The idea is stated that one of the hot issues in this sphere is a range of relations with immigrant laborers: deepening of these relations may well increase social instability and lead to conflicts caused by a complex of unsettled social and economic problems and low levels of life and tolerance of both the locals and immigrants. An inference is made that the current unsavory social and economic image of Saratov region impedes the development of public diplomacy practices within interpersonal level.

Key words: public diplomacy, opinion poll, resource potential, Saratov region, Kazakhstan, Ukraine, Belarus.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-439-444>

В современной исследовательской литературе наряду с традиционными подходами к анализу дипломатии, в рамках которых дипломатическая деятельность рассматривается как исключительная прерогатива государства и его специализированных органов и официальных должностных лиц, используются новые трактовки, пересматривающие круг вовлеченных в эту сферу субъектов¹. В качестве новых дипломатов рассматривается весьма широкий круг негосударственных акторов, способных за счет собственных коммуникационных ресурсов и возможностей решать определенный набор дипломатических задач, дополняя, но не подменяя в этом государство. При этом, помимо структур гражданского общества (прежде всего, некоммерческих неправительственных организаций, фондов, средств массовой информации), к общественным (публичным) дипломатам можно причислить и простых граждан,

также вовлеченных в коммуникационные процессы не только в границах своего государства, но и за его пределами².

В целях изучения коммуникационных и информационных возможностей граждан в сфере общественной дипломатии, уточнения мотиваций данной деятельности и используемых практик в апреле – мае 2018 г. был проведен социологический опрос жителей Саратовской области. Методом стандартизированного интервью было опрошено 645 респондентов из отдельных районных центров региона, в том числе муниципалитетов, граничащих с регионами Республики Казахстан³.

В структуре выборки по гендерному признаку преобладали женщины – 54% против 46% мужчин, что соответствует гендерному распределению населения Саратовской области. Средний возраст опрошенных составил 45,5 года. Более половины респондентов (55,2%) имеют среднее профессиональное, почти треть (29,6%) – высшее образование. С точки зрения социального положения самые представительные группы респондентов составили пенсионеры (27,4%), рабочие (24,5%), специалисты (11,4%) и предприниматели (9,3%). В исследовании приняли участие представители 23 национальностей, среди которых доминировали русские (80,5%), казахи (5,7%), татары (2,9%), армяне (2,0%) и украинцы (1,9%). 87,6% респондентов, принявших участие в исследовании, родились на территории России (РСФСР), 12,4% когда-то прибыли в Россию (РСФСР) из других стран или республик СССР (в основном из Казахстана, Украины, Армении и Узбекистана). В качестве факторов, обуславливающих миграцию и выбор ее направления, респонденты чаще всего отмечали семейные обстоятельства (42,5%), а также политические (24,7%) и экономические причины (13,7%).

Широкая сеть родственных и личных контактов на постсоветском пространстве выступает хорошей основой для развития на региональном уровне практик общественной дипломатии. Значимых ограничений для поддержания и развития данных коммуникаций не просматривается. Возможные препятствия носят в основном субъективный характер и связаны преимущественно с отсутствием финансовых возможностей и личных мотиваций. Коммуникации весьма интенсивны, но слабо институализированы и поддерживаются в основном на дистанционной основе (посредством телекоммуникационных сетей и средств массовой информации).

Каждый третий житель Саратовской области сегодня поддерживает контакты с гражданами бывших союзных республик, что потенциально выступает хорошей основой для реализации практик общественной (публичной) дипломатии. Наиболее плотные коммуникации сложились с тремя республиками – Украиной, Беларусью и Казахстаном. Так, контакты с Украиной сохранили более 40,0% респондентов (42,1%), с Казахстаном – более трети (36,4%), с Беларусью – каждый пятый

(20,1%) опрошенный. О наличии тесных связей с Казахстаном заявили 30,2% участников опроса, с Украиной – 26,9%, с Беларусью – 13,2%.

Связи и контакты с другими странами постсоветского пространства значительно менее структурированы и интенсивны. На долю всех республик бывшего СССР (за исключением Украины, Казахстана и Беларуси), в которых проживают родственники, друзья и знакомые респондентов, приходится 51,3% всего массива ответов. О наиболее близких связях с этими странами в совокупности заявили всего 25% участников опроса.

Взаимодействие с близкими, друзьями и знакомыми в странах ближнего зарубежья поддерживается в дистанционном режиме – с помощью телефонной связи и Интернета, две трети опрошенных (70,3%) при этом периодически следят за новостями, используя средства массовой информации постсоветских стран. Половина опрошенных (48,2%) могут позволить себе краткосрочные поездки к своим родственникам, друзьям и знакомым в страны ближнего зарубежья, каждый третий (32,8%) – поездки на срок более одной недели. Возможности для участия в религиозных и общественных мероприятиях, трудоустройства, получения образования в странах ближнего зарубежья есть у 20–23% опрошенных.

Интенсивность коммуникаций весьма высока. Из респондентов, сохранивших тесные связи со странами ближнего зарубежья, в последние, предшествовавшие опросу, полгода лишь 2,3% не общались со своими родными, друзьями и коллегами, проживающими там. В частности, 53,8% респондентов отметили, что общались с родственниками, друзьями, знакомыми по телефону или посредством сети Интернет, 19,3% – ездили в гости (в основном на срок от 1 до 2 недель). Достаточно популярны также и средства массовой информации постсоветских стран, материалами которых пользуются 33,9% участников опроса. Малоразвитыми остаются экономические и культурные коммуникации – лишь 7,6% респондентов совершали деловые поездки, взаимодействовали по поводу работы, совершали покупки, 1,8% посещали религиозные и общественные мероприятия, 1,2% получали образование.

Более трети опрошенных (34,9%) не сталкиваются с какими-либо препятствиями при общении со своими родственниками, друзьями и знакомыми в странах ближнего зарубежья. Однако для остальных ограничения существуют, и связаны они преимущественно с возможностями и потребностями самого респондента и его семьи, в частности с отсутствием финансовых возможностей (29,6%) и времени (10,6%). В качестве значимых объективных обстоятельств, ограничивающих контакты, отмечались повышенная политическая конфронтация в мире и, в частности, на постсоветском пространстве (9,5%), визовый и пограничный режим (3,2%), отсутствие гражданства (1,6%). Ликвидация этих и других барьеров,

по мнению участников опроса, может стимулировать коммуникации.

Мобильность граждан стран ближнего зарубежья также выступает значимым фактором для развития общественной дипломатии на региональном уровне, создавая потенциальные возможности для деятельности в данном направлении. Сеть сложившихся коммуникаций не формализована и основывается на необходимости поддержания кровнородственных связей. «Трафик» стимулирует приграничный статус региона на центрально-азиатском направлении, а также развитость ряда национальных общин (в частности армянской и азербайджанской), находящихся на территории Саратовской области.

Две трети участников опроса (72,4%) утвердительно ответили на вопрос о том, посещают ли время от времени граждане стран ближнего зарубежья их родной населенный пункт. Обратного мнения придерживается каждый четвертый респондент (25,1%). Лидерами «трафика» являются жители приграничного Казахстана (56,4% от числа отметивших, что граждане стран ближнего зарубежья посещают их родной населенный пункт), Азербайджана (54,8%), Армении (52,9%), далее в порядке убывания следуют Украина (44,6%), Узбекистан (30,4%), Таджикистан (25,4%) и Беларусь (24,1%).

При этом 8,4% участников опроса отметили, что за последние полгода, предшествующие опросу, лично их или членов их семей посещали граждане стран постсоветского пространства. Большинство приезжих – граждане Казахстана (56,1% от общего количества респондентов, которые лично принимали гостей из стран ближнего зарубежья), Украины (14,6%) и Беларуси (12,2%). В основном это родственники, которые приехали «в гости» или на семейное мероприятие, на весьма непродолжительный срок – на одну-две недели.

Важно подчеркнуть, что данные коммуникации весьма устойчивы и рассчитаны на долгосрочную перспективу. Более 90% участников опроса (91,9%) выразили готовность встречаться с гостями из бывших союзных республик в будущем, что в очередной раз подтверждает тезисы о широкой сети межличностных коммуникаций жителей области на постсоветском пространстве и существовании объективных условий для осуществления деятельности в сфере общественной дипломатии.

Коммуникации с гражданами из стран ближнего зарубежья конструктивны, в целом не конфликтны и чаще всего сводятся к обсуждению личных и бытовых вопросов, а также тесно связанной с ними ситуации в экономике. Одной из точек напряженности можно считать комплекс взаимоотношений с трудовыми мигрантами, расширение которых может потенциально способствовать росту социальной напряженности и стать причиной конфликтов, большинство из которых обусловлены низким уровнем социокультурной толерантности как местного населения,

так и приезжих, низким уровнем жизни и регионе и комплексом нерешенных социально-экономических проблем.

Коммуникации с гражданами ближнего зарубежья в основном сводятся к обсуждению личных и бытовых вопросов (об этом заявили 63,3% участников опроса), различных тем, связанных с уровнем жизни населения государств (38,0%) и экономическим положением стран (35,6%). Также в качестве тем для обсуждения выступают события культурной жизни (21,7%) и внутривластная ситуация (18,8%).

Отношение респондентов к приезжающим в регион из стран ближнего зарубежья иностранцам в целом дружелюбное. К родственникам, друзьям, знакомым дружелюбно относятся 78,0% опрошенных, к студентам – 73,3%, туристам – 70,6%. Доля участников опроса, враждебно настроенных к этим группам иностранных граждан, составляет 2–3%. Большой негатив наблюдается в отношении граждан, переезжающих в регион на постоянное место жительства (относятся дружелюбно 57,5% участников опроса, враждебно – 8,9%), трудовых мигрантов (50,9 и 9,1% соответственно) и предпринимателей (54,4 и 7,3% соответственно).

Оценки, которые участники опроса давали, характеризуя отношение жителей населенного пункта, в котором они проживают, к приезжим из стран ближнего зарубежья, как правило, еще больше смещены в сторону негативных. И если в отношении родственников, друзей, знакомых, а также студентов и туристов рост данных показателей находится в пределах 1,0%, то о враждебном отношении своих земляков к трудовым мигрантам заявили 13,5% респондентов (рост на 4,4%), предпринимателям – 10,6% (рост на 3,3%), переселенцам – 10,5% (рост на 1,6%). На этом фоне наблюдается и снижение показателей дружелюбного отношения к представителям различных социальных групп из стран ближнего зарубежья – наибольшее в отношении родственников, друзей, знакомых (снижение на 18,5% – до 59,5%) и студентов (на 18,4% – до 54,9%), наименьшее – в отношении предпринимателей (на 9,1% – до 45,3%) и трудовых мигрантов (на 10,7% – до 40,2%).

Преобладание более мягких и «политически корректных» суждений у респондентов, когда они характеризуют свое собственное отношение к приезжающим в регион из стран ближнего зарубежья иностранцам, в целом ожидаемо и может быть объяснено попытками завуалировать действительность, перенося акценты на групповой, обезличенный уровень. Однако, несмотря на разницу в показателях, основные точки напряжения в отношениях местных жителей с приезжими гражданами ближнего зарубежья не отличаются друг от друга и лежат в экономической (трудоустрой) плоскости, что обусловлено, прежде всего, непростой экономической ситуацией, сложившейся в регионе, а также особенностями культуры и поведения представителей отдельных этнических

групп, не всегда укладываемых в общепринятые местные правила

Примечательно, кстати, что со стороны приезжих респонденты не отмечают явно просматривающегося негатива и враждебности в адрес местного населения. Более половины участников опроса уверены, что граждане стран ближнего зарубежья дружелюбно относятся к местным жителям; напротив, доля тех респондентов, которые уверены в обратном, не превышает 5% в разрезе различных социальных групп.

О конструктивности выстроенных отношений с приезжими из стран ближнего зарубежья гражданами свидетельствуют сравнительно низкие показатели конфликтности. По результатам опроса, лишь 9,0% респондентов заявили, что вступали в конфронтацию с гражданами постсоветских республик. Чаще всего конфликтные ситуации развивались с участием граждан Азербайджана (с ними сталкивались 35,3% респондентов, которые выступали участниками конфликта), Украины (23,5%), Армении и Таджикистана (по 11,8%).

В качестве причин конфронтации в большинстве случаев респонденты отмечали вызывающее поведение приезжих и нарушение ими норм поведения в общественных местах (на это обратили внимание 39,5% участников опроса, вовлеченных в конфликтную ситуацию). В качестве факторов конфликта 18,4% опрошенных отметили личную неприязнь, еще столько же подчеркнули, что конфликт возник из-за конкуренции на рынке труда. По 13,2% респондентов вступили в конфликт из-за денежного вопроса и политических убеждений.

Случившиеся конфликты, как правило, разрешаются на уровне неформального межличностного общения (об этом заявили 41,5% участников опроса); 17,1% опрошенных отметили, что урегулировали конфликт с помощью полиции и других представителей органов власти, столько же – с помощью близких и знакомых.

Межличностные и деловые отношения на постсоветском пространстве необходимо развивать, они взаимовыгодны и позволяют укреплять межгосударственные связи во всех сферах общественной жизни. В разрезе отдельных государств основными бенефициарами интеграционных процессов являются россияне, казахи, белорусы, азербайджанцы и армяне. И Казахстан, и Беларусь при этом называются основными стратегическими партнерами Российской Федерации на постсоветском пространстве, а Украина отмечается в числе стран, с которыми необходимо укреплять политические связи.

Более 85% участников опроса (85,3%) считают, что взаимодействия между странами на постсоветском пространстве полезны и должны укрепляться, 80,5% отметили значимость данных коммуникаций для российского общества.

Определенная последовательность данных оценок просматривается и при анализе ответов на конкретизирующий вопрос о том, кто больше

всего выиграет от развития отношений между странами на постсоветском пространстве. Почти половина респондентов (44,6%) ответили, что от интеграции выиграют все народы. Вторым по массовости стал ответ «россияне» (такого мнения придерживаются 21,5% участников опроса), третьим – ответ «казахи» (11,7%). Также относительно высокими результатами можно считать варианты ответов: «белорусы» – 9,5% респондентов, «азербайджанцы» – 8,7% и «армяне» – 8,0%.

Большинство опрошенных считают, что в перспективе необходимо укреплять экономические, политические и культурные связи со всеми странами постсоветского пространства. При этом в числе стран ближнего зарубежья, с которыми, по мнению участников опроса, Российской Федерации необходимо укреплять отношения, чаще всего упоминаются Беларусь, Казахстан и Украина. О необходимости укрепления экономических связей с Республикой Казахстан заявили 17,7% респондентов, с Республикой Беларусь – 17,2%, с Украиной – 7,2%. Меры, направленные на укрепление политического сотрудничества с этими странами, поддерживают в общей сложности более четверти участников опроса (по 13,5%), еще 12,0% выступают за налаживание политических контактов с Украиной. Также Республика Беларусь лидирует в списке стран, с которыми необходимо укреплять культурные связи, – об этом заявили 14,7% респондентов. За развитие сотрудничества в сфере культуры с Республикой Казахстан высказались 12,9% участников опроса, с Украиной – 7,3%.

Частота упоминания других стран ближнего зарубежья в качестве экономических, политических и культурных партнеров Российской Федерации, с которыми, по мнению респондентов, необходимо укреплять отношения, не превышает 7%. Однако, на наш взгляд, подобные оценки нельзя оценивать с позиций неприятия участниками опроса данных стран. Лидирующие позиции Беларуси и Казахстана в перечне потенциальных стран-партнеров могут быть объяснены исключительно с позиций собственного жизненного опыта респондентов, их определенного социокультурного, экономического и политического горизонта, сложившейся сети личных и деловых контактов, круга межличностного общения.

Сдерживающим фактором для развития на межличностном уровне практик общественной дипломатии выступает сложившийся непривлекательный социально-экономический имидж региона. В этой связи основными структурными компонентами внешнего образа региона, которые можно весьма результативно артикулировать, являются культура и спорт. Также высок потенциал образовательных и туристических ресурсов для внешнего позиционирования региона.

Экономическая ситуация, сложившаяся в регионе, в целом оценивается как неблагоприятная, что, безусловно, негативно сказывается на внешнем образе региона, который артикулируется в

ходе межличностного общения жителей области с представителями стран ближнего зарубежья. В частности, почти две трети участников опроса согласны с утверждением, что рынок труда в регионе является депрессивным (в обратном уверены 15,9% респондентов), каждый второй заявил, что вести бизнес в регионе неперспективно (противоположной точки зрения придерживаются 23,9% респондентов). Более 40% участников опроса считают, что в регионе трудно делать выгодные и интересные покупки. Примечательно, что при ответе на открытый вопрос о ресурсах, которыми может гордиться Саратовская область, доля ресурсов экономической сферы в итоговом списке составила всего 11,7%, причем половина этого объема (6,0%) пришлась на сельское хозяйство.

Еще одна проблемная сфера региональной жизни – здравоохранение. 63,5% респондентов считают, что система здравоохранения в регионе разрушена (доля участников опроса, придерживающихся противоположного мнения, почти в четыре раза меньше), при этом всего 1,1% опрошенных жителей области отмечают, что регион может гордиться своими медицинскими ресурсами.

Однозначно положительно респонденты оценивают дела в сфере культуры и спорта. Две трети участников опроса заявляют о весьма активной и насыщенной спортивной и культурной жизни губернии, что почти в 4,5 раза превышает число тех, кто скептически настроен по этому поводу. Также 18,7% респондентов считают, что культурная жизнь и историко-культурные ценности региона – это повод для гордости.

В целом положительно участники опроса оценивают региональную систему образования и туристический потенциал региона, однако на каждую положительную оценку здесь приходится одна отрицательная, что, на наш взгляд, свидетельствует о наличии комплекса проблемных вопросов в каждой из сфер и высокой конкуренции на данных площадках в настоящее время.

Примечательно в этой связи, что, составляя перечень ресурсов, которыми может гордиться регион, респонденты обращали внимание, главным образом, на нематериальные активы. Так, четверть всех участников опроса (25,9%) отметили в качестве объекта для гордости природные и рекреационные ресурсы региона, каждый пятый респондент считает, что область может гордиться своими жителями, их гостеприимством и терпением (18,9%), историко-культурными ценностями региона (18,7%), каждый десятый – выдающимися землями, прославившими область (11,5%). Кроме того, 18,0% участников опроса вообще не нашли в регионе на данный момент того, чем можно гордиться, а 11,5% затруднились с ответом.

Представляется, что подобная укорененность в массовом сознании нематериальных «точек роста» не способствует формированию целостного и положительного образа региона, его последующей трансляции в рамках сложившейся системы

межличностных коммуникаций на постсоветском пространстве. А принимая во внимание, что основная масса подобных контактов так или иначе связана с обсуждением сложившихся социальных и экономических проблем, сложившийся содержательный каркас регионального имиджа и вовсе утрачивает свое звучание и актуальность.

Жители региона высоко оценивают свою субъектность в сфере общественной дипломатии, рассматривая себя (наряду с органами власти и общественными организациями) в качестве основных акторов в деле выстраивания отношений со странами ближнего зарубежья. Однако большая и разноплановая работа в данном направлении, которая проводится в настоящее время, не будет иметь успеха без решения комплекса внутренних проблем, что позволит позиционировать регион и страну на принципиально иной основе.

Основными субъектами, которые на региональном уровне занимаются выстраиванием отношений со странами ближнего зарубежья, являются органы власти, а также различные общественные организации. Больше всего в эту деятельность вовлечены региональные органы власти – так считает каждый третий участник опроса (32,9%). Работу муниципальных участников отметил каждый пятый респондент (22,5%), национальных объединений – 17,3% опрошенных, религиозных объединений – 14,7%, иных общественных организаций – 15,2%. Также значимую роль в выстраивании отношений со странами на постсоветском пространстве играют сами граждане. Их субъектность подчеркнули 34,7% опрошенных.

Оценивая деятельность региональных властей, респонденты обратили внимание на следующие направления работы со странами ближнего зарубежья: изыскивают возможности в сфере экономического сотрудничества (37,8% участников опроса), развивают инфраструктуру, обеспечивающую контакты с соседними странами (33,8%), регулируют миграционные процессы (30,7%), сотрудничают в информационной сфере (30,5%), организуют совместные культурные, общественные, религиозные мероприятия (30,0%), сотрудничают в сфере образования (28,7%) и туризма (27,7%).

Деятельность муниципальных властей по выстраиванию отношений со странами ближнего зарубежья сравнительно высоко оценили только в направлении организации и проведения совместных мероприятий (35,8% респондентов), сотрудничества в сфере образования (20,3%).

В целом деятельность органов власти в сфере взаимодействия со странами ближнего зарубежья участниками опроса оценивается неоднозначно. Успешной работу региональных органов власти в этом направлении считают 63,6% респондентов, муниципальных – 58,9%. В то же время на плохую организацию работы и низкую результативность региональных органов власти обращают внимание 36,4% опрошенных, муниципальных – 41,1%. При этом каждый пятый участник опроса

считает, что органы власти вовсе ничего не делают в сфере выстраивания отношений со странами ближнего зарубежья.

Важные выводы можно сделать, анализируя ответы респондентов на открытый вопрос о том, какие действия необходимо предпринять органам власти для улучшения отношений со странами ближнего зарубежья. Треть всех опрошенных считают необходимым заняться решением внутренних проблем – развивать собственную культуру, образование, медицину, улучшать социально-экономическое положение в стране, развивать инфраструктуру, дорожную сеть, проводить эффективную антикоррупционную политику.

Важным направлением работы органов власти респонденты считают развитие политического сотрудничества (15,7%), экономических, культурных, социальных связей с другими странами (16,5%), популяризацию принципов межнационального и межконфессионального диалога и толерантности (1,9%). Также звучали призывы не допустить развития военных конфликтов у границ страны (3,3%), открыть границу, упростить процедуры въезда/выезда (2,6%), реставрировать СССР (2,2%), ужесточить контроль над миграционными процессами (0,9%), поднять престиж Российской Федерации на международной арене (0,6%), отменить международные санкции (0,2%). Почти 40% участников опроса затруднились ответить на этот вопрос.

Таковы основные представления жителей Саратовской области о ресурсном потенциале общественной дипломатии в данном регионе. Очевидно, что для развития и повышения общей эффективности этого института необходимо учитывать мнения, высказанные рядовыми гражданами в отношении используемых ими каналов коммуникации с людьми, проживающими в странах ближнего зарубежья, основных направлений взаимодействия с приграничными территориями и соседними странами, а также – и это представляется особенно важным – позиции респондентов по поводу факторов, препятствующих выстраиванию конструктивных отношений с представителями других народностей, оказавшимися на территории Саратовской области. Проведенный опрос позволил получить достаточно полные и информативные данные о текущем состоянии и перспективах развития института общественной дипломатии в данном субъекте Федерации.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда президентских грантов (грант на развитие гражданского общества), в рамках проекта «Ресурсный потенциал общественной дипломатии в приграничном российском регионе (на примере Саратовской области)».

Примечания

- 1 См.: *Вилков А. А.* Проблематика общественной дипломатии в политическом и научном дискурсе современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 184–188. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-184-188 ; *Марчук А. Н.* «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности // Вестн. ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4. С. 104–113 ; *Лебедева М. М.* Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 43. С. 45–56.
- 2 См.: *Вилков А. А., Попонов Д. В., Казаков А. А.* СМИ приграничного региона в контексте общественной дипломатии : анализ результатов экспертного опроса (на примере Саратовской области) // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 105–117 ; *Вилков А. А., Попонов Д. В., Козлова М. С., Бурданова А. С.* Ресурсный потенциал региональных вузов в сфере реализации задач общественной дипломатии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 306–312. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-3-306-312
- 3 В исследовании приняли участие респонденты из с. Александров Гай (24 чел., 3,7% от общего числа респондентов), г. Вольска (173 чел., 26,8%), пгт. Дергачи (35 чел., 5,4%), г. Калининска (56 чел., 8,7%), г. Красный Кут (57 чел., 8,8%), г. Маркса (116 чел., 18%), г. Новоузенска (44 чел., 6,8%), пгт. Новые Бурасы (29 чел., 4,5%), пгт. Озинки (33 чел., 5,1%), г. Петровска (78 чел., 12,1%). Выборочная совокупность конструировалась по принципам бесповторного квотно-стратифицированного отбора. Критериями отбора респондентов послужили территория проживания и половозрастные характеристики. Максимальное колебание признака в сравнении с запланированными не превысило 1,8%, что укладывается в пределы статистической погрешности и не оказывает негативного влияния на полученные результаты.

Образец для цитирования:

Вилков А. А., Попонов Д. В., Козлова М. С., Курганова С. В., Казаков А. А. Потенциал общественной дипломатии в Саратовской области: анализ результатов социологических опросов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 439–444. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-439-444>

Cite this article as:

Vilkov A. A., Poponov D. V., Kozlova M. S., Kurganova S. V., Kazakov A. A. Public Diplomacy Potential in Saratov Region: Opinion Poll Results' Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 439–444 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-439-444>

УДК 32(470+571)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Д. В. Доленко, С. А. Мальченков, Е. Н. Макшаева

Доленко Дмитрий Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, dvdolenko@mail.ru

Мальченков Станислав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, stamal@yandex.ru

Макшаева Евгения Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, agata8613@rambler.ru

В статье рассматривается роль геополитического фактора в современной российской политике. Анализируется актуальность геополитических проблем и приоритетов в становлении и развитии современной России. Рассмотрены ее основные геостратегические приоритеты на современном этапе. Авторы приходят к выводу о том, что перечень приоритетов России в дальнейшем будет претерпевать изменения, причем в процессе его формирования крайне важно сочетать геополитические и цивилизационные принципы. **Ключевые слова:** Россия, геополитический фактор, геополитика, геополитическое положение, Евразия, Хартленд, геостратегические приоритеты.

The Geopolitical Factor in Russian Policy

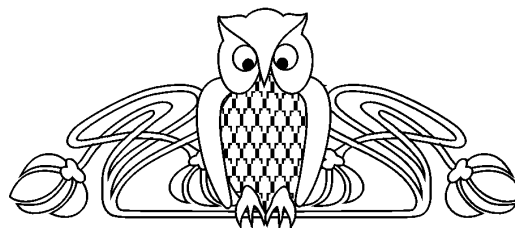
D. V. Dolenko, S. A. Malchenkov, E. N. Makshaeva

Dmitry V. Dolenko, <https://orcid.org/0000-0002-3236-0436>, National Research Mordovian State University, MRSU, 68, Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia, dvdolenko@mail.ru

Stanislav A. Malchenkov, <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>, National Research Mordovian State University, MRSU, 68, Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia, stamal@yandex.ru

Evgenia N. Makshaeva, <https://orcid.org/0000-0002-4816-1300>, National Research Mordovian State University, MRSU, 68, Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia, agata8613@rambler.ru

The role of the geopolitical factor in modern Russian politics is explored in the article. The urgency of geopolitical problems and priorities in the formation and development of modern Russia is analyzed. Its main geostrategic priorities are considered at the present stage. The authors come to the conclusion that the list of priorities for Russia will continue to undergo changes, and in the process of its formation it is extremely important to combine geopolitical and civilizational principles.

Key words: Russia, geopolitical factor, geopolitics, geopolitical situation, Eurasia, Heartland, geostrategic priorities.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-445-449>

Отличительной чертой внутренней и внешней политики России с момента ее образования как суверенного государства и участника международных отношений стало возрастание значимости геополитического фактора, т. е. фактора, связанного с решением политико-территориальных проблем, обеспечением политико-территориальных приоритетов и достижением соответствующих целей.

Геополитика в ее первоначальном значении, как ее понимал автор этого термина Р. Челлен, означала «учение о государстве как географическом организме»¹. Другими словами, ключевым в геополитическом подходе к государству является констатация его неразрывной связи с территорией, географическим пространством. Основоположники геополитики Ф. Ратцель и Р. Челлен абсолютизировали величину, размер пространства государства, а пространственный рост считали неким законом развития государств. Очевидно, что в современную эпоху территориальный рост государств не является закономерностью, однако в целом политика государств, обусловленная его территориальными интересами, и сегодня является очевидной реальностью. Политика любого государства в большей или меньшей степени строится с учетом геополитического (политико-территориального) фактора и должна обеспечивать решение соответствующих задач: обеспечение целостности и безопасности территории государства, эффективности ее контроля, охраны границ, доступа к коммуникациям и т. д.

Более того, в современной международной политике значительное число международных конфликтов имеет геополитическую, политико-территориальную природу: в основе их лежит спор о принадлежности и статусе той или иной территории. Характерным примером этого может служить конфликт между Израилем и Палестиной из-за принадлежности и статуса Иерусалима. К числу таких конфликтов относятся все конфликты, связанные с непризнанными (самопровозглашенными) постсоветскими государствами. Кроме того, в современной международной политике налицо стремление сильных государств обеспечить свое геополитическое влияние в том или ином регионе с помощью экономической или военной помощи, заключе-

ния союзов, включения в международные объединения. Именно поэтому вступление в НАТО постсоциалистических стран Восточной Европы рассматривалось и рассматривается Россией как вызов ее безопасности. Участие России в сирийском конфликте на стороне правительства и ее военное присутствие в этой стране также обусловлены геополитическим фактором.

Другими словами, современная международная политика определяется не идеологическим и политическим соперничеством между системами капитализма и социализма, как это было в период холодной войны. Сегодня государства, большая часть которых имеет схожие политические и экономические системы, руководствуются своими национальными, а не классовыми интересами, среди которых важное место занимают геополитические (политико-территориальные) интересы и цели.

Для современной России особая значимость геополитического фактора связана, прежде всего, с геополитическими последствиями распада СССР. Прекращение существования последнего в качестве «геополитической реальности», как это было зафиксировано в Минском (Беловежском) соглашении руководителей России, Белоруссии и Украины², имело для самой России как новой «геополитической реальности» тяжелые последствия. К ним следует отнести потерю значительной части государственной территории, гораздо более значительной, чем это было после распада Российской империи. Причем речь идет не просто о количестве этой территории, а о ее качестве: на территории бывших союзных республик остались важнейшие коммуникации, морские порты, районы добычи энергоресурсов. Кроме того, появилась проблема новых границ со странами-соседями. Разрыв межреспубликанских экономических связей привел к глубокому экономическому кризису. Распад единого военно-стратегического пространства породил новые проблемы национальной безопасности. Другими словами, именно геополитические проблемы вышли на первый план, и именно их решение стало главным приоритетом нового российского государства.

Кроме того, значение геополитического фактора выросло в связи с радикальной трансформацией самой природы государства. СССР был коммунистическим государством, сущность и стратегия которого определялись идеологическими целями – построением коммунизма, мировой революцией, борьбой с империализмом и т. д. Россия отказалась от этих целей и приоритетов, от самого социалистического общественного строя в результате либерально-рыночных реформ. Как писал В. В. Путин, подводя первые итоги этих реформ, «мы вышли на магистральный путь, которым идет все человечество»³. Однако, встав на этот магистральный путь, став страной с таким же общественным строем, как

у большинства других стран, и прежде всего стран Запада, Россия не утратила своей геополитической уникальности. Она осталась страной с самой большой государственной территорией в мире, с огромным природно-ресурсным потенциалом, военной мощью, занимающей центральное положение в Евразии. Только в силу своего географического положения она имеет интересы и цели и в Европе, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и на Ближнем Востоке. Проблемы ее национальной безопасности также имеют и евразийское, и глобальное измерения.

Эта геополитическая уникальность предопределяла особую важность обозначения геостратегических приоритетов, что нашло свое отражение как на теоретическом уровне, так и на уровне реальной политики. На теоретическом уровне это нашло свое проявление, прежде всего, в научной реабилитации самой классической или традиционной геополитики. Последняя в советское время не признавалась в качестве научной дисциплины, за ней закрепился статус лженауки, реакционного лжеучения, связанного с империалистической политикой, нацизмом и т. д. В постсоветский же период геополитика пережила бурный рост популярности. В России стали издаваться, изучаться и применяться в качестве методологических основ труды ведущих представителей западной геополитики: Ф. Ратцеля, Р. Челлена, А. Мэхэна, Х. Макиндера, Н. Спайкмена и др. Особенно актуальной для отечественной геополитики стала сформулированная еще в первой половине XX в. Х. Макиндером концепция осевого региона – Хартленда, совпадавшего в прошлом с территорией Российской империи. Именно власть, влияние и контроль над этим регионом, по мнению Х. Макиндера, открывали возможность доминирования в мировой политике. После распада СССР Хартленд оказался раздроблен, территория России сократилась. Распад социалистического содружества в Восточной Европе и последующее вступление восточноевропейских стран в Европейский союз и НАТО означали утрату контроля России и над этим субрегионом Хартленда⁴.

Еще большую актуальность представляла вышедшая в 1990-е гг. книга З. Бжезинского «Великая шахматная доска»⁵, в которой автор сформулировал современную версию ключевого региона – Евразии – как главной арены мировой политики. З. Бжезинский констатировал непосредственную связь между сохранением американского мирового лидерства с доминированием в Евразии. В соответствии с этим он призывал США не допустить появления в Евразии коалиции государств, способной бросить вызов их лидерству. Относительно России он считал оптимальным превращение ее в конфедерацию и также призывал не допустить ее сближения с Украиной. Все эти идеи стали одними из самых цитируемых и критикуемых в российской литературе.

Еще более важным проявлением осознания значимости геополитического фактора для России стало появление геополитического дискурса в отечественной политической науке. В работах российских ученых, посвященных геополитической проблематике, решались как общетеоретические, так и прикладные проблемы применительно к российской геополитике. В итоге в российской научной литературе было сформулировано множество самых различных концепций российской геостратегии: от атлантизма, т. е. интеграции и партнерства с Западом⁶, до антиатлантизма, т. е. противостояния Западу⁷, от «равноудаленности»⁸ до «равноприближенности» к мировым центрам влияния⁹. Оригинальную версию российской геополитики сформулировал Г. А. Зюганов. Она включала вполне марксистскую стратегию антикапиталистической альтернативы для России и чисто геополитические приоритеты: восстановление контроля над Хартлендом, борьбу за многополюсный мир¹⁰.

В целом можно сказать, что в постсоветский период российская политическая наука сумела не только освоить западный геополитический теоретический фундамент, но, опираясь на него, достигла высокого уровня собственных исследований. В практической политике роль геополитического фактора проявилась как во внутренней, прежде всего региональной и национальной, политике, так и – особенно – во внешней. В последней особенно показательным концептуальное закрепление геополитических приоритетов в Концепции внешней политики Российской Федерации. Уже в первом таком документе, утвержденном в 1992 г., говорится о геополитическом положении России, а среди главных направлений внешней политики выделяются основные мировые регионы¹¹.

В последующих Концепциях, включая и последнюю по времени, утвержденную Президентом РФ В. В. Путиным в 2016 г., выделен раздел «Региональные приоритеты», в котором отражены именно геополитические (или геостратегические) приоритеты России¹². При этом нам представляется, что большое значение имеет порядок, в котором расположены регионы: наличие их размещение по убыванию значимости для России. Всего в этом документе выделено 7 основных приоритетов:

- 1) Содружество независимых государств;
- 2) Европейский союз;
- 3) Соединенные Штаты Америки;
- 4) Азиатско-Тихоокеанский регион;
- 5) Ближний Восток и Северная Африка;
- 6) Латинская Америка и страны Карибского бассейна;
- 7) Субсахарская Африка.

Этот набор главных международных векторов российской политики на прошедшие два с половиной десятилетия несколько раз корректировался. Нет сомнений в том, что изменения в

нем будут происходить и в дальнейшем. На наш взгляд, принципиально важно, чтобы расположение элементов внутри системы приоритетов не только учитывало сиюминутные колебания геополитической инфраструктуры, но и опиралось на краеугольные принципы культурного кода нашей страны. В идеале этот список должен стать результатом комплексного применения геополитического и цивилизационного подхода.

Первое из приведенных направлений оставалось главным приоритетом во всей версии Концепции внешней политики. При этом стоит уточнить, что, несмотря на выход из СНГ Грузии и неопределенность статуса Украины и Туркменистана, в это направление по-прежнему логично включать все государства постсоветского пространства, за исключением Латвии, Литвы и Эстонии, ставших частями Евросоюза. Можно отметить, что страны, относящиеся к этому направлению российской внешней политики, на первый взгляд, не только не принадлежат к одной цивилизации, но и довольно четко делятся на две группы: Православный мир (Украина, Белоруссия, Молдавия, Армения, Грузия) и Исламский мир (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан). В то же время множество лет, проведенных совместно сначала в составе Российской империи, а затем в качестве республик СССР, позволяющих считать все эти государства составными частями единой цивилизации, культурным кодом которой продолжает оставаться так называемый *Homo soveticus*. Не менее важным представляется геополитическое единство стран СНГ, которые, как и Россия, могут быть отнесены к Хартленду – континентальному ядру планеты.

Европейский союз и США – второй и третий приоритеты, установленные Концепцией внешней политики РФ, с цивилизационной точки зрения можно было бы объединить в общий вектор – Мировой Запад, который давно уже стал традиционным элементом российского понимания социально-культурной структуры мира. Столь же очевидным представляется и геополитическое единство двух континентов, не в последнюю очередь связанное с деятельностью НАТО. Традиционная геополитическая структура мира, описанная Х. Маккиндером еще в 1904 г., постепенно меняется. В концепциях начала XX в. Западная Европа рассматривалась как часть Римленда – прибрежной дуги, окружающей Хартленд, а Северная Америка входила в состав Внешнего полушарья, лежащего за пределами Мирового острова (Евразия + Африка). В послевоенный период можно констатировать уже не только культурное, но и геополитическое единство Европы и Северной Америки: последняя приобрела статус нового элемента расширенного Римленда. В то же время позиция российского внешнеполитического ведомства, разделяющего Западную Европу и Северную Америку в качестве международных

акторов, также довольно логична: современные тенденции геостратегического характера (критика Евросоюзом позиции США по вопросам международной безопасности, «торговые войны» и т. д.) свидетельствуют о том, что атлантический проект Единого Запада пока далек от завершения. А следовательно, внешнеполитические контакты России с США и странами Европы могут строиться различным образом.

Четвертое и пятое направления внешней геополитики России также в основном территориально принадлежат к Римленду. В трудах авторов XIX в. оба эти вектора объединялись понятием «Мировой Восток», но мы, вслед за составителями Концепции внешней политики, предлагаем разделять Восточную и Исламскую суперцивилизации, поскольку они все дальше отходят друг от друга не только культурно, но и политически: символами их нарастающего противостояния можно считать затяжной Индо-Пакистанский конфликт, а также внутренние столкновения в Индонезии и на Филиппинах. При этом территориальные пределы Восточной цивилизации будут совпадать с Азиатско-Тихоокеанским регионом (без учета Америки и Океании), а в ее структуре выделяются три составных элемента. Два из них можно выделить по религиозному признаку – Индуистский мир (Индия, Непал, Бутан) и Буддистский мир (включающий и близкую к нему синтоистскую Японию). В качестве третьего элемента логично было бы обозначить Атеистический мир (Китай, КНДР, Вьетнам), однако это не вполне корректно – в первую очередь, в силу заниженной численности верующих в этих странах. Что же касается Исламской цивилизации, то в ее составе можно выделить три геополитических (Ближний Восток, Средний Восток, Северная Африка) и два религиозно-культурных (сунниты и шииты) элемента.

Три заключительных вектора внешней политики включают в свой состав государства Южной и Центральной Америки, Субсахарской Африки, а также Океании. При всем географическом разбросе эти регионы мира занимают примерно одинаковое – периферийное – положение в структуре внешнеполитических приоритетов России. Впрочем, такое положение в скором времени может измениться: благодаря продолжающейся глобализации, росту развивающихся государств, активности таких объединений, как БРИКС и Движение неприсоединения, значение для России самых удаленных от нее частей планеты будет неуклонно возрастать. На данный момент это проявляется в успешных политических и экономических контактах с такими государствами, как Бразилия, Венесуэла, Куба, Мексика, ЮАР, Австралия. В целом, можно заметить, что у этих направлений внешней геостратегии России не так много общего, за исключением того, что все входящие в них цивилизации принято относить к новым, перспективным, формирую-

щимся. В то же время геополитическая близость относящихся к этому вектору территорий не вызывает сомнений. Еще сто лет назад классики геополитики относили их к Внешнему полумесяцу, не оказывающему существенного влияния на мировые процессы. Сегодня ситуация меняется: прямо на наших глазах государства Африки и Латинской Америки стремятся сменить роль арены в борьбе «великих держав» на статус влиятельных субъектов международных отношений.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в современных условиях, характеризующихся обострением борьбы за глобальное и региональное влияние, геополитические факторы продолжают играть важнейшую роль в политике России. Геополитика, которая на протяжении многих десятилетий оставалась в нашей стране под запретом, в настоящее время привлекает огромное количество исследователей. При этом важность изучения геополитических приоритетов развития России осознается не только научным сообществом. Наличие специального раздела в Концепции внешней политики РФ (и его постоянное уточнение в новых редакциях) позволяет сделать вывод о том, что российское руководство также учитывает геополитические аспекты в принятии решений, определяющих положение нашей страны на международной арене. Существующая система приоритетов основана, главным образом, на геополитической значимости регионов мира для международной стратегии России. На наш взгляд, оптимальный набор важнейших внешнеполитических направлений должен соединять учет пространственных факторов с самым пристальным вниманием к цивилизационной специфике сотрудничества с различными государствами современного мира.

Примечания

- 1 *Kjellen R.* Der Staat als Lebensform. Leipzig, 1917. С. 6.
- 2 См.: Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в четырех томах / ред.-сост. Т. А. Шаплина. М., 2002. Т. 4 : Документы. С. 13.
- 3 Там же. Т. 1 : Исследования. С. 22.
- 4 См.: *Mackinder H. J.* Democratic Ideals and Reality : A Study in the Politics of Reconstruction. N.Y., 1919.
- 5 См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1999.
- 6 См.: *Загорский А., Лукас М.* Россия перед европейским вызовом. М., 1993.
- 7 См.: *Дугин А.* Основы геополитики. М., 1997.
- 8 См.: *Сорокин К. Э.* Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
- 9 См.: *Кортунов С. В.* Имперские амбиции и национальные интересы. Новые измерения внешней политики России. М., 1998.
- 10 См.: *Зюганов Г. А.* География победы. Основы российской геополитики. М., 1998.

¹¹ См.: Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в четырех томах. Т. 4. С. 19–46.

¹² См.: Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 09.09.2018).

Образец для цитирования:

Доленко Д. В., Мальченков С. А., Макаева Е. Н. Геополитический фактор в политике России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 445–449. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-445-449>

Cite this article as:

Dolenko D. V., Malchenkov S. A., Makshaeva E. N. The Geopolitical Factor in Russian Policy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 445–449 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-445-449>

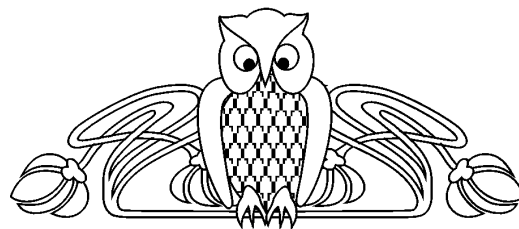

УДК 32.019.52+930.85

МЕМИНГ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ РОССИИ

Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова

Артамонов Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, artamonovds@mail.ru

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, профессор кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, segedasv@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о роли интернет-мемов в осуществлении политики памяти. Предлагается новая трактовка понятия «мем» и вводится понятие «меминг», фиксирующее процесс создания мемов. Исторические мемы создаются в политических целях, способствуют формированию исторической памяти и групповой идентичности, они могут отражать официальную политику памяти государства или противостоять ей. Мем рассматривается как новая форма мифоинформации, отражающая стремление современного массового интернет-пользователя к потреблению развлекательного контента. Исторический меминг является важнейшим инструментом политики памяти, осуществляемой в цифровой среде.

Ключевые слова: политика памяти, мем, меминг, исторический мем, миф, символическая политика, историческая память.

Meming in the Russian Memory Politics

D. S. Artamonov, S. V. Tikhonova

Denis S. Artamonov, <https://orcid.org/0000-0001-8689-1948>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, artamonovds@mail.ru

Sophia V. Tikhonova, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, segedasv@yandex.ru

The article deals with the question of the Internet memes role in the implementation of the memory policy. The authors propose their own concept of memes and introduce the concept of "meming", fixing the process of creating memes. Historical memes are created for political purposes, contribute to the formation of historical memory and group identity. They can reflect the official state policy of the memory or oppose it. The meme is considered as a new form of myth information, reflecting the desire of a modern mass Internet user to consume entertainment content. Historical meming is the most important tool of memory policy implemented in the digital environment

Key words: politics of memory, meme, meming, historical meme, myth, symbolic politics, historical memory.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-450-456>

Представления о прошлом являются важнейшим политическим ресурсом. Для власти

историческая память сегодня становится необходимым инструментом управления политическими процессами, поэтому властные структуры вынуждены прибегать к политике памяти в целях оперативного и эффективного воздействия на общество. Политика памяти представляет собой всю сферу публичных стратегий в отношении прошлого, его концептуализацию, практики коммеморации и преподавание истории¹. Для политики памяти характерно активное участие элит, государственных структур, конфронтационность, преследование групповых, партийных или государственных интересов.

Понятие «политика памяти» возникло во второй половине XX в. в философских концепциях постмодернистов (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида, М. Фуко), которые выдвинули тезис о конструировании властью и обществом предпочитаемых представлений о прошлом для формирования социально-групповой идентичности. В практическом плане термин «политика памяти» стал использоваться в начале 1980-х гг. в Германии, когда канцлер ФРГ Гельмут Коль начал проводить политику формирования немецкого патриотизма позитивного характера, т. е. основанного не только на признании немецким народом собственной вины за преступления нацизма, но и на понимании величия германской нации и ее культуры².

Целью политики памяти, таким образом, является формирование исторической памяти. В настоящее время изучение исторической памяти выделилось в самостоятельную область научных исследований, которые строятся на междисциплинарном подходе. Представления о прошлом, образы истории в массовом сознании, исторические мифы оказываются в центре внимания историков, культурологов, фольклористов, этнологов, антропологов, социальных психологов, политологов, философов, социологов.

Междисциплинарность исследований в области исторической памяти позволяет включить в ряд ученых, заложивших основы *memory studies*, широкий круг исследователей, начиная с работ таких классиков, как Ф. Ницше, Дж. Г. Мид, В. Беньямин, Г. Зиммель и К. Маркс. Однако подлинным основоположником мемориальной проблематики по праву считается М. Хальбвакс, который в своей книге «Социальные рамки памяти»³ рассматривал память как продукт социализации индивида и его участия в коммуникационных процессах. Наследие М. Хальб-

вакса было востребовано во Франции в 1980-х – начале 1990-х гг. в рамках реализации проекта «места памяти» под руководством П. Нора⁴. Идеи М. Хальбвакса также получили продолжение в работе Я. Ассмана⁵ о культурной памяти, в которой проводится точка зрения о том, что прошлое никогда и нигде не передается просто от поколения к поколению, а всегда вновь и вновь пересоздается, реконструируется из социальной реальности. Проблематика культурной памяти волновала также представителей московско-тартуской семиотической школы. Ю. М. Лотман рассматривал данный феномен с семиотической точки зрения и пришел к выводу, что культура является надындивидуальным механизмом хранения, передачи и создания новых сообщений, т. е. коллективной памятью⁶.

Вопрос о податливости социальной памяти манипуляциям рассматривался в сборнике статей Э. Хобсбаума и Т. Рэнджера «Изобретение традиции»⁷. Публикации этих исследователей укладывались в русло теории «политики памяти». По их мнению, переход от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному сопровождался кризисом идентичности, что связывалось авторами с разрывом родовых связей и потерей традиции. В современном мире человек оказался лишенным прямой преемственности информации о прошлом, которая транслировалась через исполнение обрядов, ритуалов, следование традициям, семейные рассказы, фольклор и составляла личный интеллектуальный опыт человека, формирующий его историческую память и определяющей его идентичность. Поэтому в целях ее обретения индивид вынужден обращаться к коллективной памяти, представленной определенной культурой. По мнению Э. Хобсбаума, в Новейшее время традиции «изобретались» вновь с целью внедрения определенных ценностей и норм поведения, а их закрепление в массовом сознании осуществлялось путем применения различных общественных практик ритуального или символического характера. Политические элиты, преследуя цели легитимации власти, обоснования собственного величия или политического курса, способны формировать историческое сознание масс, осуществляя политику памяти⁸.

Таким образом, политика памяти предстает как предмет символической политики. Символическая политика представляет собой особый род политической коммуникации, «нацеленной не на рациональное осмысление, а на усиление устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов»⁹. Очень часто ее понимают как деятельность, направленную на производство определенных способов интерпретации социальной реальности, характеризующуюся борьбой за их доминирование. В этом смысле символическая политика становится инструментом выстраивания баланса интересов со-

циальных групп путем формирования в головах их представителей определенной картины мира и сценариев поведения¹⁰. П. Бурдьё определил символическую власть как «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира»¹¹. Символическая политика – это воздействие на общество в нужных власти целях без применения физической или экономической силы, однако с не меньшим эффектом; она не ограничивается только манипулятивными технологиями выстраивания смысловых комплексов, но предстает как способ социального конструирования реальности¹², для которого современные технологии массовых коммуникаций предоставляют мощные инструменты.

Символическая политика власти в современных условиях проводится преимущественно в медиасреде, хотя только ею, конечно же, не ограничивается. Инструментальная роль медиа в данном случае является определяющей. Медиапространство, в котором власть осуществляет свою коммуникацию с социумом, включает как традиционные средства массовой информации, так и новые медиа, представленные интернет-сервисами, электронными СМИ и изданиями, блогосферой и социальными сетями.

Социальные медиа дают возможность власти эффективного обращения к обществу и трансляции ему необходимой информации. В отличие от традиционных СМИ, имеющих односторонний характер воздействия на аудиторию, в социальных сетях происходит постоянное массовое производство новых символов, образов, знаков, сообщений, которые оказывают влияние на политику. Рядовые интернет-пользователи сегодня являются не просто потребителями ключевых сообщений и смыслов, а активными участниками процесса коммуникации между властью и обществом, способными самостоятельно генерировать новую информацию.

Осуществление политики памяти перестало быть делом только властных структур. Согласно теории Б. Андерсона о «воображаемых сообществах»¹³, носители определенной коллективной идентичности удерживают в сознании ментальный образ своего сходства, который конструируется ими на основе общности памяти. Представления о прошлом играют решающую роль в формировании идентичности социальной группы, поэтому каждая из них, так или иначе, стремится проводить свою собственную политику памяти, опираясь на символические начала.

Цифровые средства массовой коммуникации предоставляют огромный набор инструментов для создания исторических знаний и трансляции их в массовое сознание, но наиболее популярным из них сегодня является интернет-мем. Теория мемов (меметика) возникла во второй половине 1970-х гг. и была тесно связана с эволюционной биологией и неозволюционизмом

в социальных науках. Сам термин «мем» впервые употребил Ричард Докинз в знаменитой работе «Эгоистичный ген», где он провел параллели между механизмами передачи генетической информации и функционированием культурной памяти¹⁴. Мемом Докинз называл единицу смысла, единицу трансляции культурного наследия и понимал под ним идеи, лозунги, стереотипы, литературные клише, моду, алфавит, распространенные высказывания, мелодии и т. п.

Концепция мемов имела ряд последователь, наиболее яркими из которых были: Дуглас Хофштадтер, предложивший назвать дисциплину, изучающую мемы, «меметикой»; Дэниел Деннет, встроивший концепт мема в теорию разума; Ричард Броуди, назвавший мем вирусом ума; Роберт Аугер, трактовавший мем в контексте биохимии мозга; Франсис Хейлинген, описавший стадии развития мема; Сьюзен Блэкмор, понимавшая мем очень широко, как любую информацию, передающуюся от одного индивида к другому, и многие другие¹⁵.

На сегодняшний день меметика не стала полноценным научным направлением, и многие положения теории мемов остаются спорными. Меметика подверглась критике как со стороны ученых гуманитарного профиля, так и со стороны представителей естественных наук. Наибольшие претензии вызвало стремление теории мемов к всеохватности, универсальности и в то же время к абстрактной умозрительности¹⁶.

Увлечение меметической методологией среди ученых постепенно сошло на нет, что, однако, никак не повлияло на растущую популярность самих мемов. Сегодня общепринята трактовка мема в узком специфическом значении, как обитающей в сети Интернет репродуцируемой единицы культурной информации. На наш взгляд, более точным является следующее определение: мем – это самовоспроизводящаяся единица культурной информации, содержащая в себе историю об объекте, который она представляет, несущая определенный смысл и имеющая значение для субъекта, который использует ее в качестве эмоционально окрашенного сообщения. В нем учитывается не только элементарный, «атомарный», характер мема, но и механизм его трансляции, связанный с когнитивными, семантическими, эмоциональными и аксиологическими потребностями интернет-пользователей, вынужденных в условиях информационной перегрузки и дефицита времени быстро реагировать на изменения повестки дня.

Мемами могут быть любые элементы интернет-контента: высказывания, картинки, видео или звукоряд, имеющие значение или смысловые характеристики и распространяемые пользователями. Мем часто используется как способ коммуникации или выражения персональных эмоций с помощью популярной фразы, персонажа, картинки, постоянно воспроизводящихся

в новых контекстах или ситуациях. Отличительной особенностью мема является «вирусность» его распространения, т. е. быстрая неконтролируемая передача единицы информации от одного субъекта к другому в медиапространстве.

Мемы являются частью исторической памяти современного человека, более того, можно говорить о том, что современная историческая информация хранится в коллективной памяти именно в виде мемов. Образы исторического прошлого в массовом сознании предельно упрощаются и низводятся до уровня мифов. Миф представляет собой в сознании человека упрощенную форму восприятия действительности в виде определенного нарративного текста, способного давать простые ответы на сложные вопросы. Представления о прошлом в обыденном сознании могут быть хронологически непоследовательными, а события – смещены во времени, спутаны, герои и факты из разных эпох могут слиться в одно целое, но в то же время структура исторической памяти жестко задана, в высшей степени оценочна и эмоционально окрашена. Базовые социально-психологические оценки сводятся к простым дихотомиям добро – зло, хороший – плохой, наши – чужие и т. д., а яркость эмоций (отрицательных или позитивных), вызываемых событием, гарантирует его запоминаемость, т. е. прочное включение в структуру исторической памяти.

Социологический опрос, проведенный 14 сентября 2017 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Музеем современной истории России¹⁷, может проиллюстрировать тот факт, что мемы населяют историческую память россиян и формируют представления масс о прошлом.

Согласно полученным в его рамках данным, убежденность в необходимости исторических знаний в нашем обществе близка к абсолютной: с этим соглашаются 96% опрошенных. При этом выявление уровня знаний ряда исторических фактов/событий показало, что информированность респондентов о них низка. Данный факт сам по себе парадоксален: значимость истории очень высокая, но знают ее крайне плохо.

Многочисленные комментаторы данного исследования объясняли его результаты с редуccionистских позиций, объявляя ключевым фактором низких исторических знаний кризис образовательной системы, замещение классических агентов социализации социальными медиа, тиражирующими откровенно фейковую или мифологичную информацию; разрыв между академической наукой, СМИ и массовой аудиторией¹⁸.

В то же время, если внимательно посмотреть на вопросы, которые задавались респондентам, обнаруживаются интересные факты. Все вопросы на знание конкретных фактов, имен, дат, вызвали затруднение у опрошенных, например, на вопрос «Когда Россия вышла из Первой мировой

войны?» не было получено ни одного правильного ответа. Однако достаточно большой процент правильных ответов был дан на вопросы: «Кто из советских руководителей обещал показать США “кузькину мать”?» (62%) и «С именем какого руководителя Советского союза связано понятие эпохи застоя?» (51%).

Н. С. Хрущев, обещающий показать «кузькину мать», и Л. И. Брежнев, ассоциирующийся с эпохой застоя, являются популярными интернет-мемами, поисковые запросы в Сети по тегам #Хрущевмем и #Брежневмем дают десятки тысяч результатов. Кроме того, сама историческая информация об этих государственных деятелях и событиях, с ними связанных, конструируется в массовом сознании по типу мема.

Распространяясь в инфосфере или медиапространстве, мемы и группы мемов (мемокомплексы) могут изменять восприятие локальных или глобальных событий, а иногда полностью «взрывать» устоявшуюся картину социальной реальности. Дуглас Рашкофф назвал такие мемы «медиавирусами»¹⁹, учитывая, что каждый мем потенциально может иметь вирусный эффект. Это абсолютно справедливо и в отношении исторических мемов. Распространяясь как вирусы в массовом сознании, последние меняют восприятие исторической действительности, деформируют историческое знание и по-новому формируют представления о прошлом.

Несмотря на кажущуюся неуправляемость мемов, их нередко целенаправленно создают, запускают в процесс коммуникации и распространяют в сети Интернет, используя технологии SMM (Social Media Marketing). Мемы генерируются и тиражируются постоянно, пользователи сети Интернет, участники различных сообществ социальных сетей обращаются к мемам (заимствуя, редактируя, пародируя мем-источник) в самых различных актах коммуникации. Популярные мемы используются в коммерческих целях. В настоящее время в интернет-среде создаются мемы различных видов. Предлагаемая ниже классификация в качестве критерия опирается на доминирующий компонент используемого для мема медиатекста, а также технологические, жанровые и стилистические особенности его производства.

Текстовые мемы – представляют собой развернутое высказывание в афористичной или юмористичной форме, эмоционально окрашенное и имеющее определенное значение. Также встречаются текстовые мемы в одно слово или словосочетание.

Мем-анекдот – это особый тип текстового мема, содержащего какую-либо историю, строящийся в анекдотическом жанре. Следует заметить, что в цифровом мире мемы, как форма коллективного творчества, вытесняют классические анекдоты.

Мем-картинка – любое изображение, отражающее определенную ситуацию или выража-

ющую эмоцию, например, мем, изображающий плачущего или смеющегося человека, который используется для демонстрации определенного эмоционального состояния визуальными средствами.

Видео-мемы – как правило, это короткий видеосюжет, распространяющийся пользователями социальных сетей. Видео-мем выполняет коммуникативную, информативную и развлекательную функции и часто отражает типичные ситуации или эмоции.

Gif-мем – популярный растровый формат графических, анимационных или видеоизображений, который используется для придания динамичности обычному мему, известному и в других форматах.

Креолизованные мемы – это разновидность креолизованных текстов, состоящих из вербальной и иконической частей, т. е. изображения и надписи к ней. Вербальный компонент обычно является комментарием не к картинке, а к какому-либо событию, чаще всего реальному. Визуальный образ задает общую тему высказывания, сужает сферу его употребления и предполагает эмоционально-экспрессивную окраску информационного послания.

Мотиваторы – разновидность интернет-плаката или постера, представляющего собой картинку мотивационного характера, побуждающую к действию, с подписями, направленными на создание позитивной атмосферы и рабочего настроения. Мотиваторы имеют четкую схему создания, которая заключается в первичной интерпретации визуального образа и подкрепления ее вербальным кодом.

Демотиваторы – пародируют мотиваторы, используя схожие с ними изображения, но с подписями, подчеркивающими обреченность и бессмысленность человеческих усилий. Формат демотиватора включает базовое изображение, обрамленное черной рамкой с широкими полями и снабженное по нижнему полю слоганом, лозунгом или комментарием; часто демотиваторы содержат еще и текст-пояснение, выполненный мелким шрифтом. Демотиваторы строятся на вторичной интерпретации визуального компонента, достигаемой через предложение неожиданного и нетипичного комментария к изображению или тому, что она символизирует.

Фотожаба – изображение, подвергнутое творческой переработке с помощью графического редактора. Обычно создаваемые изображения носят карикатурный характер и часто становятся интернет-мемами.

Мемплекс – мемы могут образовывать воспроизводимые как единое целое комплексы, мем-группы, которых объединяет общность использования визуальных компонентов.

Мемы различного типа попадают в поле исследовательского внимания интернет-коммуникативистов как примеры специфической

жанровой продукции или феномены интернет-субкультуры. Вместе с тем сам процесс создания и воспроизводства мемов еще не имеет своего четкого обозначения. В сфере рекламы и связей с общественностью употребляется слово *memejacking* (хотя достаточно редко), которое обозначает применение ставших популярными мемов в рекламных и PR-кампаниях²⁰, но общепринятого обозначения самого процесса создания мемов в литературе и интернет-пространстве на сегодняшний день не обнаружено.

Между тем в силу высокой значимости мемов в современной медийной культуре разработка такого понятия представляется крайне важной. Целесообразным представляется использование понятия «меминг», по аналогии с такими терминами, как маркетинг, брендинг, таргетинг, фандрайзинг, сторителлинг и другие, обозначающими тот или иной процесс коммуникации. На наш взгляд, меминг может быть определен как процесс создания мемов любого типа в целях творческого переосмысления действительности, определенных событий и ситуаций.

Исторический меминг характерен для массового социального мышления, вынужденного оперативно реагировать на изменения политической (как внутренней, так и внешней) обстановки. Формирование оценки в условиях экономии времени и мышления осуществляется по аналогии с имеющимся опытом, отсюда – широта распространения исторических параллелей в меминге. Очень часто темами мемов являются исторические факты, а исторические образы используются как визуальный компонент интернет-мема, в виде мемов могут выступать и афористичные высказывания исторических личностей либо высказывания современников на историческую тематику. Даже в условиях сведения всего многообразия исторических персоналий и дат к культурным и каноническим возможностям для меметизации истории весьма широки.

Как правило, основой для создания мемов служат ключевые события истории. Поворотные моменты истории, имеющие важнейшее значение для последующего развития государства и общества, часто являются объектом мифологизации, в рамках которой мем используется как новая форма передачи мифоинформации (от целых мифов до единичных мифем и мифологем). В мемах за основу ключевого сообщения исторического характера, передающего мифологизированную информацию, берется персонафицированный образ исторического деятеля, так как основным компонентом мема, за исключением текстовых мемов, является визуальный компонент.

На просторах сети Интернет можно найти мемы о князе Рюрикe, обыгрывающие историю призвания варягов в Великий Новгород, князе Владимире, представленном мультипликационным героем, мемы об Иване Грозном, использующие картину художника В. М. Васнецова «Царь

Иван Грозный» и картину Ильи Репина «Иван грозный и его сын Иван», Петре Первом, обыгрывающие выражение «прорубить окно в Европу» и «Петя умный, будь как Петя». Широкое хождение имеют мемы о декабристах, связанные с поступком их жен, поехавших за своими мужьями в Сибирь на каторгу и в ссылку. Особой популярностью пользуются герои истории XX в., советские правители. Мемы о В. И. Ленине представляют его как человека, способного организовать событие любого масштаба и характера, от молодежной вечеринки до государственного переворота. Самый распространенный мем с образом И. В. Сталина связан с его репрессивной политикой и практикой расстрелов (мем «расстрелять»). Также популярны мемы, о которых упоминалось выше, с Н. С. Хрущевым («кузькина мать») и Л. С. Брежневым («застой», «брови» и «поцелуи»), мем с образом Б. Н. Ельцина обыгрывает алкоголизм правителя государства.

Также мемингу подвергаются исторические события, отражающие либо входящие в информационную повестку дня. Мем о Смутном времени «смутные времена настали» актуализируется в любой повестке дня, в которой ощущается тревожность общественных настроений, непонимание текущей ситуации и непредсказуемость будущего. Уже несколько лет актуальными являются мемы о «холодной войне» СССР и США, в связи с до сих пор длящимся политическим противостоянием России и Соединенных Штатов Америки. Мемы об императоре Николае II стали актуальными из-за споров по поводу выхода на экраны художественного фильма «Матильда», широко освещавшегося СМИ. В недавнем времени стал популярным мем об отмене крепостного права, при помощи которого пользователи социальных сетей проводили аналогии с современной пенсионной реформой.

Отдельного внимания заслуживают псевдо-исторические мемы, ярким примером которых является мем «типичный долбослов», высмеивающий квазипатриотизм, антисемитизм и великодержавный шовинизм.

Примеры исторического меминга можно продолжать бесконечно. Вся «школьная» история так или иначе подвергается меметизации пользователями социальных сетей. Самыми популярными агрегаторами исторических мемов являются такие сообщества социальной сети «ВКонтакте», как «Исторические мемы» (более 33 тыс. подписчиков), «Мемы про историю» (более 5 тыс.), «Мемы по истории» (более 89 тыс.), «Страдающее средневековье» (более 365 тыс.), «Студент-историк» (более 133 тыс. подписчиков) и др. В данных сообществах происходит создание авторских мемов, но больший объем занимают мемы, предлагаемые для размещения рядовыми пользователями.

Являясь продуктом социального творчества, исторические мемы могут отражать официаль-

ную политику памяти, проводимую государством, но довольно часто могут и противостоять ей, используя альтернативные и контркультурные образы прошлого. Нередко официальная историческая мифология используется в ироническом ключе и в протестных целях. В случае политической конкуренции фиксируются акты войны мемов, которые становятся продолжением мемориальных войн, разворачивающихся между различными сообществами.

Используя ресурсы социальных медиа и меминг как инструмент формирования исторической памяти, различные сообщества интернет-пользователей создают свои образы прошлого, которые отражают их интересы, выражают общественную позицию и применяются в политической борьбе. Кроме того, сегодня исторический мем – это отражение символической политики власти, ее понимание обычными гражданами, ставшими значимыми акторами политической жизни через участие в интернет-сообществах. Интернет-пользователи созданием мемов могут как поддерживать официальную политику памяти, так и выступать против нее. В последнем случае разрушительная сила мемов может быть достаточно велика, так как юмор, карикатуризация и мифологизация исторических событий близки коммуникативным потребностям современного общества, стремящегося к потреблению развлекательного контента.

В медиасфере память о прошлом становится пространством политической борьбы, в которой различные политические силы путем манипуляций с историческими фактами добиваются определенного влияния на массы. Исторические интернет-мемы сегодня являются эффективным инструментом формирования упрощенных, мифологизированных представлений о прошлом. Меминг политики памяти позволяет любому актору политической жизни, в том числе и государству, решать задачи по созданию исторической памяти, адекватной современной повестке дня, определять идентичность собственной группы и консолидировать ее, мобилизуя на решения поставленных задач.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования»).

Примечания

- ¹ См.: Миллер А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти России // Полития. 2013. № 4 (71). С. 114.
- ² См.: Петелин Б. В. Гельмут Коль : отвечая на вызовы

- истории // Журнал региональной истории. 2017. Т. 1, № 2. С. 12.
- ³ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М., 2007.
- ⁴ См.: Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюи-меж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб., 1999.
- ⁵ См.: Ассман Я. Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004.
- ⁶ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Часть третья. Память культуры. История и семиотика // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000 ; *Его же*. Память в культурологическом освещении // Там же ; *Его же*. Память культуры // Там же.
- ⁷ См.: The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. N. Y., 1983.
- ⁸ См.: Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестн. Евразии. 2000. № 1. 47–62.
- ⁹ Поцелуев С. П. Символическая политика : констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 5. С. 62.
- ¹⁰ См.: Тульчинский Г. Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5. С. 26.
- ¹¹ Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр. ; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М. ; СПб., 2007. С. 95.
- ¹² См.: Малинова О. Ю. Символическая политика : контуры проблемного поля // Символическая политика : сб. науч. тр. Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 5–16.
- ¹³ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. М., 2001.
- ¹⁴ См.: Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. О. Фомина. М., 1993.
- ¹⁵ См.: Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры. URL: http://infoculture.rsl.ru/NIKLib/athome/news/KVM_archive/articles/2013/03/2013-03_r_kvms-s3.pdf (дата обращения: 25.09.2018) ; Дабжева В. В. Изучение феномена вирусной информации : к истории вопроса // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 19 мая 2017 г.) / сост. О. Ф. Автохутдинова ; Урал. фед. ун-т. Екатеринбург, 2017. С. 110–144.
- ¹⁶ См.: Шомова С. А. Политический интернет-мем : сущность, специфика, разновидности // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22. С. 31.
- ¹⁷ См.: История страны : ставим «отлично», в уме держим «неуд» // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3581> (дата обращения: 18.09.2018).
- ¹⁸ См.: Сидоров А. И. Исторические мифы и возможности современных медиа // История : электрон. науч.-образоват. журн. Т. 9, вып. 6 (70). URL: <https://history.jes.su/issue.2018.2.6.6-70> (дата обращения: 18.09.2018) ; Айзенштат М. П., Бобкова М. С., Мереминский С. Г.,

Сидоров А. И. История и миф : кто кого? // Локус : люди, общество, культуры, смыслы. 2017 № 4. С. 133–137.

¹⁹ См.: Рашкофф Д. Медиавирус! Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / пер. с англ. Д. Борисова. М., 2003.

²⁰ См.: Мемеjacking : использование мемов для достижения маркетинговых задач // Cossa : [сайт].

URL: <https://www.cossa.ru/152/20238/> (дата обращения: 18.09.2018) ; Мемеjacking : что это и с чем его едят? // FreshIT : [сайт]. URL: <https://freshit.net/memejacking/> (дата обращения: 18.09.2018) ; Мемы в рекламе и брендинге // Sostav.ru : [сайт]. URL: <http://www.sostav.ru/news/2012/12/29/memy/> (дата обращения: 18.09.2018).

Образец для цитирования:

Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Меминг в политике памяти России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 450–456. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-450-456>

Cite this article as:

Artamonov D. S., Tikhonova S. V. Meming in the Russian Memory Politics. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 450–456 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-450-456>

УДК 323.2

ИМИДЖЕВЫЕ ИНВЕРСИИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. В. Головченко

Головченко Антон Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, golovchenkoav@mail.ru

В статье представлено исследование основных факторов, обусловивших инверсию имиджа либерального лидерства в постсоветской России. На основе анализа работ российских либеральных лидеров, программ и предвыборных материалов наиболее крупных либеральных политических партий в постсоветской России дана характеристика основных причин эволюции имиджа либералов от их восприятия в качестве мощной политической силы, сумевшей реализовать уничтожение СССР и проведение либеральных реформ всех сфер общественной жизни до образа маргинальных политических партий, выступающих прозападным инструментом глобализационных процессов.

Ключевые слова: имиджевые инверсии, либеральное лидерство, либеральные партии, имидж либерального лидерства.

Image Inversions of Liberal Leadership in Modern Russia

A. V. Golovchenko

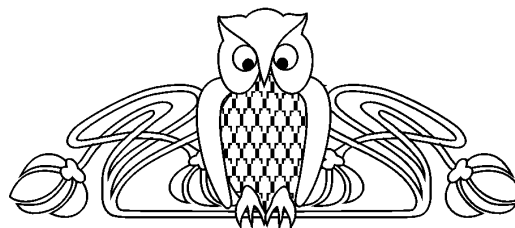
Anton V. Golovchenko <https://orcid.org/0000-0001-9349-1416>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, golovchenkoav@mail.ru

Key factors affecting inversion of image of liberal leadership in Post-Soviet Russia are analyzed in the article. Based on Russian liberal leaders' scholarly works, programs and pre-election materials of the biggest liberal political parties of Post-Soviet Russia, main reasons of liberals' images evolution from their perception as a powerful political force that has succeeded in collapsing the USSR and conducting liberal reforms in all spheres of social life to the image of marginal political parties acting as a pro-West tool of globalization processes are characterized.

Key words: image inversions, liberal leadership, liberal parties, image of liberal leadership.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-457-462>

Целью данной статьи является анализ эволюции имиджа либерального лидерства в постсоветской России как одной из самых противоречивых страниц в истории этого периода. В этой связи представляется весьма актуальным и научно значимым рассмотрение причин и характера инверсии либерального лидерства в постсоветской России. Под имиджем либерального лидерства мы понимаем совокупность типических черт, присущих либеральным лидерам, проявляемых в информационном пространстве в процессе их коммуникаций с властью, други-

ми субъектами политики и электоратом. Понятия «инверсия», «инверсионная логика» дают возможность раскрыть динамику образа либерального лидерства и либеральной идеологии в целом, «подчеркивают закономерную природу данных явлений, маркируют собственно научное пространство их изучения»¹. На наш взгляд, понятие инверсии позволяет сделать акцент на закономерности природы переворачивания смыслов исторических явлений (в данном случае либерального лидерства и либеральной идеологии), на конкретной совокупности внешних и внутренних причин и факторов таких аберраций (понимаемых как отклонение от устоявшейся или обоснованной прежде нормы). Инверсия данных политических концептов дает возможность объяснить их не только внутренней логикой, но и воздействием разнообразных внутренних и внешних обстоятельств, которые формально не вписываются в данную логику, нарушают ее, либо обосновывают новую логику. В качестве основных источников для анализа послужили труды российских либеральных лидеров, а также предвыборные материалы наиболее крупных либеральных политических партий в постсоветской России.

В советское время понятия «либерализм» и «либералы» не были широко востребованными. Гораздо более активно в политической социализации советских граждан использовались, например, категории «оппортунизм» и «социал-реформизм». Наиболее распространенными понятиями с негативной коннотацией были «буржуазные идеологи», «советологи», «кремлеведы» и другие «антисоветчики».

Либеральная составляющая данных категорий обсуждалась лишь на уровне узких специалистов, а для сознания большинства советских граждан было достаточно внедрения представлений о том, что все эти идеологи являются специалистами по борьбе с социалистической системой, ведущими подрывную деятельность против передового социалистического строя и социального прогресса.

Понятия «либерал», «либеральный» более знакомы были большинству образованных советских граждан со школьных лет по произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина «Либерал», «Премудрый пескарь» и «Карась-идеалист». В результате либералы воспринимались как непоследовательные, оторванные от реальной жизни, трусоватые люди, которым, по словам великого

сатирика, «чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать». В результате в массовом сознании формировался достаточно устойчивый имидж либералов, который воспринимался скорее как «антилидерство», как исторический негативный феномен, который остался в дореволюционном прошлом России.

В период перестройки и гласности понятия «либерализм» и «либерал» также были не в ходу. Инициаторы преобразований активно использовали понятия «демократия», «демократизация», «демократ». Обозначившаяся и постепенно крепнущая оппозиция внутри КПСС фактически использовала те же самые категории (Демократическая платформа в КПСС, Демократический союз и др.). Однако по мере нарастания процессов гласности оппозиционные лидеры наполняли их новым и, по сути, либеральным смыслом². Исключение составила Либерально-демократическая партия Советского Союза, институализированная впоследствии как ЛДПР. Однако акцент в программной и деятельностной составляющей имиджа данной партии реально был сделан не на либеральных ценностях, а на антикоммунизме и государственном национализме и эпатажности поведения ее бессменного лидера В. В. Жириновского.

Тем самым в этот период было заложено существенное противоречие в восприятии в массовом сознании образа либерализма и либерального лидера. Имидж данной партии и ее руководителя был сформирован на противопоставлении сложившихся стереотипов в отношении лидеров КПСС. В. В. Жириновский поломал привычный образ партийного лидера, основанный на строгости поведения и стандартного внешнего облика, выверенности выступлений на соответствие коммунистической идеологии, на следовании определенному этикету в общении с избирателями, коллегами и журналистами. С одной стороны, использование эпатажного поведения, резких высказываний и оценок В. В. Жириновского для формирования имиджа ЛДПР/ЛДПР вызывало массовый интерес своей необычностью и оригинальностью. С другой стороны, оно одновременно формировало контримидж ЛДПР в глазах значительной части российских граждан. В результате формировался негативный образ либерального лидерства в целом, от которого «подлинным либералам» приходилось отстраиваться достаточно длительное время. Более того, фактически использовав первым публично понятие «либеральный» в названии своей партии, В. В. Жириновский тем самым дискредитировал его для отечественных сторонников либерализма, и оно в период строительства российской многопартийности не использовалось в названиях крупных политических объединений.

После разрушения СССР и прихода к власти сторонников либерализма данное понятие

было реанимировано и введено в официальный публичный дискурс. Как точно подметил О. И. Шкаратан, в этот период на смену марксистскому единообразию «пришло радикал-либеральное единообразие»³.

Е. Т. Гайдар и А.Б Чубайс, Б. Е. Немцов стали главными представителями либерал-реформаторов, ключевыми характеристиками имиджа которых выступали технократизм и приверженность западноевропейской либеральной модели политического и социально-экономического развития. Однако в названия формируемых политических партий понятие «либеральный» вводить не спешили во многом благодаря тому, что ЛДПР формально уже заняла данную нишу.

Акцент в публичном информационном пространстве делался, прежде всего, на одной из ключевых характеристик либерализма – ценности рынка и рыночных отношений⁴. Е. Т. Гайдар, обосновывая правильность выбранного курса реформирования, сводил возможные варианты к борьбе двух основных альтернатив: восстановление военной сверхдержавы либо «отказ от имперских амбиций и раскрепощение общества ради свободного экономического и культурно-социального развития»⁵. Эта стратегическая установка стала квинтэссенцией взглядов всех сторонников российского либерализма, по поводу которой у них не было разногласий (хотя о тактических способах ее достижения расхождения обозначились изначально).

После расстрела Белого Дома в октябре 1993 г. и проведения в декабре 1993 г. выборов в Государственную Думу были институализированы основные партии либеральной направленности⁶. Анализ политических программ данных партий и позиций их лидеров в отношении проводимых реформ позволяет констатировать следующее. К моменту выборов в Государственную Думу 1995 г. имидж либеральных лидеров приобрел оформленный вид, но в своих основных вариантах: 1) имидж либеральных лидеров, ответственных за проводимые радикальные реформы всех сфер общественной жизни; 2) имидж либералов, в основном поддерживающих курс либеральных преобразований, но расходящихся в оценке способов и формах проведения; 3) образ оппозиционных либеральных лидеров в лице сторонников Г. А. Явлинского, критикующих проводимые реформы за их отступление от «настоящего либерализма». Если к этому добавить имидж В. В. Жириновского, формально также либерального, и наличие многих мелких общественно-политических образований либерального толка, то можно констатировать, что образ либерального лидерства в постсоветской России изначально складывался не монолитным, а фрагментированным, с различными векторами формирования в массовом сознании.

Этот раскол изначально усугублялся личными амбициями либеральных лидеров, их вза-

имными обвинениями и стремлением дистанцироваться друг от друга. Лишь в 1995–1996 гг. произошло временное единение либеральных сил перед лицом возможности «коммунистического реванша» на выборах Президента РФ. Однако после победы Б. Н. Ельцина на президентских выборах раскол либеральных сил и их конкуренция за один и то же электорат вновь усилились. Началось формирование автономных имиджей либеральных партий и соответствующих образов либеральных лидеров.

«ЯБЛОКО» во главе с Г. А. Явлинским стремилось сформировать имидж социального либерализма, основанного на преобразованиях, сочетающих свободу политической и экономической деятельности с сильной социальной политикой государства. Сторонники «ЯБЛОКА» позиционировали себя как последователей «настоящего» либерализма, отвечающего потребностям и возможностям современности, в противовес либералам-радикалам, ориентированным на ценности либерализма периода «дикого капитализма».

Лидеры радикального крыла в рамках последовательно меняющих свое название партий («Демократического Выбора России» (ДВР), «Выбора России» (ВР) и «Союза Правых Сил» (СПС)) выбрали стратегию формирования имиджа либералов, которым различные обстоятельства (сопротивление «партократов» прежде всего) не позволили реализовать до конца намеченные программы единственно возможных преобразований. Попытки А. Б. Чубайса внести коррективы в данный имидж за счет концептуализации «либеральной империи» как идеологической основы для конкуренции с набиравшими силу патриотическими мотивами голосования закончились ничем. Акцент продолжали делать на неизбежности и безальтернативности либеральных реформ, которые, по их мнению, «спасли» Россию от голодных бунтов и гражданской войны. Стратегия, по их мнению, была верной, но сопротивление партийно-хозяйственной номенклатуры и непоследовательность Б. Н. Ельцина не позволили реализовать ее в полной мере. Приход к власти В. В. Путина и его политика по укреплению «вертикали власти» были встречены либералами критикой и переходом к жесткой оппозиции президенту и «Единой России» как «партии власти».

Главная имиджевая стратегия состояла в стремлении снять с себя ответственность за негативные последствия проведенных радикальных реформ. Их объясняли сложностью ситуации (одновременное проведение политических и социально-экономических преобразований), сопротивлением сторонников возврата к прошлому, отсутствием необходимых ресурсов и помощи со стороны западноевропейских государств, опасностью гражданской войны в России.

В качестве примера наиболее последовательного оправдания неудач либеральной модер-

низации в нашей стране могут стать аргументы Л. Гудкова, приведенные в статье с примечательным названием «Общество с ограниченной вменяемостью»⁷. По его мнению, процессы модернизации «блокируются центральными, символическими институтами социальной системы в России, ее режимом власти. В этом смысле надежды на авторитарный вариант модернизации безосновательны, поскольку латентные функции этих институтов заключаются в систематической девальвации ценностей и подавлении механизмов, могущих инициировать появление более сложных форм социальной организации. Дефицит ценностей компенсируется самыми различными по характеру своего действия и источникам возникновения архаическими и простыми формами регуляции – обрядоверием, имитирующим веру, традиционалистскими ритуалами, фобиями, предрассудками, мифами, санкционирующими те или иные социальные практики. Стерилизации подвергается главный принцип модерности – формирование автономной субъективности»⁸.

Другое популярное объяснение состояло в признании цикличности либеральных преобразований в истории России с регулярным возвращением в авторитарную колею. В этой связи главная задача для либералов заключается в преодолении «перевала» и обеспечении выхода из исторической колеи⁹. Соответственно обосновывается имидж либеральных сил как социального меньшинства, отвечающего за высвобождение страны из колеи пагубных и болезненных циклов. Стратегия формирования положительного имиджа либерал-реформаторов опиралась на стремление записать себе в заслугу, прежде всего, спасение страны от надвигающегося голода и быстрое насыщение рынка необходимыми продуктами в 1991–1992 гг. за счет форсированного создания рыночных институтов и механизмов. В свой положительный актив либералы записывали спасение страны от кровавых конфликтов в результате «мирного развода» бывших советских республик, а также создание демократических политических институтов и механизмов. Особую гордость либерал-реформаторов вызывала институализация политических прав и свобод граждан, прежде всего в сфере свободы слова, а также развитие многопартийности и реальной политической конкуренции.

«ЯБЛОКО» выступило одним из жестких критиков своих праволиберальных конкурентов за ту высокую социальную цену, которую общество заплатило за проведенные преобразования (резкое падение уровня жизни, гиперинфляция, безработица, раскол общества на сверхбогачей и огромное количество людей, живущих за чертой бедности). Г. А. Явлинский и его сторонники подчеркивали отсутствие своей ответственности за непопулярные реформы, которые, по мнению социальных либералов, не соответствовали ни

историческим и современным особенностям России, ни мировым тенденциям, ни конъюнктуре момента. Свою либеральную программу они, напротив, позиционировали как полностью отвечающую указанным особенностям и потребностям современной России.

Создание «Единой России», введение чисто пропорциональной системы на выборах депутатов Государственной Думы наряду с ужесточением организационных требований к партиям привели к тому, что российские либералы утратили возможность позиционировать в своем имидже статус главных представителей российского бизнеса и среднего класса. «Единая Россия» успешно смогла привлечь на свою сторону большинство «новых русских» (особенно с учетом показательного процесса над Ходорковским) и продемонстрировала бизнес-элитам, что может быть с теми, кто захочет играть в политике по «своим правилам»¹⁰. Правые либеральные силы лишились в лице ЮКОСа не только важнейшего финансового источника, но и социальной поддержки.

В таких условиях имидж «ЯБЛОКА» постепенно был актуализирован как партии российской интеллигенции, а имидж СПС – как партии прозападной бизнес-элиты. Это означало процесс маргинализации данных партий и уменьшение их «ядерного» электората. Усугублял ситуацию и тот факт, что имидж обеих партий включал такой параметр, как неспособность к объединению в результате личных амбиций лидеров «ЯБЛОКО» и СПС.

На снижение рейтингов данных партий повлиял также ряд новых факторов. Прежде всего, сказались формирование пропрезидентских партий либеральной направленности, которые еще более усилили внутреннюю конкуренцию в данном идеологическом сегменте. Кроме того, в борьбу за избирателей, ориентированных на либеральные ценности, активно включилась «Единая Россия». Использование либеральной риторики в публичном политическом дискурсе единороссов подкреплялось тем, что была осуществлена попытка создания внутри «Единой России» трех платформ (в том числе и либеральной).

Отсутствие серьезных результатов на выборах у либеральных партий компенсировалось тем, что выделились радикальные лидеры (Г. Каспаров, Б. Немцов, М. Касьянов, А. Навальный и др.), максимально ориентированные на критику курса В. Путина и на реализацию западноевропейской либеральной модели в России. Осуществить консолидацию всех либеральных сил в России они попытались в рамках «белоленточной революции» 2011–2012 гг. После провала этой революции, как протеста «офисного планктона», были осуществлены новые попытки объединения. Важную роль в корректировке имиджа либералов сыграло убийство Б. Е. Немцова,

смерть которого была максимально использована для привлечения внимания к праволиберальной РПР–ПАРНАС со стороны мирового общественного мнения, а также для формирования имиджа гонимой партии, которая несет серьезную угрозу существующему режиму. Длительное время муссировалась информация о якобы имеющихся в наличии у Б. Немцова разоблачительных материалов в отношении ближайшего окружения Президента РФ, которые он готовился предъявить российским гражданам и мировому сообществу, в результате чего и был убит. Разоблачительная информация так и не появилась, но организационная, финансовая, информационная и моральная поддержка со стороны западноевропейских лидеров была ими получена.

Законодательное оформление борьбы с «иностранными агентами» существенно осложнило деятельность либеральных партий. Прежде всего, они лишились поддержки тех НКО, которые контролировали и оценивали процедуры выборов и состояние прав и свобод в современной России. Либеральные партии встали перед выбором: либо отмежеваться от характеристик «агенты Запада», «иностранные агенты», либо открыто обосновывать закономерность и справедливость связей этих партий с западноевропейскими НКО.

Однако «отстранение» друг от друга по данной позиции продолжалось недолго. Произошедший государственный переворот на Украине, возвращение Крыма в состав России и начало вооруженного конфликта на Юго-Востоке Украины выдвинули на первый план в имидже либеральных партий иную грань и характеристику. Главным отличительным признаком большинства либеральных партий стало резко негативное восприятие и оценки внешнеполитического курса России: «агрессия России», «аннексия Крыма», «нарушение международного права» и т. д.

Фактически в структуре институционального имиджа всех прозападных либеральных партий появилось «ядро», которое позиционирует их как единую политическую силу. Характеристики этого «ядра» включают: прозападные ориентации; резкую критику внешнеполитического и внутривнутриполитического курса современной России; признание авторитарного характера действующего режима; возложение на В. Путина главной ответственности за сложившуюся ситуацию¹¹.

Однако предвыборная кампания в Государственную Думу показала, что большинство данных партий понимает негативные последствия и проигрыш акцента на внешнеполитических сюжетах, связанных с Крымом и гражданской войной на Украине. Поэтому акцент делали на социально-экономических проблемах, на ухудшении материального положения россиян, увязывая его с последствиями санкций и с обострением отношений с Западом¹². Тем самым радикальные

либералы пытались провести ребрендинг своих партий в сторону усиления позиции представительства интересов среднего класса.

«ЯБЛОКО» выстраивало эту конструкцию имиджа особенно активно, так как данные имиджевые элементы использовались партией на протяжении всей ее истории. Не стала исключением и последующая президентская кампания Г. Явлинского 2018 г.¹³. Кроме того, на региональном уровне акцент делался на конкретной защите интересов наименее защищенных слоев населения¹⁴. ПАРНАС не имела в этом смысле никаких ресурсов, кроме предвыборных заявлений М. Касьянова и других кандидатов от партии на тему защиты интересов среднего класса.

Несмотря на то, что в ходе предвыборных мероприятий и в своих агитационных материалах кандидаты от данных партий не акцентировали внимания избирателей на теме Крыма, конкурирующие партии постоянно напоминали избирателям об этом. Свою контримиджевую стратегию в отношении радикальных российских либералов они выстраивали на теме предательской позиции в отношении Крыма и поддержке данных партий со стороны западноевропейских государств. Фактически их позиционировали как «иностранных агентов», которые могут привести Россию к «цветной» революции и гражданской войне. Такая инверсия либерального лидерства, состоявшаяся в последние годы, на наш взгляд, значительно снизила их шансы на получение серьезной поддержки российских избирателей и перечеркнула надежды быть представленными в Государственной Думе. Итоги прошедших выборов в Госдуму подтвердили, что абсолютное большинство российских граждан проголосовали за кандидатов от других партий. «Гражданская сила» получила на выборах 0,14% голосов, «Гражданская платформа» – 0,22%, ПАРНАС – 0,73%, «Российская экологическая партия «Зеленые»» – 0,76%, РОДП «ЯБЛОКО» – 1,99%¹⁵. Даже если суммировать результаты всех этих партий, условно отнесенных к либеральному сегменту, то общий результат составляет 3,84% и недостаточен для преодоления барьера в 5%. Более того, заявление лидеров либеральных партий по итогам выборов 2016 г. свидетельствуют, что они фактически подтвердили свою готовность выступить инструментами осуществления очередной «цветной революции» в современной России¹⁶.

Таким образом, имидж либералов в постсоветской России проделал эволюцию от их восприятия в качестве мощной политической силы, сумевшей реализовать уничтожение СССР и проведение либеральных реформ всех сфер общественной жизни, до образа маргинальных политических партий, выступающих прозападным инструментом глобализационных процессов.

Важнейшими факторами, негативно влияющими на образ либералов в массовом сознании

в постсоветской России, выступают, прежде всего, разрушительные последствия реформ 1990-х гг., проведенных под либеральными лозунгами, а также перманентные конфликты в либеральном сегменте российской партийной системы и борьба либеральных лидеров друг с другом.

Попытки ребрендинга имиджа либеральных партий как представителей интереса среднего класса на федеральном уровне потерпели неудачу. Однако ставку на продвижение отдельных региональных лидеров «ЯБЛОКА» в конкретные законодательные/представительные органы субъектов Российской Федерации можно оценить как успешную и стратегически выигрышную. Она создает предпосылки для относительно безболезненной смены партийного лидера РОДП «ЯБЛОКО» и сохранения организационных и политических ресурсов одной из ведущих партий в современной России.

Примечания

- 1 Проблема социокультурных инверсий : сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 1997. С. 5.
- 2 См.: *Вилков А. А.* Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // «Новая Россия» : Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 22 марта 2004 г.). М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. С. 157–165.
- 3 *Шкаратан О. И.* Факторы и последствия реформ пороссийски // Мир России. 2006. Т. 15, № 3. С. 3.
- 4 См.: *Ослунд А.* Россия : рождение рыночной экономики. М. : Республика, 1996.
- 5 *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. Дни поражений и побед. М. : Евразия, 1997. С. 154–155.
- 6 См.: *Олещук В. А., Павленко В. Б.* Политическая Россия : партии, блоки, лидеры. Год 1997 : справочник. М. : Весь мир, 1997.
- 7 См.: *Гудков Л.* Общество с ограниченной вменяемостью // Вестн. общественного мнения. 2008. № 1 (93). С. 8–32.
- 8 Там же. С. 32.
- 9 См.: *Розов Н. С.* Колея и перевал : макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М. : РОССПЭН. 2011.
- 10 См.: Либеральная платформа «Единой России» обсуждает проблемы предпринимателей. URL: <http://er.ru/news/2013/10/8/liberalnaya-platforma-edinoj-rossii-obsudit-problemy-predprinimatelej/> (дата обращения: 12.03.2014).
- 11 См.: *Гозман Л.* Уход Путина как дорога к миру? URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/27128294.html> (дата обращения: 18.07.2015).
- 12 См.: *Вилков А. А.* Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69

- ¹³ См.: Основные направления президентской программы Григория Явлинского. URL: <https://2018.yavlinsky.ru/campaign/#more-331> (дата обращения: 26.01.2018).
- ¹⁴ См., например: Саратовское «ЯБЛОКО» вступилось за жителей общежитий, с которых незаконно взимают плату. URL: <https://www.yabloko.ru/regnews/Saratov/2017/06/15> (дата обращения: 26.01.2018).
- ¹⁵ См.: Сводная таблица результатов выборов по федеральному избирательному округу. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100067795854&vrn=100100067795849&region=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&type=233 (дата обращения: 17.11.2016).
- ¹⁶ См.: Российская оппозиция обсудила в Хельсинки, что будет после Путина. URL: <http://inosmi.ru/politic/20161115/238203301.html> (дата обращения: 15.11.2016).

Образец для цитирования:

Головченко А. В. Имиджевые инверсии либерального лидерства в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 457–462. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-457-462>

Cite this article as:

Golovchenko A. V. Image Inversions of Liberal Leadership in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 457–462 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-457-462>

УДК 32

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ

О. Е. Чуйков

Чуйков Олег Евгеньевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Курский государственный университет, chuikov-ru@mail.ru

В данной статье рассмотрены: процесс идентификации и определение целей, средства и методы, с помощью которых лидерам удается заручиться поддержкой аппарата управления и населения. Выявлены подходы к определению понятия «лидерство», которые имеют место как в зарубежной политической науке, так и в российской. Рассмотрен политический феномен лидерства, процесс его развития в системе государственного и муниципального управления. Выявлены психологические, социальные, политические составляющие элементы лидерства, основные модели лидерства. Определены проблемы лидерства и реализации лидерских качеств в современном российском государстве и рассмотрены перспективы модернизации модели политического лидерства в России.

Ключевые слова: политическое лидерство, модели лидерства, руководитель, государственное и муниципальное управление, харизма, солидарность.

Political Leadership in the Modern System of State Administration of Russia

О. Е. Chuikov

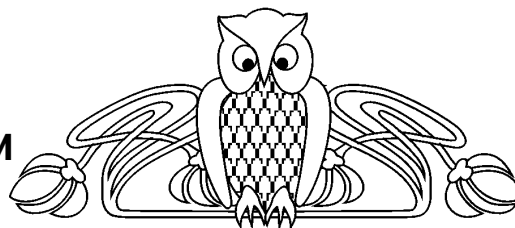
Oleg E. Chuikov, <https://orcid.org/0000-0001-9616-2220>, Kursk State University, 33, Radishcheva Str., Kursk, 305000, Russia, chuikov-ru@mail.ru

This article deals with such aspects as the identification and definition of goals, means and methods by which leaders manage to enlist the support of the administration and the population. The article reveals the approaches to the definition of the concept of "leadership", which take place both in foreign political science and in Russia. The political phenomenon of leadership, the process of its development in the system of state and municipal government are described. Psychological, social, political components of leadership, basic models of leadership are revealed. The problems of leadership and implementation of leadership qualities in the modern Russian state are identified and the prospects of modernization of the model of political leadership in Russia are considered.

Key words: political leadership, leadership models, leader, state and municipal management, charisma, solidarity.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-463-465>

Проблема формирования и развития лидерства была и остается актуальной как для зарубежной, так и для отечественной науки. Лидерство в контексте государственного управления рассматривалась В. Парето, Г. Лассуэллом; причины формирования лидерских качеств исследо-

вал Р. Каттел. Рассматривая теорию лидерства, нельзя не отметить большого вклада в неё таких исследователей, как Курт Левин, который сформулировал методы управления и стили лидерства, рассматривал проблему разрешения конфликтов¹.

Лидерство, как отметил Р. Л. Кричевский, – психологический феномен, порождённый системой неформальных отношений². Упорядочение отдельных элементов такой системы достигается через вертикальное управление-подчинение и горизонтальные связи распределения полномочий. Связь выстраивается в управленческую пирамиду, вершиной которой и является лидер. При этом лидер признаётся составной частью группы только после того, как докажет свою компетентность и надёжность.

Лидер обладает способностью влиять на людей, что позволяет ему оперировать властью и авторитетом своих последователей. Проявляется закон синергии. Как отмечают исследователи, именно власть связей приобретает одно из главенствующих значений любой эффективной системы. Для организации, работающей на основе эффективного лидерства, это означает большой потенциал к быстрому достижению целей. Главное в такой системе – обеспечить инновационное направление сотрудников и воспроизводство лидеров на всех «этажах». Необходимость данных условий в современных системах управления описана кратко, но ёмкой фразой в научной работе С. В. Васильева, А. И. Жуковского и К. Цуркера: «Лидерство в каждом, приводящее к лидерству организации»³. Также они отметили, что возникшая модель лидерского управления способна обеспечить организации гибкость и устойчивость в условиях риска и изменений.

Рассматривая типологию лидерства, следует отметить классификацию профессора Б. Д. Парыгина, в основе которой лежат три критерия: содержание, стиль и характер деятельности. Данная типология была разработана на основе понимания того, что каждый лидер имеет свой стиль управления и принятия решений. По содержанию лидерство различают на лидерство-вдохновители, лидеры-исполнители и лидеры-организаторы; по стилю – авторитарные лидеры, демократические и пассивные, а по характеру деятельности – универсальный тип лидера, постоянно проявляющий лидерские качества, и ситуативный. Смысл определений понятен из названий и вполне себя оправдывает⁴.

Эффективное лидерство в какой-либо сфере деятельности возможно при условии, что лидер будет не только соответствовать вышеназванным требованиям, но и придерживаться основных принципов лидерства: доверие, постановка разумных задач и рациональное использование сотрудников и ресурсов, создание мотивации и подача правильного примера ведения дел.

В системе государственного управления существуют конкретные условия, определяющие возможность развития лидерства. Во-первых, это ситуация, для решения которой необходим прорыв вперёд. Во-вторых, это личность, имеющая потенциал стать во главе и взять на себя всю ответственность. Третьим, обязательным, фактором является группа последователей с налаженной прямой и обратной связью⁵.

В государственном управлении лидерство является особо важным фактором, поскольку без первых лиц невозможны серьёзные преобразования в каком-либо вопросе. При этом лидерская группа государственных управленцев самая малочисленная, что делает её ещё более значимой, а требования к лидерам данной категории – более высокими.

Другими словами, государственный служащий, по мнению граждан России, должен, в первую очередь, учитывать человеческий фактор и совершать гуманные поступки.

Со стороны профессиональной деятельности лидерские качества государственного и муниципального управляющего имеют более постоянный характер по сравнению с иными сферами деятельности. По мнению исследователей М. Белбина, Е. С., Жарикова и других, эффективность работы управленца обусловлена его решительностью и устойчивостью, уважением к подчинённым, умением вести за собой людей, не применяя прямых команд⁶.

Лидер также обязан быть стратегом. Требования к лидеру в системе государственного и муниципального управления много, и исполнить их достаточно сложно. Неудивительно, что есть случаи нарушения и несоответствия ожиданиям от управленцев. Тогда возникает вопрос: «А нужны ли вообще настоящие лидеры в государственном управлении или только посредственности и исполнители?». Ведь так тяжело добиться сочетания в одном человеке всех необходимых качеств, опыта и знаний... Как известно, не имея чёткого и контролируемого направления, невозможно прийти к чему-то стоящему. Посредственный исполнитель не сможет задать точный курс, правильно распределять ресурсы и полномочия, осуществить контроль и нести персональную ответственность.

В XXI в. государственное управление претерпит кризис лидерства. Требуется новая модель лидерства, основанная на принципе командной деятельности. Произойдёт отказ от авторитарной модели, на место которой встанет

солидерство. Управляющим придётся сделать сознательный шаг к отказу от части своих полномочий, а организации в целом переживут структурные перестройки.

В авторитарной модели нет чёткой взаимосвязи и достаточного понимания между элементами системы управления; возможна деполитизация населения. С позиции самого лидера руководитель сам решает проблемы и принимает решения, используя либо самостоятельно накопленную информацию, либо информацию, предоставленную подчинёнными. При этом подчинённые не участвуют в процессе анализа и принятия решения. Практически субъективное управление малоэффективно и увеличивает шансы на ошибку. Формируется харизматическое правосознание, закон может быть противоположен справедливости⁷.

Солидерство же, наоборот, основано на распределении обязанностей и власти по принятию решений. Положительных аспектов несколько: во-первых, снижается риск, ситуация рассматривается с разных сторон и разнопрофильными специалистами, увеличивается скорость и точность исполнения; во-вторых, подчинённые чувствуют себя не просто «поисковиками» информации, ни за что практически не отвечающими, а непосредственно принимают участие, наделены долей власти и несут ответственность, что является хорошим стимулом к эффективной профессиональной деятельности.

Следует предположить появление в системе государственного управления России смешанной модели, сочетающей авторитарные и демократические основы, в том числе и солидерство. Лидер, как и в авторитарной модели, будет высокоответственным, рассудительным и надёжным управленцем. При этом вместо централизации власти в такой модели произойдёт распределение полномочий, как в демократической, но с некоторыми поправками: для большей эффективности на каждом уровне управления также появится свой лидер⁸. Такая модель в государственном и муниципальном управлении может по праву считаться результатом сложения опыта ни одного поколения лидеров, отображением исторических традиций и являться, возможно, наиболее эффективной в будущем.

В государственном управлении на протяжении долгого времени сформировался ряд проблем⁹, которые, очевидно, не дают возможности появления в политической системе новых эффективных лидеров, а если такая возможность есть, то она обуславливается больше популистскими целями, нежели стремлением повышения качества управления страной. Сложившаяся политическая система унаследовала «пороки» советской управленческой модели, а именно старение кадров высших эшелонов власти. Лидеры парламентских партий, главы ведомств, Центризбирком, в общем «политбюро РФ» на 75% состоят из

лиц старше 60 лет. В Совете Федерации из 170 депутатов 76 – пенсионеры¹⁰. У руководства высшими государственными органами в России стоят преимущественно пенсионеры. Конечно, в политике главное не возраст, а опыт и умение работать на благо своей страны. Сразу возникают вопросы: а способны ли все «чиновники-пенсионеры» продуктивно работать? и где набирать опыт молодым управленцам, если большинство социальных лифтов не работает? Такая же ситуация происходит и на муниципальном уровне управления. Сложилась уже «новая» традиция «завещания» своих постов и должностей родственникам и друзьям. Какими хотят видеть лидеров наши граждане, давно уже понятно. Проведено множество исследований и социологических опросов. А вот каким образом эти чаяния будут воплощать представители власти? И будут ли воплощать вообще? Данные вопросы остаются открытыми.

Политическое лидерство в современной системе государственного управления – это гибкий инструмент эффективной организации управленческого процесса. Лидер должен действовать в зависимости от ситуации, применяя смешанный подход к решению, находить выход в ситуациях неопределённости или повышенного риска. Наибольшего результата чаще всего получается добиться харизматическому лидеру, за которым идут последователи, а он, в свою очередь, действует в зависимости от ситуации, применяя смешанный подход к решению политических задач. В ситуациях неопределённости или повышенного риска такой лидер наиболее вероятно найдёт решение. Большую роль в повышении эффективности играет и делегирование полномочий, наличие лидеров на каждом «этаже» системы государственного управления. Также назрела необходимость дальнейшего развития системы ротации кадров в сфере государственного управления в пользу увеличения количества профессиональных, компетентных руководителей.

Примечания

- ¹ См.: Lewin K. Field Theory and Experiment in Social Psychology : Concepts and Methods // American Journal of Social Psychology. 1939. № 44. P. 873–884.
- ² См.: Кричевский Р. Л. Если вы руководитель : элементы психологии менеджмента в повседневной работе. М. : Дело, 2017. С. 56.
- ³ Васильев С. В., Жуковский А. И., Цуркер К. Эффективность работы организаций государственного и муниципального управления и их служащих. Великий Новгород : Знание, 2002. С. 25.
- ⁴ См.: Парыгин П. Д. Лидерство как инструмент интеграции общности // Социальная психология в трудах отечественных психологов : хрестоматия. СПб. : Питер, 2000. С. 221–234.
- ⁵ См.: Еропкина А., Сидорова Н. Имидж руководителя. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2017. С. 19.
- ⁶ См.: Соколова Е. А. Лидерские качества в профессиональной деятельности менеджера государственного и муниципального управления // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 4. С. 11.
- ⁷ См.: Чуйков О. Е. Традиции российской государственности и их влияние на современное государственное управление // Изв. ЮЗГУ. Сер. История и право. 2017. Т. 7, № 2 (23). С. 102.
- ⁸ См.: Альбеков К. А. Политическое лидерство в контексте повышения эффективности государственной власти // Современная политология : проблемы, поиски, решения : сб. науч. тр. Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2016. С. 28.
- ⁹ См.: Шестов Н. И., Вилков А. А. Ценностные основания рекрутирования современных российских элит : проблемы и перспективы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 86–91.
- ¹⁰ См.: Цепляев В. Кто правит Россией? Средний возраст чиновников и депутатов // Аргументы и Факты. № 18. 29.04.2017. URL: http://www.aif.ru/politics/russia/kto_pravit_rossiey_aif_uznal_sredniy_vozrast_chinovnikov_i_deputatov (дата обращения: 16.05.2018).

Образец для цитирования:

Чуйков О. Е. Политическое лидерство в современной системе государственного управления России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 463–465. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-463-465>.

Cite this article as:

Chuiikov O. E. Political Leadership in the Modern System of State Administration of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 463–465 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-463-465>.

УДК 32.019.5

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

А. Р. Александров, С. Г. Машкова

Александров Артём Романович, аспирант кафедры «Связи с общественностью», Тамбовский государственный технический университет; руководитель центра социальных программ, Институт общественных и политических коммуникаций, Тамбов, liberty1917@gmail.com

Машкова Светлана Геннадьевна, кандидат филологических наук, и.о. заведующего кафедрой «Связи с общественностью», Тамбовский государственный технический университет, sanvita@mail.ru

В статье рассматривается природа феномена социально-политической стабильности в современной России при снижении уровня жизни населения и реальных доходов, которое отмечается в последние годы на фоне экономической рецессии. В рамках изучения рассматриваемого явления АНО «Институт общественных и политических коммуникаций» в июне 2018 г. проведено масштабное исследование среди жителей северо-восточных районов Воронежской области и города Борисоглебска.

Ключевые слова: общественно-политическая стабильность, протестное настроение, общественное мнение.

The Phenomenon of Political Stability in the Face of Declining Living Standards of the Population on the Example of Russian Province

A. R. Alexandrov, S. G. Mashkova

Artem R. Alexandrov, <https://orcid.org/0000-0002-4370-4476>, Tambov State Technical University, 106, Sovetskaya Str., Tambov, 392000, Russia; Institute of Public and Political Communications, 61, Michurinskaya Str., Tambov, 392018, Russia, liberty1917@gmail.com

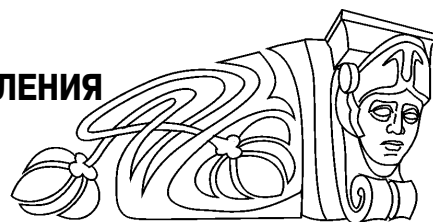
Svetlana G. Mashkova, <https://orcid.org/0000-0001-9423-1675>, Tambov State Technical University, 106, Sovetskaya Str., Tambov, 392000, Russia, sanvita@mail.ru

The article discusses the nature of the phenomenon of socio-political stability in modern Russia with a decrease in living standards and real incomes, which is noted in recent years against the background of economic recession. As part of the study of the phenomenon considered by the ANO "Institute of Public and Political Communications" in June 2018, a large-scale study was conducted among residents of the North-Eastern districts of the Voronezh region and the city of Borisoglebsk.

Key words: public and political stability, protest mood, public opinion.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-466-469>

Социально-политическая стабильность в обществе зависит от множества факторов, прежде всего, от уровня материальной обеспеченности, социальной защищенности граждан, а также безопасности личности¹.

Как показывают последние события, пенсионная реформа привела к росту протестных настроений в российском обществе². Пока в публичных мероприятиях протестного характера принимает участие меньше 1% от общей численности населения, но трансформация сознания началась³. Если в апреле 2018 г. исследователи АНО «Левада-Центр» фиксировали, что 86% россиян не желали участвовать в любых протестных акциях, 75% респондентов считали маловероятными протесты в связи с падением уровня жизни или в защиту своих прав, то ситуация изменилась через несколько месяцев после анонсирования Правительством РФ поэтапного повышения пенсионного возраста⁴. Июльские социологические исследования показывают, что впервые с 2009 г. вероятность массовых протестов с экономическими требованиями в России в представлениях населения превысила 40%, а готовность принимать участие в акциях протеста достигла 30%⁵.

В то же время «плавное» снижение уровня жизни населения и реальных доходов, которое отмечается последние годы на фоне экономической рецессии, не привело к заметному росту протестных настроений⁶. По оценкам экспертов Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, количество бедных в России не 20 млн человек, о чем говорит официальная статистика, а больше 35 миллионов⁷. Портрет современного бедного – семейный человек трудоспособного возраста, имеющий постоянную низкооплачиваемую занятость.

При ухудшении уровня жизни широких слоев населения мы фиксируем феномен социально-политической стабильности. В рамках изучения рассматриваемого явления Институтом общественных и политических коммуникаций в июне 2018 г. проведено масштабное исследование среди жителей северо-восточных районов Воронежской области и города Борисоглебска.

Социально-политическая ситуация в сельской местности Центральной России

В ходе социологического исследования жители Терновского района слабо шли на контакт, мало кто соглашался отвечать на вопросы интервьюеров. В среднем из 10 человек соглашались отвечать на вопросы только трое, отмечалась настроенность, особенно в небольших селах.

Уклонялись от ответов на вопросы, связанные с деятельностью органов местного самоуправления и оценками руководителей органов государственной власти и местного самоуправления.

Основные жалобы жителей района связаны с качеством предоставления медицинских услуг. Состояние в сфере медицины района оценивают как плохое и очень плохое более 40% респондентов. Люди в большинстве случаев не могут позволить себе платное лечение, прежде всего по причине отсутствия денежных возможностей, а бесплатное ограничивается все больше и больше. Отмечается сокращение численности населения (за последние 5 лет – на 8,5%) – наряду со снижением рождаемости наблюдается отток молодого трудоспособного населения в крупные города России.

Жители Терновского района не могут дать своим детям качественное образование, недовольны состоянием в этой сфере 20% респондентов. Условия обучения, как по качеству образовательного процесса, так и по фактическому состоянию учреждений, оставляют желать лучшего.

Следующая актуальная проблема – занятость населения и низкий уровень оплаты труда в Терновском районе. Заработную плату до 10 тыс. руб. получает 64,0% населения, от 10 тыс. до 19,9 тыс. руб. – 32,4%. В целом трудоспособное население района можно разделить на три категории:

- 1) находящиеся на заработках – покинувшие пределы Терновского района;
- 2) самозанятое население, преимущественно занимающееся приусадебным хозяйством;
- 3) работа в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве по найму.

В сфере ЖКХ жители района в числе основных проблем выделяют некачественное водоснабжение и несанкционированные свалки. Недовольны состоянием сферы ЖКХ 33,6% населения.

По мнению 42,0% населения Терновского района, за последние несколько лет жизнь в районе ухудшилась. В то же время почти 50,0% местных жителей считают, что с точки зрения социально-экономической ситуации в районе все нормально и хорошо. Застойная бедность и пессимизм в отношении перспектив вызывают социальную апатию, нежелание участвовать в общественно-политической жизни муниципального образования. В частности, акции протеста в защиту социально-экономических прав поддерживают 20,0% жителей района, 57,0% не знают, кто в настоящее время руководит Воронежской областью, ничего не знают о работе губернатора 55,8%.

Представленные цифры говорят об усилении выученной беспомощности среди широких слоев населения, особенно это ярко наблюдается в сельской местности⁸. Человек не предпринимает попыток к улучшению своего положения, хотя имеет такую возможность. Данное явление проявляется, как правило, после нескольких не-

удачных попыток воздействовать на негативные обстоятельства среды. К примеру, протестуй не протестуй (голосуй не голосуй) – как надо, так и сделают, подобным образом рассуждают многие граждане страны. По мнению психологов, состояние выученной беспомощности можно охарактеризовать тремя признаками⁹: во-первых, безынициативность, отсутствие попыток бороться с неприятностями; во-вторых, торможение когнитивных функций, прежде всего к усвоению нового опыта – индивид не верит, что можно найти выход из сложившейся ситуации; в-третьих, все эти негативные процессы сопровождаются эмоциональными расстройствами, любая мелочь выводит человека из равновесия. Жители сельской местности проявляют минимальный интерес к политической жизни, в том числе и выборам. Население дезориентировано, не верит в собственные силы, подавлено грузом хозяйственно-бытовых проблем.

В Терновском районе проходят акции протеста (митинги, пикеты) местных жителей и активистов общественной организации «Терновка не Кущевка». Количество участников незначительно, что не удивительно, поскольку вместо диалога с гражданскими активистами руководители района оказывают на них административное воздействие, требования протестующих власти игнорируют.

На момент исследования фиксировалась достаточно слабая в Терновском районе поддержка врио губернатора Воронежской области А. Гусева, на выборах 9 сентября его готовы были поддержать менее 50% населения. Есть вероятность, что часть жителей района экстраполируют негатив в отношении главы Терновского района И. Беловой, социально-экономические проблемы на действующего губернатора, который, по их мнению, слабо контролирует ситуацию в районе. Одновременно 60% респондентов поддерживают правящую партию «Единая Россия», рейтинг которой выше, чем у руководителей региона и органов местного самоуправления. По итогам выборов кандидатуру А. Гусева поддержали более 80% избирателей Терновского района¹⁰.

Подобная система в среднесрочной перспективе устойчива. Население аморфно, нет организации и лидеров, которые могли бы актуализировать и защитить интересы сельчан. Люди попадают в ловушку бедности, они не голодают, в основном спасаются за счет приусадебных участков, в состоянии удовлетворить физиологические потребности, но совершенно не в состоянии удовлетворить долгосрочные потребности, в том числе по саморазвитию. Большинство жителей района отказываются думать о более достойной жизни, полностью зависимы от власти, чем и пользуются чиновники и отдельные представители бизнеса в угоду личных корыстных интересов.

В долгосрочной перспективе система «гниения» общества приведет к окончательной де-

градации муниципального образования, которое будет поглощено соседними районами. В отдельных случаях возможны стихийные народные протесты, если будут напрямую затронуты вопросы выживания местных жителей, допустим, отключение системы водоснабжения или авария на аммиакопроводе, который проходит по Терновскому району. События будут развиваться по сценарию протестов против свалок в Московской области.

Общественно-политическая ситуация в соседнем Грибановском районе Воронежской области демонстрирует аналогичные общественно-политические тенденции. Довольны работой действующего главы муниципального образования А. Рыженина менее 50% респондентов. По мнению жителей, за последние несколько лет жизнь в муниципальном образовании не изменилась, так считают – 33,2%, улучшилась – 28,0%, ухудшилась – 29,4%. В то же время 41,0% местных жителей считают, что с точки зрения социально-экономической ситуации в районе все нормально. До перехода в Грибановский район А. Рыженин с 2005 г. работал в администрации Новохоперского района сначала в должности начальника отдела финансов, позже стал заместителем главы. Несмотря на то, что с момента назначения прошло более двух лет, многие жители района и представители бизнес-сообщества воспринимают его как варяга.

Жители Грибановского района в качестве основных проблем выделяют следующие: неудовлетворительное состояние дорог (64% респондентов), низкое качество медицинского обслуживания (46,2%), отсутствие рабочих мест и проблемы с экологией. В пгт. Грибановский людям очень трудно найти достойную работу, поэтому многие вынуждены уезжать на заработки в другие регионы, прежде всего в Москву, безработных – 14%. Если и повезет найти работу, то она низкооплачиваемая, средняя заработная плата – 13 тыс. руб.; до 10 тыс. руб. в месяц получают 62,2% населения.

Общественно-политическая активность и проблемы провинциального города

Более позитивное восприятие общественно-политической жизни фиксируется среди жителей города Борисоглебска Воронежской области, при этом отмечаются схожие проблемы.

Одна из самых актуальных тем, которые указывают жители города Борисоглебска в 65% анкет, – улучшение состояния дорог местного значения. Для жителей города злободневна проблема отсутствия рабочих мест с достойной заработной платой: 43,3% местного населения получают заработную плату до 10 тыс. руб. в месяц, 40,0% – до 20 тыс. руб. в месяц. Решение проблемы местные жители видят в следующем: «Нужно открывать

предприятия, чтобы были рабочие места», «Повысить занятость наших детей», «Рабочие места предоставить», «Повышение заработной платы», «Больше рабочих мест», «Чтобы не задерживали заработную плату», «Организовать побольше рабочих мест для молодежи».

Для 36% горожан крайне остро стоит проблема улучшения жилищных условий. Большая часть населения объективно не может себе позволить решать жилищные проблемы из-за нехватки денег.

Многие респонденты недовольны качеством медицинского обслуживания, отмечают нехватку врачей специализированного профиля, в связи с чем очень тяжело получить квалифицированную медицинскую помощь. Состояние медицинской сферы как плохое и очень плохое оценивают 47,5% респондентов. Особенно горожане просят обратить внимание на детскую медицину: в поликлиниках огромные очереди, больные дети и здоровые находятся на приеме у одного врача, нет кардиолога и многих специалистов.

Несмотря на существующие проблемы, 49,0% горожан считают, что за последние годы социально-экономическая ситуация в городе улучшилась. Довольны работой местной администрации 46,0%, это больше, чем число респондентов, которые положительно отмечали деятельность врио губернатора Воронежской области А. Гусева (25,0%), большинство (54,7%) ничего не знали о его работе. Достаточно хорошие показатели в городе по социально-политической активности населения, более 70% регулярно ходят на выборы.

Процесс отчуждения укрепляет позиции

За последний год усилились тревожные настроения среди жителей страны¹¹. Выражают озабоченность проблемами, связанными с благосостоянием и доходами: ростом цен и безработицы, бедностью, социальным расслоением в обществе, ростом платности и недоступности образования. Рассматриваемые проблемы высказывали и респонденты исследования, проведенного Институтом общественных и политических коммуникаций.

На фоне ухудшения уровня жизни населения и новых реформ (повышение пенсионного возраста, налогов и т. д.) гарантом общественно-политической стабильности продолжает оставаться Президент РФ В. Путин. Уровень одобрения деятельности Президента РФ в августе 2018 г. составил 70%¹². Одновременно снижается одобрение политики председателя Правительства РФ Д. Медведева до 28% и Государственной Думы ФС РФ до 30%.

В российском обществе намечается поколенческий раскол в связи с пенсионной реформой: чем моложе человек, тем более негативно он высказывается о повышении пенсионного

возраста, и наоборот. Тотальное неприятие инициативы высказывают граждане в возрасте от 18 до 50 лет, в предпенсионном возрасте поддержка реформы составляет 12–15%, а более 20% действующих пенсионеров склонны поддержать нововведение¹³. Некоторая доля пенсионеров надеется, что реформа приведет к заметному повышению выплат. Люди пожилого возраста как самая политически активная часть российского общества будут продолжать поддерживать действующую власть или, по крайней мере, занимать конформистскую позицию. Молодежь и люди среднего возраста в условиях усиления социально-экономического кризиса вынуждены еще больше работать, чтобы обеспечить физиологическое выживание своих семей, ни о каком активном участии в политической жизни в таких условиях не может быть и речи. В Тамбовской области 96% доходов населения уходит на покупку товаров, оплату услуг и обязательных платежей¹⁴. Порочный круг бедности расширяет сферу своего влияния в обществе, от поколения к поколению уровень бедности возрастает.

Так называемые демократические процедуры и деятельность политических институтов не приносят положительных изменений в жизнь широких слоев населения. Призывы о единстве оборачиваются еще более сильным расслоением общества по имущественному признаку. Декларируется народовластие, а на деле граждане не могут повлиять на происходящие политические процессы, усиливается разрыв между ценностями, проповедуемыми властью, и реальными возможностями. За исключением Президента РФ, органы государственные власти и местного самоуправления не пользуются какой-либо заметной поддержкой в российском обществе.

Процесс отчуждения тотально укрепляет свои позиции. Постепенное снижение уровня и качества жизни приводит не к росту протестной активности, а к процессам, когда люди замыкаются в своих проблемах, у них не остается времени, сил и желания заниматься политикой, население не видит смысла участвовать в общественно-политической жизни. Рассматриваемое отчуждение не способствует развитию гражданского общества и формированию у граждан ответственности за развитие своей страны, региона или муниципального образования.

Примечания

- 1 См.: Вилков А. А., Шестов Н. И. Российские регионы в политическом измерении (обзор международной конференции) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 112–119.
- 2 См.: Предпосылки для осенних протестов. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/16/predposylki-dlya-osennih-protestov/> (дата обращения: 17.08.2018).
- 3 См.: Осеннее наступление трудящихся. URL: <http://kprf.tmb.ru/golos/nash-golos-1089.pdf> (дата обращения: 17.08.2018).
- 4 См.: Реформе – быть : когда повысят пенсионный возраст. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/06/16/11803771.shtml> (дата обращения: 17.08.2018).
- 5 См.: Протестные настроения. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/01/protestnye-nastroeniya/> (дата обращения: 17.08.2018).
- 6 См.: Россияне привыкают к бедности. URL: <http://www.gosbalt.ru/russia/2016/04/08/1504849.html> (дата обращения: 17.08.2018).
- 7 См.: Бедность в России : десятки миллионов за чертой. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/05/09/11745109.shtml> (дата обращения: 17.08.2018).
- 8 См.: Выученная беспомощность (learned helplessness). URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/140/Выученная (дата обращения: 02.09.2018).
- 9 См.: Выученная беспомощность в разрезе политического поведения. URL: <https://salt.zone/post/4738> (дата обращения: 02.09.2018).
- 10 См.: Сводная таблица предварительных итогов голосования. URL: http://www.voronezh.vyborny.izbirkom.ru/region/region/voronezh?action=show&root=1&tvtd=23620001363779&vrn=23620001363775&region=36&global=&sub_region=36&prver=0&pronetvd=null&vibid=23620001363779&type=222 (дата обращения: 12.09.2018).
- 11 См.: Тревожащие проблемы. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/06/trevozhashhie-problemy/> (дата обращения: 08.09.2018).
- 12 См.: Одобрение институтов власти. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/30/odobrenie-institutov-vlasti-4/> (дата обращения: 08.09.2018).
- 13 См.: Власть лишила молодежь 90-х будущего, а теперь ворует старость. URL: <http://svpressa.ru/society/article/207532/> (дата обращения: 08.09.2018).
- 14 См.: Реальные доходы населения продолжают снижаться. URL: <http://www.taminfo.ru/important/40476-realnyehodody-naseleniya-prodolzhayut-snizhatsya.html> (дата обращения: 08.09.2018).

Образец для цитирования:

Александров А. Р., Машкова С. Г. Феномен политической стабильности в условиях снижения уровня жизни населения на примере российской провинции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 466–469. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-466-469>

Cite this article as:

Alexandrov A. R., Mashkova S. G. The Phenomenon of Political Stability in the Face of Declining Living Standards of the Population on the Example of Russian Province. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 466–469 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-466-469>

УДК 321.01

ПРОБЛЕМАТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

А. В. Афонасова

Афонасова Алена Владимировна, кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Курганский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, afonasoava.av@kurg.ranepa.ru

В данной статье представлены основные направления анализа политической функциональности государства в отечественном научном дискурсе в постсоветский период, дано объяснение преобладания правовых исследований данной проблематики, рассмотрены основные трактовки понятия функций государства и основных критериев для их классификации, раскрыты особенности понимания и интерпретации политических функций государства.

Ключевые слова: политическая функциональность государства, понятие функций государства, классификации функций государства, виды и сущность политических функций государства.

Problematics of Political Functionality of the State in the Scientific Discourse of Post-Soviet Russia

A. V. Afonasoava

Alena A. Afonasoava, <https://orcid.org/0000-0002-6156-2811>, Kurgan branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 147a, Karl Marx Str., Kurgan, 640022, Russia, afonasoava.av@kurg.ranepa.ru

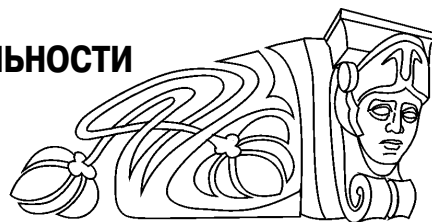
This article presents the main directions of analysis of the political functionality of the state in the domestic scientific discourse in the post-Soviet period, explains the prevalence of law research of this problem. The main interpretations of the concept of state functions and the main criteria for their classification are examined, the peculiarities of understanding and interpreting the political functions of the state are revealed.

Key words: political functionality of the state, concept of state functions, classification of state functions, types and essence of the political functions of the state.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-470-473>

Продолжающаяся дискуссия по различным аспектам социально-политических последствий изменений в пенсионном законодательстве в очередной раз актуализировала проблематику политической функциональности Российского государства. В рамках данной статьи рассмотрим основные направления научных исследований политической функциональности государства, представленные в обществоведческой литературе постсоветской России.

Даже поверхностное ознакомление с библиографией по проблематике политической функциональности государства показывает абсолютное доминирование отечественных теоре-

тических и практических юридических исследований. На наш взгляд, объяснить это можно тем, что научное осмысление данной проблематики с начала 1990-х гг. осуществлялось в постсоветской России в рамках теоретического обоснования строительства правового государства. Это обусловило и интерес российских правоведов, и их фактическую монополию¹ на осмысление и концептуализацию различных аспектов трансформации и реформирования советских государственных институтов, и их преобразования в основу правового государства².

Однако реальный процесс институционализации демократического правового государства был осложнен острым политическим противостоянием окружения Президента РФ Б. Н. Ельцина и сторонников Председателя Верховного Совета РФ Р. И. Хасбулатова. Трагические события 3–4 октября 1993 г. существенно повлияли на содержание проекта Конституции РФ, который был принят 12 декабря того же года на референдуме. Поэтому конституционно-правовые нормы, определяющие политическую функциональность Российского государства, и основные принципы реального функционирования его основных институтов и механизмов представляли собой не вполне совпадающую систему координат для анализа.

Тем не менее, осмысление последующего процесса развития функциональности Российского государства и его законодательного оформления осуществлялось, прежде всего, в работах отечественных правоведов.

Важное место среди них занимали работы теоретического плана, посвященные пониманию сущности политической функциональности государства³. Анализ данных работ свидетельствует о том, что авторы акцент делают на теоретико-правовых аспектах функциональности современного правового государства и гораздо меньше внимания уделяют особенностям конкретных механизмов реализации этих функций.

Достаточно большое количество работ посвящено трактовкам понятия «функции государства»⁴. М. В. Жигуленков считает, что «функция государства – это обусловленная сущностью государства его способность к деятельности в определенном направлении, реализуемая при соответствующих условиях в целях решения задач, стоящих перед ним»⁵. Как представляется, акцентирование внимания на способности государства действовать по определенным направлениям оставляет открытым вопрос о степени

и характере этой способности. Тем более такое определение позволяет поставить вопрос и о неспособности государства решать объективно назревшие общественные потребности. Не случайно В. А. Габер делал акцент на взаимосвязи внутренней и внешней среды функционирования государства, подчеркивая обусловленность функций государства необходимостью реагировать на объективные общественные запросы⁶.

Более обоснованным представляется подход Е. Ю. Добрынина. Рассматривая совокупность государственных функций, он подчеркивает, что обобщенное их понимание фактически сводится к характеристике государства как системы в целом. Такой подход, по мнению автора, обладает эвристической недостаточностью в связи «с различным пониманием основных направлений деятельности государства в зависимости от исходной теоретической позиции исследователя, которая может существенно различаться»⁷. Сам автор определяет функцию государства как «комплексную динамическую систему направлений деятельности и содержания деятельности государства, определяемую совокупностью институционально нормированных интересов государства, общества и индивида на определенном этапе исторического развития»⁸.

Важное значение для понимания сущности политической функциональности государства имеет проблематика классификации функций государства⁹. Особое предметное поле для дискуссий отечественных правоведов представляют критерии классификации данных функций государства.

Одним из предметов дискуссии является традиционное с советских времен деление функций государства на внутренние и внешние. Ю. В. Марченко, например, в своей диссертации утверждал, что данное деление устарело по причине процессов глобализации и наличия объективной мировой тенденции к международной интеграции государств в политической и социально-экономической сферах деятельности¹⁰. На наш взгляд, обострение международных отношений и жесткой конкуренции ведущих мировых держав в отстаивании национальных интересов в последние годы наглядно показывает, насколько автор поторопился с такой оптимистичной оценкой результатов глобализации.

Декан юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Н. Т. Шестаев критикует как нецелесообразные достаточно распространенные в отечественном правоведении критерии классификации, связанные со степенью важности, временем осуществления, территориальным масштабом реализации и методом реализации государственных функций. По его мнению, итоговый вариант классификации можно представить следующим образом: «1) по предмету государственного воздействия: а) политические; б) экономические;

в) социальные; г) идеологические; д) экологические; 2) по форме своей реализации: а) правовые формы реализации; б) неправовые (фактические) формы реализации; 3) по цели: а) законодательная; б) управленческая; в) функция осуществления правосудия; г) контрольно-надзорная; 4) по сфере реализации: а) внутренние; б) внешние»¹¹.

Действительно, важно учитывать, что аргументы в пользу деления функций на главные и неосновные относились к советскому государству в рамках обоснования его преобразующей и созидательной природы. По мнению Н. В. Черноголовкина, для главных функций характерны следующие признаки: «1) направлены на решение главных задач, стоящих перед государством на данном историческом этапе его развития; 2) осуществляются в течение продолжительного периода существования данного государства или отдельной фазы его развития; 3) носят объективный характер; 4) их существование обязательно и необходимо для развития государства»¹². Уже в советский период такой подход был подвергнут критике за трудности в определении логических границ основных и неосновных функций¹³. Как представляется, обозначенные выше критерии основных функций утратили свою теоретическую и практическую значимость в связи с тем, что государство в современной России имеет принципиально иную политическую, идеологическую, правовую и социально-экономическую основу. Данные критерии были актуальны для строгой вертикали партийно-государственного управления всеми сферами общественной жизни, когда государство могло максимально концентрировать и перенаправлять имеющиеся ресурсы в рамках общественной собственности на средства производства и плановой экономики на решение любых стратегических и текущих задач и ранжировать их по своему усмотрению. Возможности и задачи политического управления обществом в современной России иные и основываются на иной модели взаимодействия государства и гражданского общества¹⁴.

Существует несколько основных подходов к пониманию самой сущности политических функций. Расширенная трактовка сводится к тому, что все государственные функции в определенной степени можно отнести к политическим, хотя среди них и выделяются особо функции обеспечения народовластия¹⁵. Такое расширенное понимание политических функций фактически нивелирует их среди других функций. Скорее, речь нужно вести об универсальной роли политических механизмов в реализации всех других государственных функций. Действительно, процедура выявления разнообразных проблем в различных сферах общественной жизни и их решения в значительной степени осуществляется через политические механизмы выборов и принятия политических решений (начиная от артикуляции, агрегации, выдвижения альтернатив,

их политизации в виде партийных и предвыборных программ, публичного обсуждения и критики и до принятия конкретных документов законодательными и исполнительными органами власти). Но такое понимание использования политических механизмов не отменяет самостоятельности других функций государства. Например, функции регулирования, налогообложения, перераспределения, поддержки стратегических направлений экономического развития будут реализовываться как самостоятельные (хотя и связанные с другими сферами общественной жизни) государственные задачи.

По мнению ряда авторов, политическую функцию (в единственном числе), которую они оценивают как базовую, можно определить через ее целевую установку, связанную с процессом обеспечения «государственного суверенитета в его внутреннем и внешнем проявлении. Таким образом, во внутренней сфере реализация политической функции предполагает осуществление деятельности по обеспечению незыблемости государственного строя; организации и функционирования органов государственной власти; определению принципов взаимодействия субъектов государственной политики (политических партий, государственных и общественных организаций, индивидов)»¹⁶. Соответственно, во внешней сфере суть политической функции определяется также потребностью обеспечения суверенитета государства. Такое ранжирование, с учетом обострения международной ситуации вокруг России в последние годы вполне оправданно. Тем не менее, данное определение представляется недостаточным, так как фактически не раскрывает необходимости обеспечения государством политических прав и свобод граждан в процессе их участия в политической жизни.

Не совсем оправданным представляется также выделение данными авторами идеологической функции государства как самостоятельной (наряду с политической), которая содержательно представляет собой «реализацию каких-либо идеологием посредством формирования устойчивых мировоззренческих ценностей»¹⁷. Реализацию идеологической функции авторы справедливо тесно связывают с информационно-коммуникативной, но этим и ограничиваются. На наш взгляд, мировоззренческие установки и ценности формируются не только в процессе «государственного управления информационными потоками», но и в ходе первичной и вторичной политической социализации граждан в целом, которая включает в себя процессы в сфере образования и культуры, а также процессы непосредственного участия граждан в политической жизни страны. Поэтому более оправданно, на наш взгляд, рассмотрение идеологической функции государства как одной из совокупности политических функций. Это особенно важно с учетом особой роли ценности справедливости в

политической культуре россиян, в том числе и в понимании сущности государства¹⁸.

Л. А. Морозова при рассмотрении данной функции акцент делает на необходимости разработки общегосударственной идеологии, которая бы отражала общественные взгляды на стратегию развития российского общества и государства¹⁹. Подобной точки зрения придерживаются многие другие юристы²⁰, подчеркивая, что политика вне идеологии бессмысленна²¹. Например, С. В. Мацко в своей диссертации справедливо обосновывает, что деидеологизация деятельности государства, закрепленная в 1993 г. в Конституции РФ, представляла собой отражение конъюнктуры текущего политического момента и привела к серьезным негативным политическим и социально-экономическим последствиям за счет существенного снижения субъектности Российского государства и его способности оказывать необходимое воздействие на происходящие во всех сферах общественной жизни процессы²². Место государства в этом случае заполняется узкогрупповыми субъектами политики, которые осуществляют идеологическую функцию в соответствии с ее сущностным определением: «...совокупность мировоззренческих взглядов и практических действий, направленных на реализацию в жизни интересов и потребностей различных классов и социальных групп»²³.

Подводя итог, можно констатировать, что в научной литературе отсутствует единство в понимании авторами сущности функций государства, критериев их классификации и форм реализации. Разнообразие трактовок, на наш взгляд, обусловлено не только различиями мировоззренческих и идеологических исходных позиций авторов и их приверженностью к различным научным школам, но также и определенным противоречием самой сущности современного Российского государства, которое в свое время было заложено Конституцией РФ. Суть противоречия состоит в том, что Основной закон был принят в условиях серьезного политического и социально-экономического кризиса, и был принят как реакция на острую текущую ситуацию. С одной стороны, он вобрал в себя все основные либеральные принципы и ценности демократического, правового государства. С другой стороны, Конституция РФ включила в себя многие социальные функции и обязательства государства, которые вчерашними советскими гражданами рассматривались как традиционные и обязательные. Отсутствие у государства необходимых ресурсов для их реализации и резкое падение уровня жизни большинства населения привели к тому, что угроза социальных потрясений среди всех политических функций государства на первое место выдвинула задачу сохранения у власти тех сил, которые инициировали либерально-демократические преобразования. Формы и методы сохранения этих сил у власти в 1990-е гг. изначально не соответствовали тем демократическим принципам, которые были за-

креплены в Конституции и других нормативных документах. Тем самым был заложен конфликт между нормативно закрепленными политическими функциями государства, нацеленными на обеспечение возможностей для участия граждан в делах государства для защиты своих интересов, и реальными политическими практиками, обеспечивающими сохранение властных полномочий политических сил, представляющих интересы бизнес-элит и узких социальных групп.

Примечания

- ¹ Данная традиция была характерна и для советской науки. См.: *Каск Л. И.* Функции и структура государства. Л. : Изд-во ЛГУ, 1969 ; *Байтин М. И.* Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979 ; *Кравченко Ю. Б.* О понятии и классификации функций социалистического государства // Правоведение. 1977. № 6. С. 41–42 ; и др.
- ² См.: *Боер В. М., Городинец Ф. М., Янгол Н. Г.* Правовое государство. Идея, концепция, реальность. СПб. : Изд-во СПбГААП, 1996 ; *Нерсисянц В. С.* Конституционная модель российской правовой государственности : опыт прошлого, проблемы и перспективы // Правовое государство, личность, законность / Варламова Н. В., Лукашева Е. А., Мальцев Г. В., Нерсисянц В. С. [и др.]. М. : Изд-во НИИ правовой политики и пробл. правоприменения РПА МЮ РФ, 1997 ; *Румянцев О. Г.* Основы конституционного строя России : понятие, содержание, вопросы становления. М. : Юрист, 1994.
- ³ См.: *Гнатенко А. И., Опалева А. А.* Теоретико-правовые аспекты политической функции государства // Современное право. 2010, № 2. С. 44–47 ; *Жигуленков М. В.* К вопросу о теории функций государства // Гражданин и право. 2010. № 9. С. 3–8 ; *Мамут Л. С.* Государство : полюсы представлений // Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 45–54 ; *Рамазанов Т. Г.* Понятийно-содержательная характеристика функций государства // Закон и право. 2009. № 11. С. 53–54.
- ⁴ См.: *Туманов С. Н.* К вопросу о понятии и структуре функции государства // Вестн. Перм. ун-та. 2012. № 4. (18). С. 33–42 ; *Чехлатова Е. А.* Функции государства : к вопросу определения категории // Междунар. акад. вестн. 2015. № 6 (12) С. 58–59.
- ⁵ *Жигуленков М. В.* К вопросу о понятии «функция государства» // Право и политика. 2001. № 5. С. 16.
- ⁶ См.: *Габер В. А.* Функции государства. М. : Юрист, 1996. С. 5.
- ⁷ *Добрынин Е. Ю.* К вопросу о понимании функции государства // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Право. 2009. № 4. С. 12.
- ⁸ Там же. С. 13.
- ⁹ См.: *Жимиров В. Н., Тищенко А. Г., Колокольцев В. А.* Некоторые теоретические вопросы классификации функций современного государства // Вестн. СПб. ун-та МВД России. 2005. № 1 (25). С. 6–13 ; *Шестаев Н. Т.* К вопросу о классификации функций государства // Законы России : опыт, анализ, практика. 2013. № 12. С. 71–82 ; *Новак З. А.* Некоторые теоретические вопросы классификации функций государства // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2014. № 8. С. 14–16.
- ¹⁰ См.: *Марченко Ю. В.* Правовые формы осуществления государственных функций : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 165.
- ¹¹ *Шестаев Н. Т.* Указ. соч. С. 81.
- ¹² *Черноголовкин Н. В.* Теория функций социалистического государства. М. : Юрид. лит., 1970. С. 41.
- ¹³ См.: *Манов Г. Н.* Государство и политическая организация общества. М. : Наука, 1974. С. 146–147.
- ¹⁴ См.: *Вилков А. А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–70.
- ¹⁵ См.: *Венгеров А. Б.* Теория государства и права : учебник для юрид. вузов. М. : Омега-Л, 2006. С. 80.
- ¹⁶ *Жимиров В. Н., Оль Е. М., Реуф В. М.* Современное государство : к вопросу об основных функциях // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 44.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: *Шестов Н. И.* «Справедливость» и государство // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер.. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 68–75.
- ¹⁹ См.: *Морозова Л. А.* К вопросу об идеологической функции государства и общегосударственной идеологии // Государство и право. 2015. № 12. С. 23–29.
- ²⁰ См.: *Цыганкова Д. Ю.* Идеологическая функция государства : к вопросу о корректности понятия // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2010. № 12. С. 170–172.
- ²¹ См.: *Байков А. Ф.* Правовая идеология : сущность и реализация в условиях правового государства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 25.
- ²² См.: *Мацко С. В.* Государственная идеология и право современной России (Теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2003.
- ²³ *Яковлев А. И.* Государственная идеология. Калуга : Облиздат, 2001. С. 25.

Образец для цитирования:

Афонасова А. В. Проблематика политической функциональности государства в научном дискурсе постсоветской России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 470–473. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-470-473>

Cite this article as:

Afonasova A. V. Problematics of Political Functionality of the State in the Scientific Discourse of Post-Soviet Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 470–473 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-470-473>

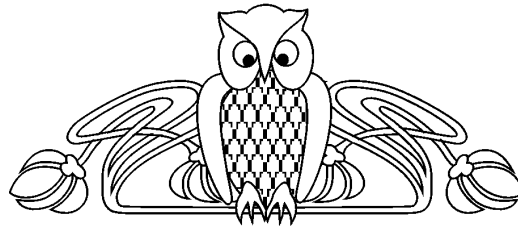

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 316.7, 323

РОЛЬ ЭТНОПОЛИТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

Н. С. Толкунов

Толкунов Никита Сергеевич, аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, niktolkunov@gmail.com

В статье рассматриваются роль этнополитики в конструировании новой российской гражданской нации. Обосновывается идея о том, что проблема становления в России гражданской нации обусловлена проблемой совпадения двух идентичностей – национальной (универсальной) и этнической. Отмечается роль этничности как самодостаточного политического ресурса. Анализируется процесс нациестроительства, особенности этнополитологического образования. Подчеркивается необходимость смещения акцентов в реализации российской этнополитики. Делается вывод о том, что только после того, как нация превратится в единый политический организм, можно будет говорить о способности гражданской нации противостоять различным вызовам и угрозам многосоставного общества.

Ключевые слова: гражданская нация, этничность, этнополитика, этнополитологическое образование, государственная политика в области нациестроительства.

The Role of Ethno-Politics in the Formation of the Russian Civil Nation

N. S. Tolkunov

Nikita S. Tolkunov, <https://orcid.org/0000-0003-0440-5737>, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, niktolkunov@gmail.com

The article considers the role of ethno-politics in the design of a new Russian civil nation. The idea is substantiated that the problem of the formation of a civil nation in Russia is caused by the problem of the coincidence of two identities – national (universal) and ethnic. The role of ethnicity as a self-sufficient political resource is noted. The process of nation-building, features of ethno-political education are analyzed. The need to shift the emphasis in the implementation of Russian ethno-politics is emphasized. It is concluded that only after a nation becomes a single political organism, it will be possible to talk about the ability of the civil nation to confront the various challenges and threats of a multi-part society.

Key words: civil nation, ethnicity, ethno-politics, ethno-political education, State approach to the construction of civil nation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-474-478>

Феномены полиэтничности и мультикультурализма сегодня становятся характерной чертой современного общества. Перемещение этносов, конфессий, культуры и, как следствие, усложне-

ние этнической структуры общества обуславливаются интенсификацией антропотокков.

В связи с этим Российскую Федерацию можно считать примером формирования полиэтничной нации. Этот процесс сопровождается трудностями в процессе национальной самоидентификации, периодическими проявлениями этнонационализма, а также поиском национальной идеи, которая бы могла послужить тем основанием, на базе которого развивалось бы наше государство. Поиском формулы гражданской нации озадачены уже многие годы как в научном, так и политическом сообществе¹.

По этой причине нам необходимо рассмотреть содержание понятий «россиянин» и «русский». Эти понятия включают в себя много иррационального, поскольку их та или иная трактовка вызывает массу эмоций; такие, что будят не только сознание, но и эмоции самых широких народных масс. В последнее десятилетие в качестве новой цивилизационной идентичности россиян политическая элита стала часто использовать понятие «русский мир», которое по своей природе является надэтническим².

Поиск подобных всеобъемлющих понятий обусловлен нашей историей. Ведь этническое содержание понятие «русский» обрело в период советского руководства. Произошло это в 1930-е гг. в результате реализации тогдашней национальной политики, которая отличалась институционализацией этнического фактора через создание федерации на основе этнического признака. Спустя годы становится понятно, что противопоставление «русский – россиянин» является таким же опасным явлением, как и «русский – нерусский».

Сегодня понятие «россияне» является собирательным, под которым понимают всех жителей Российской Федерации независимо от их этнической принадлежности. Его практически невозможно перевести на иностранные языки, в отличие от слова «русский». Однако это слово использовалось в текстах Михаила Ломоносова и Феофана Прокоповича, а также в «Истории государства Российского» Н. Карамзина, где он не противопоставляет его понятию «русский». Его активное использование началось в конце XX в. и считалось более широким понятием, чем «русские». В первую очередь, стоит вспомнить Б. Н. Ельцина, который использовал понятие

«россияне» в своих обращениях к гражданам. Что касается В. В. Путина, то он чаще использует понятия «соотечественники» или «российский народ». Последнее он использовал во время своего послания Федеральному собранию. Это было сделано для закрепления данного понятия в общественно-политическом сознании.

Становится понятным, что проблема становления в России гражданской нации обусловлена проблемой совпадения двух идентичностей – национальной (универсальной) и этнической.

Таким образом, в сопряженности смыслов гражданской нации и этнополитики современной России отражаются национальные и этнические интересы, ценности, определяемые историческими и социокультурными особенностями общества.

Как правило, в мире не встречается полного совпадения политического и этнического смыслов. Однако даже в случае максимально возможного совпадения это не всегда может привести к этнополитическим конфликтам. Отношения этнической с другими сферами жизнедеятельности тогда приобретают конфликтный характер, когда это несовпадение используется в качестве политического ресурса в борьбе за власть, экономические блага, престиж в обществе.

Особенность ситуации в России заключается в том, что основные политические акторы, отвечающие за нацистроительство, пытаются отстаивать несовпадающие ценности. В это же время, как считает А. С. Панарин, в политике ощущается реванш «коллективных сущностей», таких как национальный интерес, национальные цели и приоритеты (т. е. этнические), цивилизационная, социокультурная, конфессиональная идентичности. Эти группы противопоставляют свою групповую (этническую) идентичность политической гражданственности, негативно влияя на построение единого гражданского общества³. Далее мы расскажем о причинах, приводящих к этому.

В отличие от Советского Союза, развитие Российской Федерации сопровождается возрождением религии и ростом ее значимости для общественности. Однако здесь существует возможность попадания в подобную религиозную «ловушку». Советская модель «дружбы народов на расстоянии» была более гибкой и бесконфликтной, нежели сегодняшняя, в которой Православие пытается приватизировать духовную легитимацию власти. Даже День народного единства, который изначально задумывался как национальный праздник, в конечном счете является чем-то средним между чествованием Иконы Казанской Богоматери и народными гуляниями.

Подобные ситуации происходят не случайно. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что у современных политических менеджеров отсутствует профильное этнополитологическое образование. Далее мы попробуем подтвердить данный тезис.

Этнические общности как в прошлом, так и в настоящем играют большую роль в общественной и политической жизни общества. Ведь в процессе социализации и политизации страны они обретают статус наций-этносов. Все те предположения об исчезновении и стирании границ между этносами не сбылись, а, наоборот, мир столкнулся с новой волной роста национального самосознания. Даже «плавильные котлы» не смогли искоренить их многие самобытные характеристики. Там, где о них забывают и пытаются ассимилировать, они вновь и вновь начинают напоминать о себе. При изменении социально-политических, социально-экономических условий нации-этносы более интенсивно стараются искать пути своего социального и политического самоутверждения. Они пытаются показать, что вполне жизнеспособны и устойчивы как в рамках существующих государств, так и вне их, поскольку история показывает, что полиэтничные государственных образования распадаются, но сами этносы не исчезают⁴. Именно здесь и проявляется значение этнополитики для всего политологического образования, так как многие этнонациональные процессы проходят на фоне конкретных политических реалий. В зависимости от условий проживания этносов и экономического положения будет складываться их отношение к действующей политической власти.

Смысл этнополитики в рамках политической науки заключается в обустройстве наций-этносов в современных условиях. Этносы-нации могут выступать как объектом, так и субъектом политических процессов. Национальность понимается как в значении этничности, так и в ее гражданской форме. Сегодня в рамках этнополитики мы можем наблюдать противоположные тенденции: с одной стороны, многие склонны утверждать о развитии процессов глобализации и интернационализации во всех сферах жизнедеятельности, с другой – наблюдается обострение чувства национального самосознания, национального обособления⁵.

Этническая идентичность с ее этнокультурным компонентом взаимодействует с идентичностью, но уже в качестве явления политического. В связи с этим мы можем обнаружить взаимозависимость между этничностью и смыслами российской нации, а также между феноменом гражданской нации и формулой российской нации⁶. Для успешного социально-культурного развития нашего общества важно понять, что только нация способна вобрать в себя все этнокультурное. И только после этого, когда она превратится в единый политический организм, можно будет говорить о способности гражданской нации противостоять различным вызовам и угрозам многообразного общества. Поэтому высшему руководству страны необходимо проводить работу в направлении закрепления в массовом сознании смыслов и символов нации⁷.

Этнополитика отвечает за обеспечение взаимодействия, адаптации, развития этносов в конкретном обществе. Первоочередной задачей является недопущение и разрешение конфликтов, которые могут возникнуть при отстаивании своих политических интересов и участия в работе политических институтов. Будучи составной частью политологического знания, этнополитика помогает соблюсти баланс этнонациональных и государственно-национальных интересов, а также обеспечить их гармоничное взаимодействие. В этом и заключается научная и политическая актуальность этнополитики в вопросе формирования общегражданского самосознания.

Сфера межэтнических отношений полна различных предубеждений, многие из которых неверны. В связи с этим чрезвычайно важно найти пути их преодоления. Одной из главных причин появления подобных предубеждений является социальное расслоение общества. Если чувство классовой солидарности присутствует, то оно способно преодолеть многие расовые, национальные и этнические предубеждения⁸.

В то же время попытки продемонстрировать уникальность каждой этнической общности, противопоставление их друг другу, концентрация внимания на их культурной самобытности способствуют развитию интолерантных настроений в обществе, встают на пути становления общегражданской нации. Все это также результат отсутствия у политических менеджеров профильного этнополитологического образования. Весь спектр проблем Россия унаследовала от СССР, где понятие «национальность» означало «этническую принадлежность», тогда как в остальном мире – «гражданство». Однако стоит признать, что в Советском Союзе в массы был внедрен концепт «советского народа» как политической общности, а после его распада российские политические элиты ничего не предложили взамен.

Напротив, специалисты по внутренней политике, как правило, стараются относить этнические сообщества к отдельным акторам общественно-политических отношений, а также пытаются поставить этничность в оппозицию гражданству⁹. Этнические сообщества противопоставляют в культурном плане основной части общества, что приводит к позиционированию этническими обществами себя как экстерриториальных образований, которые являются составной частью внегосударственных культурных сообществ, а не составляющей гражданской нации. Сохранение этнокультурной самобытности является чрезвычайно важным аспектом успешного развития той или иной этнической общности. Однако для ее сохранения необходимы действия со стороны представителей самой группы, но никак не со стороны политических менеджеров, которые порой вынуждены действовать под давлением этнических антрепренеров и «сухих»

показателей успешности реализации Стратегии национальной политики. К примерам подобных квазисообществ можно отнести: «тюркский мир», «славянский мир», «арабский мир», а также «финно-угорский мир», который начал интенсивно развиваться только в 90-е гг. XX в.

Как уже говорилось, подобные процессы обусловлены принятием неправильных решений в профильных структурах, сотрудники которых не получили этнополитологического образования. Проблема кадрового обеспечения сегодня только начинает решаться. В поликонфессиональной России этнокультурное просвещение направлено не на укрепление общегражданской идентичности. Было бы целесообразным уже на школьном уровне ввести предмет, направленный на развитие гражданского согласия. Таковыми могли бы стать уроки по граждановедению. В то же время во многих республиках РФ широко преподаются дисциплины, которые направлены на развитие этноцентризма, а не на знакомство подрастающего поколения с теми общенациональными достижениями, которые были достигнуты в тесном сотрудничестве всех этнических групп в рамках общегражданской нации. Все это является следствием проблемы кадрового обеспечения, которая, в свою очередь, обусловлена проблемой преподавания этнополитики. Именно по этой причине стали разрабатываться различные учебные курсы по этнополитике, которые направлены на познание этнополитических процессов.

Этнополитология – больше прикладная дисциплина, поскольку, как было сказано выше, ее главным смыслом является обустройство наций-этносов в современных условиях. Этнополитология – это не столько теоретическая дисциплина, сколько прикладная, а потому ее методы ориентированы на конструктивно-прикладное осмысление этнополитических реалий. При выстраивании процесса преподавания данной дисциплины необходимо делать акцент на проблемах политизации этничности, ее опасности для формирования общегражданской нации, а не на формах самоопределения элит или формах участия органов государственной власти в сфере этнополитики¹⁰.

Все это говорит нам о том, что усилия субъектов нациестроительства (государства и гражданского общества) должны быть направлены на формирование новых смыслов российской гражданской нации. Необходимо подключение потенциала государственной идеологии с привлечением к этому процессу наиболее компетентных специалистов.

Поиск потенциальных и актуальных смыслов гражданской нации возможен в следующих временных рамках:

- то, что относится к символам прошлого и объединяет нас в социальной памяти;
- то, что относится к символам настоящего и формирует лояльность к ценностям нации;

– то, что относится к символам будущего и будет реализовано в содержании всеобъемлющей национальной идеи.

Эти ориентиры должны быть универсальны, быть понятными для всех этнокультурных общностей, которые и сформируют гражданскую нацию. В процессе поиска подобных универсальных ориентиров стоит обратить внимание на общие культурные достижения. Так, по мнению С. Анхольта, «брендная Россия – кладезь позитивных культурных ассоциаций, связанных с литературой, симфонической музыкой, архитектурой, оперой, балетом и общим богатым культурным наследием»¹¹.

В то же время в процессе формирования гражданской российской нации мы не должны в полной мере уповать на действия политических элит, поскольку ими формируется только концепт, а наполняют его представления о должном и сущном нации, которые являются продуктом осмысления повседневной реальности. Именно об этом говорится в теории социальных представлений, где познавательная функция связана с коммуникативной: «...группа обнажает свои контуры и обнаруживает свою идентичность посредством системы смыслов, придаваемых представлениям»¹².

В связи с этим, опираясь на принятую Стратегию национальной политики России до 2025 года, необходим поиск цивилизационного ориентира страны, подходящего реалиям гражданского общества, а также историческим истокам. Модель гражданского общества должна учитывать региональную специфику в условиях соответствующего политического и экономического строя, в которой учитываются права человека и нации. Чем понятнее будет построена эта модель, тем крепче будет основа для благополучия нации. В отношении этой проблемы политические элиты и научное сообщество должны проявлять единодушие.

Подводя итоги, можно сказать, что этничность является весьма самостоятельным политическим ресурсом. Этот ресурс возможно представить в разных масштабах: как ресурс общегосударственного значения; как региональный политических ресурс при отстаивании своего особенного положения в сообществе; как локальный ресурс в борьбе за политическое влияние на местном уровне. Стоит отметить, что не все исследователи разделяют данную точку зрения, поскольку этничность может отойти на второй план, когда один из субъектов ее актуализации обретет политическое господство¹³.

Вкупе с разработкой и смещением акцентов преподавания учебных курсов по этнополитике для специалистов следует обратить внимание и на школьные программы. Возможно влияние на общественные настроения в вопросах построения нации через введение курсов граждановедения, социальную рекламу, не лишне задействовать

общественные институты. Российская Федерация сегодня нуждается в эффективном менеджменте в сфере этнополитики, поскольку от успешности ее реализации зависит то, каким наше государство будет в ближайшие десятилетия.

Кроме того, необходимо отметить, что российская нация находится в процессе самоидентификации, и этот процесс протекает не так гладко, как хотелось бы. На него оказывают влияние политические, исторические, а также социально-психологические основания¹⁴. Однако еще более важным является процесс конструирования российской гражданской нации. Этот процесс должен быть включен в более глобальные проекты по формированию гражданского общества, на основе чего и будет создаваться новая национальная идентичность.

Проблема трактовки понятий «русский» и «россиянин» проистекает из проблемы самоидентификации россиян как гражданской нации и обвинении «русских» в постоянном давлении на другие этнические общности. Поиск путей выхода из данной ситуации на сегодня является чрезвычайно важным для российского государства. Решить эту проблему возможно только при условии слаженного взаимодействия государства и гражданского общества. Специалистам по вопросам этнополитики необходимо отходить от политики политизации этничности в сторону формирования общегражданской идентичности, где будет соблюдаться баланс относительно всех этнических групп, в том числе и доминирующей.

Гражданская нация – не раздираемая различными противоречиями общность, граждан которой объединяют общие идеалы, ценности и государство. В тех обществах, где гражданская нация успешно сформировалась, большая часть населения политически активна, не дистанцируется от процесса принятия решений. Формирование гражданской нации – это всегда победа над внутренними противоречиями во имя всеобщего благополучия. Ее становление связано с закреплением в умах наших граждан идеи о становлении единого многонационального социума в форме гражданского общества с региональными базовыми ценностями.

Примечания

- 1 См.: Вилков А. А. Политические аспекты гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 55–62. DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-55-62
- 2 См.: Буянов В. С., Гаджиева Р. Г., Терновая Л. О. Российская идентичность в условиях глобализации. М., 2008. С. 162.
- 3 См.: Панарин А. С. Политология. М., 1997. С. 37.
- 4 См.: Ачкасов В. А. Этнополитология : учебник. СПб., 2005. С. 6.

- ⁵ См.: *Абдулатипов Р. Г.* Этнополитология. СПб., 2004. С. 19.
- ⁶ См.: *Вилков А. А.* Полиэтничность и мультикультурализм как факторы политической идентичности в современном мире // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 9–20.
- ⁷ См.: *Савинов Л. В.* Региональная этнополитика в условиях социального транзита (на примере Сибирского федерального округа) : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. С. 367.
- ⁸ См.: *Нурканов А. А.* Этнос и место этнического самосознания в процессе формирования этнополитической общности // Professional Science. 2016. № 5. С. 30.
- ⁹ См.: *Шабаетов Ю. П., Садохин А. П.* Региональный национализм : экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России. М., 2014. С. 257.
- ¹⁰ См.: *Ачкасов В. А.* Указ. соч. С. 5
- ¹¹ *Анхольт С.* СССР мешает // Моск. новости. 2005. 10 июня. С. 8.
- ¹² *Соловьев Э. Г., Смирнов А. Н.* Международный имидж современной России : дефицит привлекательности или дефицит идей? // Полис. 2008. № 5. С. 23.
- ¹³ См.: *Шабаетов Ю. П.* Этнополитология и этнополитика в современной России : теория и политические практики // Человек. Культура. Образование. 2015. № 1 (15). С. 92–132.
- ¹⁴ См.: *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в современном мире. М., 2011. С. 416.

Образец для цитирования:

Толкунов Н. С. Роль этнополитики в формировании российской гражданской нации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 474–478. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-474-478>

Cite this article as:

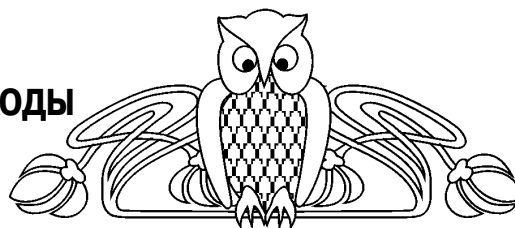
Tolkunov N. S. The Role of Ethno-Politics in the Formation of the Russian Civil Nation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 474–478 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-474-478>

УДК 321.7

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ДЕМОКРАТИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

З. И. Рожкова

Рожкова Зинаида Игоревна, младший научный сотрудник, аспирант, Институт философии Российской академии наук, Москва, zinaidarozhkova@gmail.com

Задачей данной статьи является выявление особенностей и причин несоблюдения/искажения основных принципов и ценностей демократии как главной проблемы ее неправильного функционирования. Анализ построен на изучении и сравнении классических и современных работ о демократии, которые затрагивают вопросы взаимодействия демократии со средствами массовой информации, элитой и капитализмом, с целью систематизировать подходы к изучению проблем ее функциональности. В результате анализа автор приходит к выводу, что на первый план выходит проблема маскировки реальной власти олигархии, а в контексте капитализма демократия приобретает свойства имитационной и дефектной демократии.

Ключевые слова: демократия, общество, массмедиа, модели, функциональность, дефектность, проблемы демократии, капитализм.

Problems of Democracy Functionality: Methodological Approaches to the Study

Z. I. Rozhkova

Zinaida I. Rozhkova, <https://orcid.org/0000-0003-4408-3103>, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia, zinaidarozhkova@gmail.com

The main objective of this article is to identify the features and causes of non-compliance/distortion of the basic principles and values of democracy as the main problem of its improper functioning. The analysis is based on the study and comparison of classical and modern works on democracy, which touch upon the interaction of democracy with the media, the elite and capitalism, in order to systematize approaches to the study of the problems of its functionality. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that in the modern scientific community the problem of masking the real power of the oligarchy comes to the fore, and in the context of capitalism, democracy loses the functionality of the main features of democracy.

Key words: democracy, society, mass media, models, functional, defective, problems of democracy, capitalism.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-479-484>

Многообразие подходов к изучению демократии

В политической науке есть категории и концепции, которые прошли путь от негативного до позитивного их восприятия. К ним можно отнести и базовые категории государства, власти, идеологии, равенства, свободы, политических режимов. Безусловно, на этом пути важную роль сыграли

политическая практика и реализация тех ценностей, которые являются ключевыми в отношении такого рода категорий. Среди них – «демократия», в вопросе определения которой, несмотря на долгую историю, так и не появилось теоретической ясности, о чем свидетельствуют и научные исследования, и результаты многочисленных дискуссий. Специалисты в различных областях науки имеют кардинально противоположные мнения при ответе на вопрос: «Был ли когда-нибудь Триумф демократии?»¹, рассуждая о прошлом и будущем демократии, исторических типах и идеалах, проблемах функционирования, кризисе, ошибках и проч.

В современной политической науке в вопросах определения демократии с точки зрения ее среды, процедур, средств и т. д. можно обозначить весьма обширный ряд подходов и их классификаций, например: нормативный и дескриптивный (Б. Гуттенбергер²); политико-институциональный, культурологический, аксиологический, процессуально-процедурный (М. Грачев и А. Мадатов³); рационально-утилитарный подход (Н. Луман) и многие другие подходы, изучающие демократию под разными углами. Многообразие теоретических подходов к проблеме демократии показывает, что вопрос о «триумфе» или победе демократии, «каким бы популярным он ни был, не поддается конструктивным ответам. Во всяком случае, это показывает, как мало мы на самом деле знаем о демократии»⁴, – считают ученые. Сама постановка проблемы в данной статье связана с особенностями функционирования демократических систем, поэтому проблемы практической реализации принципов демократии отправляют нас к исследованиям, основанным на эмпирическом подходе. В связи с этим основной задачей данной статьи является **выявление особенностей и причин несоблюдения/искажения основных принципов и ценностей демократии как главной проблемы ее неправильного функционирования**. Анализ построен на изучении и сравнении классических и современных работ о демократии, которые затрагивают вопросы взаимодействия демократии со средствами массовой информации, элитой и капитализмом, с целью систематизировать методологические подходы к изучению проблем ее функциональности.

Сущностные характеристики функционирования демократии и их нарушения

Исторически сложились два типа или формы демократии: прямая и представительная. При-

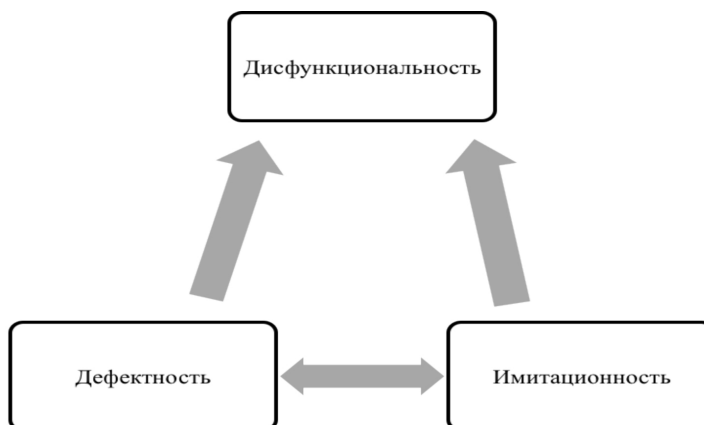
мером первой можно считать города-государства Древней Греции, такие как Афины или Спарта. Народ, имеющий право голоса (как правило, речь идет о нескольких тысячах человек), принимает решения большинством голосов по всем жизненно важным вопросам для стабильного функционирования общества. Поэтому, исходя из количественного ограничения первой формы демократии, очевидно, что современная демократия не может быть прямой. Современные страны, имеющие сотни миллионов равноправных граждан, особенно внедрившие различные гибридные типы гражданства, просто-напросто не имеют возможности организации всеобщих собраний с правом голоса. Фактически при любом типе избирательных систем технически граждане могут быть услышаны лишь через представителей.

Однако на практике функционирование подобной модели требует соблюдения весьма большого числа условий и принципов. Так, например, чаще всего в политической теории среди характерных признаков демократического режима выделяют следующие: равенство граждан; свободные демократические выборы и их регулярный характер с участием оппозиции; принцип разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную; свобода слова; всеобщий характер прав и свобод (слова, ассоциаций частной собственности и предпринимательства) и проч. На практике эти признаки зачастую не очевидны, а в работе способов и условий для стабильного функционирования демократии постоянно происходит «сбой»: от неправильной работы до подмены понятий и ценностей. А «плутократы и тимократы, через фетишизацию прибыли, медленно размывают природу и жизнеспособность демократической политики в США, Канаде, Великобритании и некоторых частях Западной Европы»⁵. Если опираться на опыт развитых стран и результаты таких аналитических исследований, как, например, индекс демократии The Economist Intelligence Unit⁶, можно с уверенностью сказать, что существуют серьезные проблемы с эффективностью функционирования демократии. В частности, «эти проблемы Ж. Бешлер называет “искажениями демократии” (политические, идеологические и моральные), Н. Боббио – “невыполненными обещаниями демократии” (например, тезис о приоритете общественного интереса над частным или тезис о политическом равенстве и т. п.), Ф. Шмиттер – “угрозами демократии” (олигархия, самоустранение, цикличность в политике и т. д.)»⁷.

Действительно, нарушения в работе демократии породили появление ряда критических политико-философских работ о кризисе и дисфункциональности режима и в целом о дефектности данного типа политического режима. Б. Г. Капустин под **дисфункциональностью** демократии понимает состояние ее неспособности «приносить народу (понимаемому как массовые непривилегированные слои) какие-либо экономические, соци-

альные или культурные блага, способные улучшить его положение, облегчить бремя эксплуатации или защитить от определенных форм угнетения»⁸. **Дефектностью** демократии считают ее «неспособность <...> функционировать в соответствии с ее собственными правилами, отвечать собственным нормативным основаниям»⁹. Эта неспособность к стабильной работе прослеживается, например, в несвободных выборах или несвободных СМИ, недопуске оппозиции к власти и в активной пропаганде, которая приводит к еще одному типу – **имитационной демократии**, где граждане имеют минимальное влияние на принятие политических решений. Можно резюмировать существенные отличия этих типов следующим образом: если назначением демократии, по Б. Г. Капустину, является общественное благо, то дефектность демократии есть следствие ее внутренних изъянов, ущербности, а имитационная демократия подразумевает принципиальное искажение демократии и подмену понятий. Дисфункциональность демократии в этом случае может являться результатом появления любого из этих типов как отдельно, так и совместно. В таком случае взаимоотношения между тремя этими типами можно представить таким образом: дисфункциональность есть следствие дефектности или имитационности режима, имитационность и дефектность взаимодействуют между собой, так как имитационность есть следствие дефектов режима, а дефектность режима создает почву для имитационности (рисунок).

Имитационная или управляемая демократия (от англ. *guided democracy*) – это политическая система, в которой, несмотря на точное соблюдение всей процедуры выборов, граждане имеют минимальное влияние на принятие политических решений. В таком государстве, несмотря на утверждение демократических принципов, активно используется пропаганда мнений политической элиты, а также возможен уклон в сторону авторитаризма правящей партии и правительства в целом. Ведь, как говорит один из разработчиков концепции «управляемой демократии» У. Липпман, то, «что реально циркулирует в ходе истории, – это не системное представление в том виде, в котором его сформулировал гений, а изменяющиеся имитации, реплики, подделки, аналогии и искажения этих представлений в сознании отдельных людей»¹⁰. Так дело обстоит, например, с созданием образа врага: необходимо создать такой образ, который докажет не просто справедливость демократии, но то, что «победа положит конец войне навсегда и подготовит весь мир к наступлению демократии. А когда, окончив войну, мы сталкиваемся с гораздо меньшим злом, чем то, над которым мы одержали победу, относительность результата уходит на задний план»¹¹, что способствует утрате реальности восприятия. «Среда, с которой взаимодействует общественное мнение, преломляется через многочисленные факторы. Это – цензура и секретность, физиче-

Модель соотношения имитационности, дефектности и дисфункциональности

ские и социальные барьеры, деформация внимания, бедность языка, отвлекающие моменты, бессознательные чувства, усталость, насилие, однообразие. Эти факторы, ограничивая доступ к среде, накладываются на непонятность происходящих в ней событий, ограничивая тем самым ясность и корректность восприятия. В результате этого наложения реальные представления подменяются вводящими в заблуждение фикциями, лишая нас возможности контролировать тех, кому наши заблуждения играют на руку»¹². Н. Луман в своей работе «Реальность и массмедиа»¹³ поясняет, что массмедиа задают стандарты, создающие новую реальность, которая, не оказывая непосредственного влияния на граждан, ограничивает мнения людей и управляет ими. Таким образом, на осознанность принятия решений граждан влияет ряд факторов, носящих опосредованный характер и включающих широкий спектр от социальных барьеров до бессознательных чувств. Многие исследователи приходят к выводу о том, что «фундаментальная проблема во всех политических системах заключается в том, что политики и политические партии, находящиеся у власти, могут использовать свои позиции для продвижения своих собственных интересов, а не интересов широкой общественности»¹⁴.

Роль общественного мнения и механизмов его формирования

Проблемы механизмов формирования общественного мнения и принятия на его основе решений многие авторы выделяют в числе ключевых причин дефектности и имитационности современных демократических режимов. К. Крауч в своем известном труде «Постдемократия»¹⁵ отмечает, что политики в наше время больше опираются не на классы, а на опросы общественного мнения и маркетинговые исследования: «... система, в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник,

основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казалось, оставались на своем месте»¹⁶. Избирателей привлекают через СМИ, вместо партийных активистов над имиджем и идейным наполнением работает целая команда профессионалов, нацеленных на сохранение избирателей. «Век партий» в их традиционном виде закончен, политика все больше персонализируется, партии становятся сообществом элит, зависимым от спонсоров»¹⁷.

Дж. Кин в своей работе «Демократия и декаданс медиа» дает название подобной элите массмедиа – медиакратия. Медиакратия – это форма олигархии, которая правит при помощи различных медиа: прессы, радио, телевидения, интернет-ресурсов. На первый план действий с подобной олигархией выходят феномены теневого пиара, государственного надзора и рыночной цензуры, медиакратии и др. В век технологий демократизация информации порождает феномен глобальной публики, которой необходимо «больше внимания уделять новшествам, достижениям и обещаниям нашего времени; задавать свежие, изобретательные вопросы, в том числе и о том, как мы понимаем саму демократию»¹⁸, ибо информация и реальность становятся «реальностью в репортаже». Это и становится основной проблемой. «Современные демократии постоянно имеют дело с контролем со стороны общества и столкновениями по поводу власти, так что может показаться, что ни одна организации и ни один руководитель, будь то в правительстве, бизнесе или социальной жизни, не защищены от политических проблем»¹⁹. Открытость информации и новшества коммуникационного изобилия, по мнению Дж. Кина, – это безусловный прогресс, однако тенденции процессов «декаданса медиа» весьма весомо ослабляют демократию, порождая апатию в обществе и неограниченную власть политиков за счет ресурса медиа.

Технократа и медиамагната, разрушающего демократию, создавая из нее «зрелищный

спорт», называет главным скрытым врагом демократии Н. Урбинати в своей книге «Искаженная демократия»²⁰. Она исходит из понимания демократии как постоянной борьбы за выражение своего мнения, которая таит многочисленные опасности и угрозу для реализации принципов демократии. Н. Урбинати выявляет некоторые видоизменения демократии и выделяет три типа ее искажения через призму искажения воли и мнения: неполитическое, популистское и плебисцитарное. Неполитическое искажение возвышает мнение экспертов над политическим мнением, популистское поляризует публичный форум, а плебисцитарное отдает предпочтение эмоциональной и иррациональной составляющим, и каждое из этих искажений может служить причиной возникновения ошибок в нормальном функционировании демократического строя.

М. Кастельс, изучая вопросы глобального кризиса политической легитимности, приходит к идеям демократии и связывает их с идеями Ю. Хабермаса. Так «способность гражданского общества обеспечивать содержание действий государства через публичную сферу (“сеть для передачи информации и точек зрения” [Habermas, 1996, p. 360]) является тем, что гарантирует демократию и, в конечном счете, создает условия для легитимного осуществления власти: власть как представительство ценностей и интересов граждан, выраженных в ходе обсуждений в публичной сфере»²¹. Стабильность функционирования общества основана на способности формировать в правильном направлении ценности демократического процесса через коммуникационные сети. При этом СМИ не четвертая ветвь власти, главная площадка для политики, где идет обработка и передача информации в нужном для правящей элиты русле, что и порождает ситуацию кризиса. «Даже в демократических режимах правительства часто вмешиваются в работу национальных вещателей или других медиаагентов, в отношении которых они обладают финансовой властью или косвенным влиянием. Я бы даже сказал, что это типичная практика»²². Таким образом, то, что медиаполитика играет важную роль в назревании недовольства демократическими ценностями, – это одна сторона кризиса демократии, другая – это постоянная нестыковка власти коммуникации и представительной власти. В этом случае демократия может выйти из кризисной ситуации только лишь в условиях функционирования нового сетевого общества, где «гражданское общество во всем его многообразии может пробить корпоративный, бюрократический и технологический барьеры социального создания имиджа»²³.

Объединяет позиции авторов данных работ то, что общество все больше отдаляется от реального понимания ситуации в политической сфере. Фактическое влияние граждан на процесс принятия решений крайне мало, что связано с возрастающей элитарностью в выборных органах власти и

наличием большого количества манипулятивных техник, которые используются для поддержания связи между обществом и представителем. Таким образом, несколько ключевых условий для демократии, такие как *свободные выборы* и *свобода мнения и СМИ*, не выполняются.

Демократия в условиях капитализма

Другим аспектом проблематики правильного функционирования демократии можно назвать сложные отношения между демократией и капитализмом. Одни современные исследователи называют взаимоотношения благостными, другие кризисными. Так, К. Тоньято считает, что «в результате связи между демократией и экономикой не только способствуют повышению функциональных показателей в экономической сфере, но и помогают перевести экономику и ее институты в центр, укоренить их в коллективную идентичность и сделать их более устойчивыми вследствие их культурного возрождения»²⁴. Главным тезисом исследований Т. Пикетти²⁵, напротив, является угроза негативного влияния имущественного расслоения на демократию, которое несет в себе капитализм. А исследователи в специальном номере «Democratic Theory», посвященном кризису демократии, называют «недостаточно регулируемый капитализм главным стрессором и создателем кризиса, который ведет к утрате представительными демократиями своего демократического содержания»²⁶.

«Капитализм» – это формация, по вопросу определения которой также идут многовековые споры. Можно определить его как свободный рынок, торжество частной собственности с неизбежным имущественным расслоением, поддержать определения К. Маркса или А. Рэнд о свободном рынке с неприкосновенной частной собственностью²⁷. Характерными признаками капитализма считаются следующие: частная собственность на средства производства, господство товарно-денежных отношений, разделение труда, превращение рабочей силы в товар и эксплуатация наемных рабочих капиталистами. Последнее создает проблему, при которой идет конфликт производительных сил и производственных отношений, заключающийся в борьбе между основными классами. Так, для Й. Шумпетера²⁸ опасностью для функционирования капитализма являются совсем не низкие темпы роста, неэффективность и высокая безработица, и даже не процесс рационализации и обезличивания семьи, свободного предпринимательства, частной собственности и проч. Порождают его «дегероизацию» крупные бюрократические концерны, созданные демократией.

Еще А. Токвиль говорил, что «когда начинаешь рассматривать истоки явлений, кажется, что аристократия естественным образом зарождается в недрах самой демократии»²⁹. И дей-

ствительно, если рассматривать феномен демократической революции в обществе, то можно сделать логичный вывод о том, что главной ее задачей является повышение уровня жизни населения, которое происходит, конечно же, за счет развития промышленности и торговли. Однако это способствует и созданию условий для устойчивого роста крупной промышленности во главе с аристократией, где промышленная аристократия – одна из самых жестоких. «Именно в эту сторону друзья демократии должны постоянно обращать свои настороженные взоры, ибо если устойчивым привилегиям и власти аристократии когда-либо вновь суждено подчинить себе мир, то можно предсказать, что войдут они через эту дверь»³⁰. Одним словом, аристократию А. Токвиль представлял главной опасностью для демократии, но вместе с тем и формой участия элиты во власти, «совокупностью правящих граждан»³¹.

О. Хёффе идет дальше, рассматривая уровни политизации и экономизации, он приходит к выводу о том, что на третьем уровне экономизации появляется новая критическая социально-историческая гипотеза. Это новое «сетевое общество», где важны личностные связи и «экономика овладевает политикой или вытесняет ее»³². Исследователь приводит в этом контексте термин Р. Рейха «суперкапитализм», под которым понимается «не заговор капиталистов против наемных работников, а обе стороны, предпринимателей и рядовых граждан, которые помогают подрывать демократию»³³. В такой ситуации возникает противоречие демократии и капитализма, которое в свою очередь порождает взаимный подрыв демократических принципов. В ситуации растущей конкуренции потребители ищут товары по более выгодным ценам, а различные инвестиционные фонды стимулируют предпринимателей к получению выгоды для них и увеличению прибыли. «А поскольку в этой “игре” все стороны рассылают представителей своих интересов, на парламентариев нападают легионы лоббистов, которые более или менее тонкими методами захватывают политическую власть»³⁴.

Некоторые современные исследователи эту «игру» связывают с отношениями «либеральная демократия – капитализм». Так, К. Б. Макферсон говорит о несовместимости двух свобод либеральной демократии: «...свободу более сильных обманывать более слабых, следуя правилам рынка; или же может означать действительную свободу всех использовать и развивать свои способности»³⁵, что показывает историческую зависимость политического устройства от экономики капитализма. Так, рассматривая модель протекционной демократии, исследователь анализирует концепции И. Бентама и Дж. Милля в вопросе об имущественном цензе, который влияет на политику страны. Граждане лишаются избирательного права по половому и возрастному признаку,

а также по признаку имущественного ценза. В итоге правом голоса будет обладать примерно 15% населения. Однако подобная модель либеральной демократии успешно работала, человек воспринимался ею «таким, каков он есть, каким его сделало рыночное общество, и считала его не поддающимся изменениям»³⁶. И действительно, модель была пропитана духом капиталистического рынка, и ее влияние прослеживается в последующих моделях демократии развития. В современном мире рынок формирует человека, а значит, и рыночный взгляд продолжает доминировать, приравнивая «либеральный» и капиталистический.

Б. Г. Капустин не ставит знака равенства между демократией и капитализмом, он считает, что они на пути своего развития «слепились». Причем это слияние «обусловлено сугубо сопротивлением масс тем формам угнетения и эксплуатации, которые нес с собой капитализм»³⁷. В результате капитализм в условиях демократизации породил новую общественную формацию с рядом социально-экономических проблем. Процессы же в этом качественно новом обществе контролирует капитализм, что «можно проследить от борьбы за распространение избирательного права на малоимущие и трудящиеся классы, чему самым решительным образом противостояла, беря пример Англии, именно передовая “манчестерская” буржуазия XIX века, до формирования и расцвета социального государства после Второй мировой войны»³⁸. Капитализм существует и успешно функционирует в современном мире, демократия же, напротив, растворяется и становится для общества той ценой, которую оно платит за существование, функционирование и сохранение капитализма.

Вместо заключения

Существует множество исследований и концепций относительно проблем демократии и их решения, что приводит к сложности их анализа. Проблемы демократии изучаются и исследуются с различных точек зрения и научных дисциплин: политологии, социологии, экономики и др. Аргумент относительно функциональности демократии раскрывает глубоко укоренившиеся политические проблемы. Одним из путей в сфере данных исследований является вопрос о выполнении ключевых условий и установок функционирования демократии.

Изменения в системе капитализма привели к расхождению демократии и справедливости и, как результат, к ее дисфункциональности, понимаемой как неспособность приносить народу различные блага. И мы с этим не можем не согласиться. Нарушения в работе демократии породили идеи о постдемократии, обществе, далеком от реального понимания ситуации в политической сфере, где активное политическое участие гражд-

дан заменяют интересы крупного бизнеса во всех сферах общества. Сохраняется лишь внешняя оболочка демократии при отсутствии ее соответствующего наполнения. И такие ключевые условия демократического существования, как равенство граждан, свободные выборы, свобода слова и мнения, свобода частной собственности, к сожалению, зачастую не выполняются.

Нельзя также не отметить, что, несмотря на популярность исследований о демократии, к сожалению, весьма мало отечественных и зарубежных научных работ, которые бы напрямую затрагивали проблемы дисфункциональности демократического режима и предлагали методологию такого исследования. Необходимо развивать данное направление для более глубокого понимания этих проблем, а также систематизации изучения взаимодействия между состояниями дисфункциональности, дефектности и имитационности демократии и поиску выхода из подобных состояний.

Примечания

- 1 См.: *Gagnon J-P., Chou M.* Why Democratic Theory? // *Democratic Theory*. 2014. Vol. 1, iss. 1, Summer. P. 2.
- 2 См.: *Гуггенбергер Б.* Теория демократии // *Полис*. 1991. № 4. С. 140.
- 3 См.: *Грачев М. Н., Мадатов А. С.* Демократия : методология исследования, анализ перспектив. М., 2004. С. 3–4.
- 4 Там же. С. 3.
- 5 Там же. С. 4.
- 6 См.: *The Economist Intelligence Unit* : [сайт]. URL: <http://www.eiu.com/home.aspx> (дата обращения: 25.05.2018).
- 7 *Баранов Н. А.* Трансформации современной демократии : учеб. пособие. СПб. : Балт. гос. техн. ун-т, 2006. С. 112.
- 8 *Капустин Б. Г.* Изменяющиеся связи между капитализмом и демократией (в России и мире) // *Логос*. 2012. № 4 (88). С. 37.
- 9 Там же. С. 36.
- 10 *Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова ; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 115.
- 11 Там же. С. 163.
- 12 Там же. С. 93.
- 13 См.: *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Практика, 2005. С. 129–130.
- 14 *Svaleryd H., Vlachosb J.* Political rents in a non-corrupt democracy // *Journal of Public Economics*. 2009. Vol. 93, iss. 3–4, April. P. 335.
- 15 См.: *Крауч К.* Постдемократия / пер. с англ. Н. В. Эдельман. М. : ИД Гос. ун-та – ВШЭ, 2010. С. 6.
- 16 Там же. С. 7.
- 17 См.: *Вилков А. А.* Эволюция российской многопартийности после выборов 2016 года // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 62–69. DOI : 10.18500/1818-9601-2017-17-1-62-69
- 18 *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова. М. : ИД ВШЭ, 2015. С. 101.
- 19 Там же. С. 103.
- 20 См.: *Урбинати Н.* Искаженная демократия. Мнение, истина, народ / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. В. Софронова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.
- 21 *Кастельс М.* Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИД ВШЭ, 2016. С. 29.
- 22 Там же. С. 231.
- 23 Там же.
- 24 *Tognato C.* Culture and the Economy // *The Oxford Handbook of Cultural Sociology* / Jeffrey C. Alexander, Ronald N. Jacobs, and Philip Smith. URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780195377767.001.0001/oxfordhb-9780195377767-e-5?rkey=NAjenB&result=24> (дата обращения: 21.05.2018).
- 25 См.: *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century. L. : Harvard University Press, 2014.
- 26 *Gagnon J-P., Chou M.* Op. cit. P. 4.
- 27 См.: *Рэнд А.* Капитализм : Незнакомый идеал : пер. с англ. / Айн Рэнд ; с добавлением статей Н. Брандена, А. Гринспена, Р. Хессена. М. : Альпина Паблишерз, 2011.
- 28 См.: *Шумпетер Й. А.* Капитализм, Социализм и Демократия : пер. с англ. / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М. : Экономика, 1995.
- 29 *Токвиль А.* Демократия в Америке / пер. с фр. и предисл. Г. Дж. Ласки. М. : Прогресс, 1992. С. 407.
- 30 Там же. С. 408.
- 31 См.: *Токвиль А.* Старый порядок и революция / пер. с фр. П. Г. Виноградова. М. : Тип. А. Г. Кольчугина, 1896.
- 32 *Хёффе О.* Есть ли будущее у демократии? О современной политике / пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 92.
- 33 Там же. С. 93.
- 34 Там же.
- 35 *Макферсон К. Б.* Жизнь и времена либеральной демократии / пер. с англ. А. Кырлежева. М. : ИД ВШЭ, 2011. С. 8.
- 36 *Хёффе О.* Указ. соч. С. 69.
- 37 *Капустин Б. Г.* Указ. соч. С. 37.
- 38 Там же.

Образец для цитирования:

Рожкова З. И. Проблемы функциональности демократии: методологические подходы к изучению // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 479–484. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-479-484>

Cite this article as:

Rozhkova Z. I. Problems of Democracy Functionality: Methodological Approaches to the Study. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 479–484 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-479-484>